K 150/732

35

R 180
132

R 180/732

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

13.172.
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф.29-1715

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Печатано въ типографіи Куколь-Яснопольскаго, Малая Мѣщанская и Столярный пер., д. № 6 и 14.

Исторія Россіи за истекшее тысячелѣтіе, какъ исторія развивающагося народа, представляетъ собою постепенный ходъ впередъ, постепенное развитіе и распространеніе знаній, постепенное совершенствованіе формъ жизни, не смотря на случайныя вредныя вліянія временныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, напр. Монгольскаго ига и пр. Но и подъ игомъ русскій народъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ, онъ сплотнился въ одно цѣлое, созналъ народное единство, что рѣзко выказалось во время смутъ 1612 года.

Съ воцареніемъ Романовыхъ начинается усиленное стремленіе къ сближенію съ западными народами, къ усвоенію ихъ знаній; Россія тѣснѣе и тѣснѣе входитъ въ союзъ западныхъ государствъ.... Внѣшнія пріобрѣтенія не останавливались въ это время; колонизація русскихъ

на востокъ и пріобрѣтеніе новыхъ земель даже до сихъ поръ не закончилось.... Русскій національный типъ до сихъ поръ окончательно еще не сложился, исторія народа еще только начинается; до сихъ поръ народъ успѣлъ только заготовить колыбель будущей исторіи отъ Балтійскаго моря до Камчатки, а исторія должна повести его далеко, благодаря новой эпохѣ, открывшейся для него съ освобожденія крестьянъ въ нынѣшнее царствованіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Русская земля. 1
2. Внутреннее устройство 12
3. Положеніе князей 18
4. Войны князей между собой 32
5. Отношенія къ иноземцамъ 36
6. Умственное развитіе 44
7. Нашествіе татаръ. 55
8. Положеніе русскихъ земель 64
9. Возвышеніе Москвы 67
10. Новгородъ 76
11. Отношеніе Новгорода къ великимъ князьямъ и паде-
ніе его 90
12. Дальнѣйшее усиленіе Москвы 102
13 Положеніе народа 132
14. Умственное развитіе 142
15. Смутное время 162
16 Новое усиленіе московскаго государства: присоединеніе
Малороссіи. 189
17. Положеніе народа. Бунтъ Стеньки Разина 208
18. Умственное развитіе 227
19. Положеніе женщины въ древней Руси. 253

ОПЕЧАТКИ:

стр:	строки:		напечатано:	читай:
2 —	4	снизу	кругъ	кругомъ
11 —	6	„	старые	старшіе
18 —	8	сверху	безпокоило	обезпокоило
21 —	13	—	и даже	и даже на
30 —	8	„	князь	князья
34 —	11	„	Валынскій	Волынскій
71 —	1	—	пріятно	непріятно подѣйствовала на народъ, потому что тысяцкій былъ заступникомъ горожанъ и съ паденіемъ его власти падало и значеніе городскаго населенія
71 —	2	—	Народъ же вообще	Но народъ вообще
85 —	17	—	“страдаемыя„	“страдомыя„
99 —	17	—	отдаваться	не отдаваться
99 —	6	„	что	чтобъ
99 —	1	„	внушило	внушало
119 —	10	—	Постовъ	Ростовъ
119 —	15	—	Севатія	Савватія
138 —	9	„	за службу	за службу раздавались земли
142 —	13	—	напоминаніе	непониманіе
144 —	1	„	не защищалъ	не завѣщалъ
155 —	21	—	Зянавію	Зиновію
155 —	21	—	держать	держатъ
161 —	18	—	дохога	дохода
170 —	13	—	мастерскихъ	мастерскія
174 —	17	—	служенныхъ	служилыхъ
216 —	1	„	Мотвѣевъ	Матвѣевъ

I.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ.

1.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Самый древній материкъ нынѣшней Россіи — Финляндія. Въ то время, когда земли нынѣшнихъ московскихъ и замосковскихъ губерній были еще подъ водой и ни разу не выказывались наружу, Финляндія составляла особый материкъ; ея гранитныя горы подымались и понижались по временамъ; материкъ измѣнялся въ объемѣ, но существовалъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Булыжники, камни съ Финдлянскихъ горъ разнесены водой по всей средней Россіи до южныхъ границъ нынѣшней Тульской губерніи. Ледовитый океанъ и Бѣлое море соединялись посредствомъ нынѣшнихъ Ладожскаго и Онежескаго озера съ Балтійскимъ моремъ.

Черное, Азовское, Каспійское и Аральское моря составляли одно большое море, простиравшееся до нынѣшней Казани, до устья Камы, впадающей въ Волгу.

Потомъ, мало-по-малу, впродолженіи безконечно долгаго времени, стали подыматься Кавказскія горы; выдвигаясь, онѣ раздѣлили прежнее большое море на три маленькихъ: Черное, Азовское и Каспійское. По мѣрѣ поднятія суши, Каспійское море отъ устьевъ Камы отошло къ нынѣшней Астрахани. Кама соединилась съ Волгой и потекла къ югу, омывая прежній морской берегъ (нынѣшній правый нагорный берегъ Волги); русскія равнины стали принимать тотъ видъ, который онѣ имѣютъ теперь; но и до сихъ поръ южный лѣвый берегъ Волги безлѣсный, покрытый пескомъ, волунами и соляными озерами, напоминаетъ о морѣ, бывшемъ тутъ очень недавно. Эта часть Россіи до сихъ поръ неудобна для хлѣбопашества, за то привольна для скотоводства; потому-то на ней издавна кочуютъ разные бродячіе народы. Какъ во всѣхъ другихъ странахъ, наружный видъ русскихъ земель измѣняется до сихъ поръ; на сѣверѣ Россіи и у Балтійскаго моря суша поднимается и въ настоящее время почти на полсажени во сто лѣтъ (у береговъ Финскаго залива). Кромѣ того, рѣки мало-помалу кидаютъ свои старыя русла, отходятъ въ сторону и протекаютъ другими мѣстами. Такъ Волга постоянно отходитъ направо, подмывая правый крутой берегъ; такимъ образомъ въ нынѣшней казанской губерніи она отошла отъ прежняго своего русла болѣе, нежели на пятнатцать верстъ. Это постоянное перемѣщеніе русла къ западу происходитъ оттого, что Волга течетъ на югъ, а такъ какъ на сѣверѣ шаръ земной сплюснутъ, и поэтому скорость вращенія земной поверхности круги на сѣверѣ меньше, нежели на югѣ, то и Волга, такъ какъ она течетъ съ сѣвера на югъ, старается удержать сѣверную, т. е. меньшую скорость вращенія

кругомъ земной оси, и такимъ образомъ должна отставать къ западу; поэтому она и подмываетъ западный нагорный берегъ и передвигается безконечно-медленнымъ образомъ къ западу. Нынѣшняя растительность русскихъ земель тоже много измѣнилась сравнительно съ прежнимъ; въ старину онѣ сплошь были покрыты лѣсами; звѣри наполняли ихъ и ходили цѣлыми стаями. До XVII всѣ пути были опасны отъ медвѣдей и другихъ дикихъ звѣрей. Народъ особенно въ древнее время почти не употреблялъ хлѣба, а питался звѣремъ; путешественникъ постоянно долженъ былъ ночевать въ необитаемомъ лѣсу, гдѣ лѣтомъ царствовало безчисленное множество мошекъ и насѣкомыхъ. Но человѣкъ, поселившійся въ русскихъ земляхъ, сталъ измѣнять видъ ихъ: сильно истреблять, жечь и рубить лѣса, распахивать пашни, распространять хлѣбныя растенія, истреблять дикихъ животныхъ и разводить домашнихъ. Человѣкъ оказалъ вліяніе не только на численность, но и на географическое распространеніе не однихъ млекопитающихъ и птицъ, но и рыбъ. Такъ напр: вслѣдствіе прорытія каналовъ между рѣками, рыба изъ однихъ рѣкъ стала переселяться въ другія; такъ стерлядь перешла изъ Волги въ Сѣверную Двину и ея притоки.

Въ настоящее время русскія равнины занимаютъ большое пространство въ 96,000 кв. миль; съ сѣвера онѣ окружены Ледовитымъ океаномъ, откуда дуютъ влажные и холодные вѣтры. Балтійское и Черное море соединяютъ прибрежья равнинъ съ остальной приморской Европой; уральскія же и кавказскія горы, особенно же уральскія ворота (т. е. низменность междуУраломъ и Каспійскимъ моремъ) соединяютъ ихъ съ Азіей. Большая часть Россіи состоитъ изъ хлѣбородной земли, очень

достаточно орошенной рѣками. Русскія рѣки, въ отличіе отъ рѣкъ Западной Европы, судоходны съ самыхъ истоковъ; на нихъ почти нѣтъ пороговъ. А такъ какъ въ старину лѣсовъ было больше, а лѣса сильнѣе удерживаютъ сырость, то и рѣки въ старину были многоводнѣе; народы, занимавшіе Россію, съ самаго древняго времени могли плавать по этимъ рѣкамъ и вести торговлю съ Европой и Азіей. Теперь самыя влажныя мѣста Россіи находятся въ западныхъ губерніяхъ (въ Литвѣ), покрытыхъ лѣсами; кромѣ того, съ Антлантическаго океана и Балтійскаго моря дуютъ влажные западные вѣтры и чѣмъ ближе къ западу тѣмъ болѣе дождей; чѣмъ дальше на востокъ Россіи, тѣмъ меньше ихъ.

Кавказскія горы и Великія ворота между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ, съ самаго древняго времени служили путемъ въ Европу для кочевыхъ народовъ, и вѣроятно первое населеніе нынѣшней Россіи пришло изъ Азіи. Эти пришельцы жили крайне бѣдно. Древніе греческіе и римскіе историки удивлялись ихъ дикости и страшному невѣжеству. "У нихъ нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; пища у нихъ — трава, одеждой — кожа, постелью — земля; вся надежда ихъ въ стрѣлахъ, а стрѣлы, по недостатку желѣза, они заостряютъ костями; живутъ охотой. Кое-какъ сплетенныя изъ древесныхъ вѣтвей шатры служатъ имъ вмѣсто домовъ; въ этихъ то шатрахъ скрываются дѣти отъ звѣрей и непогоды; сюда же возвращаются съ охоты молодые, здѣсь-же отдыхаютъ и старики... Другіе жили въ пещерахъ или въ дымныхъ юртахъ; потому-то у такихъ кочевыхъ народовъ и глаза очень маленькіе и узкіе. Многіе занимались людоѣдствомъ. Въ историческое время финны

занимали среднюю и сѣверную Россію и жили разбросанно. На востокѣ, близъ устья Камы, на Волгѣ жили болгары. Южнѣе болгаръ, кочевали казары, они жили въ кибиткахъ; впрочемъ у нихъ было тоже нѣсколько городовъ (Атель при устьяхъ Волги.) Наши предки, славяне, въ отличіе отъ финновъ, были высокаго роста, съ темными волосами, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. „Они всѣ сильны; ведутъ жизнь суровую и грубую, всегда покрыты грязью и всякою нечистотой.“ Вооруженіе ихъ состояло изъ деревяннаго щита, короткаго копья и стрѣлъ, намазанныхъ ядомъ. Главнымъ средствомъ пропитанія охота и рыбная ловля. У нихъ были недоступныя жилища въ лѣсахъ при ручьяхъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраивали многіе выходы на всякій случай; необходимыя вещи скрывали подъ землей, и не имѣли ничего лишняго наружи. Не имѣя богатства, славяне не дорожили осѣдлостью, и долго еще высказывалось у нихъ стремленіе при первой опасности разбрестись розно! Несмотря на пресловутое гостепріимство, славяне совсѣмъ не были такъ миролюбивы, какъ обыкновенно думаютъ. Такъ одинъ средневѣковой лѣтописецъ говоритъ, что славяне (чехи и поляки) не только храбры при нападеніи, но и весьма жестоки при грабежахъ и убійствахъ, они не щадятъ ни монастырей, ни церквей, ни кладбищъ. Они вмѣшиваются въ чужія войны только на условіи, что имъ будетъ позволено расхищать все, даже священное. Случается, что изъ за добычи они поступаютъ съ самыми преданными друзьями, какъ съ врагами. Другой писатель разсказываетъ, что восточные славяне, въ числѣ 3000, въ 550 году безпрепятственно вторглись въ Византійскую имперію, истребили или взяли въ плѣнъ греческія войска, за-

брали вождя Азбада и сожгли его на кострѣ. За тѣмъ опустошили безназаканно всю Оракію и Иллирію. Взявъ приступомъ крѣпость Теперъ, перебили всѣхъ жителей мужскаго пола (до 150,000), расхитили имущество, а женъ и дѣтей отвели въ рабство. Вся Иллирія и Оракія долго были покрыты трупами. Встрѣчныхъ они сажали на коль; кромѣ того распинали на крестѣ, били батогами по головѣ: иныхъ запирали въ шатры и сжигали вмѣстѣ съ быками и овцами, которыхъ не могли забрать съ собой.

Исторія застаетъ славянъ въ средней Европѣ, на берегахъ Эльбы и Дуная. Потомъ славяне стали переселяться на востокъ, вѣроятно вслѣдствіе тѣсноты при размноженіи населенія и вслѣдствіе напора нѣмцевъ. Славяне русскіе, подвинувшись изъ средней Европы, отправились на сѣверо-востокъ и заняли мѣста по берегамъ Днѣпра и озера Ильменя. Финскіе народы занимали тогда почти всю сѣверную и среднюю Россію; но это не останавливало переселенія русскихъ славянъ на востокъ: славяне были сильнѣе финновъ; они преодолѣвали ихъ всюду гдѣ была борьба и финны мало по малу русѣли все болѣе и болѣе. Финскіе народы давали такъ мало отпора русскимъ, что многимъ историкамъ кажется даже, что распространеніе русскихъ поселеній и обращеніе финновъ въ русскихъ происходило только мирнымъ путемъ. Движеніе русскаго народонаселенія на востокъ останавливалось только разъ (крайнимъ русскимъ городомъ оставался Нижній Новгородъ): когда пришли изъ Азіи татары, опустошили Русь и стали брать съ нея дань. Въ это время, вплоть до освобожденія Россіи отъ татаръ, въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ, движеніе русскаго народоселенія на востокъ было пріостановлено;

зато потомъ оно возобновилось еще съ большею силою; не только были завоеваны, но и заселены русскими Казанское и Астраханское царства, потомъ Сибирь; русскіе пробрались даже въ Америку. Движеніе это не кончилось и теперь. Въ то время, какъ другіе народы имѣютъ рѣзко опредѣленную физіономію, строго смѣренное пространство, русскій народъ еще до сихъ поръ не поставилъ своей границы, и не выработалъ однообразнаго общаго типа.

Древніе славяне, поселившіеся въ нынѣшней Россіи, были разъединены на нѣсколько племенъ. (Поляне по Днѣпру около Кіева, древляне по рѣкѣ Припети, кривичи по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины, Волги и около Ильменя; на востокъ отъ Днѣпра жили сѣверяне, радимичи и вятичи). Каждое племя жило отдѣльно и соединялись они между собою только общимъ языкомъ, обычаями и устройствомъ быта, но политической связи не было. Такъ какъ невѣжество было громадное, то предки наши поклонялись и молились не только солнцу, но и рѣкамъ, озерамъ, рощамъ, поклонялись даже камнямъ. У предковъ нашихъ вездѣ были лѣшіе, домовые, мертвецы, русалки (души умершихъ дѣтей). Эти языческія повѣрья и понятія частью до сихъ поръ удержались въ народѣ. „Святой воздухъ, помоги намъ.“ „Пущенъ корабль на воду, сданъ богу на руки.“ „Плевать на воду, все равно, что матери въ глаза.“ „Всѣмъ богамъ по сапогамъ.“ Старыя повѣрья до сихъ поръ сохранились въ разныхъ примѣтахъ. „Звѣзда съ хвостомъ (т. е. комета) къ войнѣ.“ „Векша въ городъ забѣжала къ войнѣ.“ „Крикъ куръ на насѣсти, не къ добру.“ „Кукушка кукуетъ, горе вѣщуетъ.“ „Филинъ да воронъ зловѣщія птицы, крикъ ихъ къ несчастью.“ Сычъ

на кровлѣ кричитъ, не къ добру.“ „Заяцъ дорогу перебѣжитъ къ несчастью.“ „Встрѣча бабы съ пустыми ведрами, къ неудачѣ; съ полными къ удачѣ.“ „Встрѣтилъ попа, не хорошъ выходъ.“ „Всякая встрѣча на порогѣ, на крыльцѣ, на мосту, не хороша.“ „Мухи зимой въ избѣ летаютъ, къ покойнику.“ „Сверчокъ въ избѣ летаетъ, къ смерти, либо къ пожару.“ „Соломина курицѣ къ хвосту пристала, покойникъ будетъ.“ „Увидать домоваго къ бѣдѣ или къ смерти.“ Такимъ образомъ самыя безразличныя и невинныя явленія, какъ появленіе зайца или бѣлки, бабы съ пустыми ведрами все это предсказывало несчастье; счастье же предвѣщаютъ, по народному повѣрью, именно тѣ обстоятельства, которыя менѣе всего подаютъ на него надежды. „Черныя тараканы заводятся, къ прибыли“ (отъ нечистоты). „Муха во щи -подарокъ, либо гостинецъ.“ „Волкъ дорогу перебѣжитъ, къ счастью.“ „Посуда на пиру бьется, къ счастью хозяина.“ „Покойника встрѣтишь, къ счастью.“ Такимъ образомъ и въ примѣтахъ къ счастью встрѣчаются почти только одни несчастья; рядомъ съ этимъ есть множество примѣтъ къ ссорамъ, вѣроятно потому, что предки наши ссорились очень часто. „Подавая соль, смѣйся, не то поссоришься.“ „Не стучи ключами, ссора будетъ.“ „Не играй счетами, ссора будетъ.“ „Не клади дрова въ печь остряками, ссора будетъ.“ „Черезъ порогъ ничего не принимай, ссора будетъ.“ „Мутовкой въ край посуды не стучи, ссора будетъ.“ „На черный день (т. е. понедѣльникъ и др.) не мирись, не кумись, ссора будетъ.“ „Кто по дорогѣ домой споткнется, у того дома ссора готова.“ Точно также народъ до сихъ поръ празднуетъ свои старые языческіе праздники: коляду, авсень, Ивана

Купалу (собираютъ травы, зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ пихъ). Такъ какъ извѣстныя мѣстности заселялись одной семьей, отъ которой происходило потомъ довольно значительное потомство, поэтому все оно было между собой роднею; еще до сихъ поръ въ деревняхъ всякаго пожилаго человѣка называютъ дяденькой, всякую бабу тетенькой, молодца братомъ, старуху бабушкой и т. д. Историки называютъ такой бытъ родовымъ бытомъ. Женитьба въ то время составляла первую необходимость для каждаго. Потому то всѣ старинныя сказки и пѣсни основаны на женитьбѣ. У малоросовъ до сихъ поръ еще есть повѣрье, что на тотъ „свiтъ“ нельзя явиться безъ „дружiни“, поэтому вѣроятно послѣ смерти мужа и сожигали женъ въ старину; и теперь, если умретъ дѣвица, то ей назначаѣтся женихъ на тотъ свѣтъ, и похороны ея похожи на свадьбу. Умершей прикалываютъ два вѣнка и даютъ хустки несущимъ корогви. Женихомъ ея назначается кто нибудь изъ паробковъ большею частью изъ любившихъ покойницу; онъ оббирается за молодаго: ему перевязываютъ руку (хусткою) и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до хати (могилы). Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается зятемъ и въ общемъ мнѣнiи вдовцомъ. Точно также и въ великорусскихъ губерніяхъ, напр: въ тверской, если умретъ дѣвица, то на похоронахъ раздаютъ дары, какъ на свадьбѣ. Въ старину же и у русскихъ былъ обычай, что жена, по смерти мужа, шла за нимъ въ могилу. Вообще свадьбы совершались съ разными обрядами. Часто женщинъ умыкали (похищали) близь воды и платили потомъ родителямъ вѣно. Такой обычай до сихъ поръ сохранился въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ деревняхъ. Въ

извѣстный день (Ивана Купала) парень, съ согласія дѣвицы, крадетъ ее, обвозитъ трижды кругомъ озера, дуба или ракитова куста, и она дѣлается его женой. Такой же обычай умыканья существуетъ теперь у другихъ славянскихъ народовъ, напр. у сербовъ. Онъ былъ и у многихъ другихъ народовъ: на него намекаетъ разсказъ о похищеніи римлянами сабинянокъ, и троянскимъ Парисомъ Елены, жены Менелая, и пр. Такъ какъ славяне жили среди враждебныхъ къ нимъ народовъ, то они съ самыхъ древнихъ временъ были поставлены въ необходимость соединять свои силы; но разбросанность и отдаленность поселеній много вредила общей защитѣ.

Для этого строились города, которые отличались отъ простыхъ селъ тѣмъ, что были огорожены деревяннымъ тыномъ, обведены землянымъ валомъ и рвомъ; по жители городовъ занимались тѣми же промыслами, какъ и жители селъ; тѣ и другіе занимались охотой и земледѣліемъ; тѣ и другіе рѣшали свои внутреннія дѣла и ссоры на своихъ мірскихъ сходахъ. И только при нападеніи непріятеля жители окрестныхъ селъ бѣжали и укрывались въ городѣ. Но города стояли отдѣльно другъ отъ друга, часто враждовали между собой и чрезвычайно рѣдко подавали другъ другу помощь. Въ большихъ городахъ съ очень древняго времени появились князья, т. е. старѣйшины. Самыми старинными городами были: Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ, Полоцкъ, Псковъ. Какъ Кіевъ подвергался нападеніямъ степныхъ кочевыхъ народовъ, такъ и другіе южные города; на Новгородъ и на сосѣдніе съ нимъ города нападали изъ за моря норманы (варяги). Для защиты отъ внѣшнихъ нападеній надобно было имѣть на готовѣ посто-

янное войско; потому новгородцы и сосѣднія земли пригласили къ себѣ изъ за моря князя Рюрика съ дружиной (въ 852 г.); кромѣ того, уже въ самое древнее время въ русскихъ городахъ выдвинулись богатые роды, которые постоянно считались между собой старшинствомъ, заправляли дѣлами, но не давали безпристрастнаго суда. Князь долженъ былъ быть такимъ судьей и княжить по праву т. е. судить и рядить по старинымъ обычаямъ. Онъ долженъ былъ творить „рядъ“: подъ 1157 годомъ лѣтопись порицаетъ одного князя „зане не сотвори ряда, но еще больше раздьра“. Со временъ пришествія Рюрика и страна получила названіе Руси. Родственники и потомки Рюрика отправились по другимъ городамъ. „Кому платите вы дань?“ спросили они кіевлянъ. „Казарамъ.“ Платите лучше намъ. И сѣли въ Кіевѣ. Всѣ русскіе города соединились подъ княженіемъ однихъ Рюриковыхъ потомковъ; такимъ образомъ образовалась хотя слабая политическая связь между разъединенными русскими городами. Сперва потомство Рюрика было малочисленно, такъ что приходилось одному потомку быть княземъ всей Россіи; и это продолжалось болѣе ста лѣтъ, до смерти Ярослава (862 — 1093); въ это то время въ народѣ успѣло утвердиться понятіе о связи Россіи съ однимъ рюриковскимъ домъ; и когда потомство Рюрика размножилось, всѣ рюриковичи сидѣли князьями по русскимъ городамъ; старые братья сидѣли въ старшихъ городахъ (въ большихъ старинныхъ), младшіе въ пригородкахъ (колоніяхъ); послѣ смерти старшаго въ родѣ, на кіевской великій столъ садился старшій братъ; послѣ него второй, и т. д; послѣ смерти всѣхъ братьевъ, садился старшій сынъ старшаго брата, и т. д. Такимъ образомъ

наблюдалось старшинство; народъ нарушалъ его только въ особенныхъ случаяхъ, потому что старшинство было въ обычаѣ и у народа. Старшій князь могъ требовать младшихъ къ суду, они должны были являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ. Но на дѣлѣ это рѣдко исполнялось.

2.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО.

У каждаго русскаго племени былъ свой главный городъ (у полянъ — Кіевъ, у сѣверянъ — Черниговъ, у кривичей — Смоленскъ, у полочанъ — Полоцкъ, у новгородцевъ — Новгородъ). Въ каждомъ мелкомъ городѣ и пригородѣ были свои вѣча, которые рѣшали внутреннія дѣла; но малыя вѣча зависѣли отъ мірскихъ вѣчей большихъ городъ. Въ каждомъ полоцкомъ городѣ было свое вѣче, но оно зависѣло отъ главнаго стараго вѣча полоцкаго; тоже было у смоленцевъ и новгородцевъ и въ другихъ мѣстахъ. Подчиненныя поселенія на сѣверовостокѣ назывались погостами; на югозападѣ — волостями. На мірскомъ сходѣ, община опредѣляла миръ или войну, избирала и смѣняла высшихъ старостъ, судила важнѣйшія преступленія; дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Устройство городовъ было общинное; такъ напримѣръ: въ Новгородѣ каждая улица, каждый конецъ (концемъ называлось нѣсколько улицъ, часть города) составлялъ самостоятельную общину съ своимъ управленіемъ, съ своими общинными старостами уличанскими (улица) и кончанскими (конецъ). Цѣлый городъ былъ союзъ част-

ныхъ общинъ и управлялся народнымъ вѣчемъ и выборными начальниками. Новгородскіе пригороды (колоніи) тоже были общинами и управлялись мірскимъ судомъ. Но пригородскіе начальники и вѣча зависѣли отъ главнаго повгородскаго вѣча; зато въ важныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ въ новгородскомъ вѣчѣ участвовали представители всѣхъ пригородовъ, всей земли новгородской. Такъ, приглашая Рюрика, новгородцы созвали большое вѣче, на которое были приглашены чудь и кривичи. Но вообще же въ общихъ дѣлахъ вѣча малыхъ городовъ зависѣли отъ новгородскаго большаго вѣча. „На чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ“ — говоритъ новгородская лѣтопись. Разумѣется, зависимость пригородовъ была не одинакова. Пригороды ближайшіе больше зависѣли отъ Новгорода, не замѣтно принимали всѣ новгородскіе обычаи и, если состояли изъ финновъ, то скорѣе сливались съ русскими. Но по мѣрѣ отдаленія слабѣла и связь Новгорода съ колоніями, такъ что связь съ самыми отдаленными городами и инородцами ограничивалась только сборомъ дани и торговлей. Для этого каждый годъ или, смотря по отдаленности, черезъ два года посылались туда новгородскіе даньщики съ небольшими военными отрядами и купеческими караванами: караваны эти везли туда новгородскіе товары для иноземцевъ и выменивали у нихъ мѣстные, а въ тоже время сбирали дань или ясакъ для Новгорода, а въ случаѣ сопротивленія прибѣгали къ силѣ... Новгородскія владѣнія главнымъ образомъ распространяли невольники, удалая молодежь, которая забиралась въ самыя невѣдомыя мѣста; въ случаѣ силы, грабила ихъ или облагала данью во имя Великаго Новгорода, въ

противномъ случаѣ ограничивалась торговлей. Иногда новгородскіе невольники основывали города, совершенно ненаходившіеся ни въ какой связи съ Новгородомъ; такъ въ 1174 г. ими былъ основанъ Хлыновъ (нынѣшняя Вятка), управлявшійся 300 лѣтъ совершенно отдѣльно своимъ хлыновскимъ вѣчемъ и притомъ ни разу не приглашая князя. Земля считалась общей собственностью землевладѣльцевъ и дѣлилась съ обща по ровну. Когда крестьяне жили на земляхъ бояръ, купцевъ или княжихъ, они во всякое время свободно могли оставлять землю хозяина и уходить куда угодно, заплативъ условную плату. Сельскія крестьянскія общины, какъ и городскія, имѣли свои вѣча т. е. мірскія сходки. Нѣсколько сельскихъ общинъ составляли большую общину (погостъ или волость) съ своимъ выборнымъ начальникомъ. Если крестьянинъ былъ недоволенъ рѣшеньемъ сельскаго міра, онъ могъ жаловаться въ волость или погостъ.

Уже въ древнихъ городахъ видно неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, вслѣдствіе чего уже съ самаго древняго времени должна была появиться и борьба между черными людьми и боярами по мѣрѣ того, какъ „бояре твориху собѣ легко, а меньшимъ зло“. Въ этой борьбѣ въ Новгородѣ черные люди не рѣдко одерживали верхъ. Такъ, когда бояре хотѣли посадника Онанью, а черные люди не хотѣли этого, то бояре должны были уступить (1255 г.). Иногда доходило до того, что бояръ казнили. Какъ отголосокъ подобной долговременной борьбы, сохранились до насъ старинныя пословицы: “У богатаго и по бородѣ масло течетъ, а у бѣднаго и въ кашѣ нѣтъ.“ „Мужикъ богатый, что быкъ рогатый.“ „Пьетъ пиво и медъ, ничто ей ней-

метъ.“ „Убогій мужикъ и хлѣба не ѣстъ, а богатый и мужика съѣстъ“. и др.

При приближеніи непріятелей, жители маленькихъ городовъ со всѣми своими пожитками бѣжали въ мѣста болѣе надежныя и укрѣпленныя, а иногда нѣсколько такихъ городовъ соединялось въ одномъ городѣ и защищались общими силами. Но все-таки каждое русское племя, каждый старый городъ стоялъ особнякомъ; древняя жизнь не выработала общаго вѣча для всѣхъ старыхъ городовъ, для всѣхъ русскихъ племенъ; такое общее вѣче сразу дало бы громадную силу и единство русскому народу. Но за отсутствіемъ его, связь племенъ выражалась одинаковымъ бытомъ, языкомъ и однимъ княжескимъ домомъ.... Кромѣ городскихъ и пригородныхъ общинъ, сельскихъ и волостныхъ, были еще особыя общины, подъ названіемъ вервей. Вервью называлось общество, въ которомъ всѣ члены были другъ съ другомъ въ круговой порукѣ по убійствамъ и кражамъ; вервь платила за виновнаго пеню съобща. Однако она не покровительствовала разбойникамъ и злоумышленнымъ убійцамъ; такихъ она выдавала закону и выгоняла изъ общества. Защищала же она только такихъ, которыхъ она считала честными людьми, сдѣлавшими преступленіе безъ злаго умысла, или когда находили на землѣ кого нибудь изъ членовъ верви трупъ, а подозрѣній въ убійствѣ ни на кого не было. Отъ верви зависѣло отыскивать виновныхъ или нѣтъ; если она находила убійцу невиноватымъ или такимъ человѣкомъ, съ которымъ можно было ужиться, она платила положенную пень, и князь не могъ уже мѣшаться въ это дѣло. Такимъ образомъ изслѣдованіе и судъ дѣла принадлежалъ обществу верви; князь же испол-

нялъ только приговоръ его: собиралъ съ виновныхъ пеню, иногда отбиралъ имущество и ссылалъ; въ судъ же князь не вмѣшивался и даже не посылалъ своихъ вирниковъ (сборщиковъ пени), если общество, по договору съ нимъ, высылало условленные деньги за цѣлый годъ. Вервь была добровольнымъ обществомъ; въ нее могъ поступать или не поступать каждый безъ всякихъ принужденій; членомъ же верви считался тотъ, кто ежегодно платилъ въ общій капиталъ верви извѣстную сумму денегъ. И внѣ общества, общинное земское устройство было такъ сильно, что посадники и тіуны княжескіе не могли судить одни; они были только представителями княжей стороны, на судѣ были и земскіе выборные. Члена общины нельзя было взять безъ позволенія выборныхъ старостъ. Въ Новгородѣ, если выборный на судѣ не былъ согласенъ съ княземъ, то дѣло переходило на рѣшеніе вѣча. Вѣче часто отказывало князю, даже отъ княжества, если онъ не ладилъ съ посадникомъ: „міра никто не судитъ“, говоритъ старая пословица. Впрочемъ, вслѣдствіе невѣжества, судъ былъ часто несправедливъ: если не было свидѣтелей или ясныхъ доказательствъ преступленія, то подсудимыхъ испытывали желѣзомъ и водой; потомъ еще былъ обычай поля, т. е. судебныхъ поединковъ, т. е. если не было свидѣтелей, оба тяжущихся должны были бороться другъ съ другомъ: кто одолѣетъ, тотъ и правъ. Вслѣдствіе невѣжества, и на самую войну древніе русскіе смотрѣли, какъ на судъ божій; враждебныя рати часто заранѣе извѣщали другъ друга и сходились въ назначенное мѣсто, и раньше этого мѣста нисколько не опасались нападенія. „Стрѣляй въ кустъ, Богъ (пуля, стрѣла) виноватаго найдетъ“, го-

ворить старая пословица. Новгородцы, бросаясь въ битву, разувались и сбрасывали съ себя верхнее платье; тоже дѣлали смольняне и др. русскіе. Не смотря на множество неблагопріятныхъ обстоятельствъ, на общее невѣжество, на отсутствіе правильныхъ отношеній между князьями, вражду городовъ, частыя войны и набѣги сосѣдей, города вслѣдствіе самоуправленія процвѣтали довольно значительно. Такъ, если вѣрить лѣтописи, въ одномъ Кіевѣ было болѣе 600 церквей. Торговля тоже развивалась; въ то время она производилась общинами, которыя имѣли своихъ выборныхъ старостъ и тысяцкихъ. Отправляясь торговать, ходили общими караванами и общими силами отбивали разбойниковъ. Въ торговыхъ общинахъ участвовали и житые люди (т. е. знатные), и купцы, и черные люди: кто капиталомъ, кто работой; изъ житыхъ людей выбиралось три старосты, отъ купцевъ два, отъ черныхъ людей тысяцкій. Этимъ выборнымъ поручались всѣ торговыя дѣла и торговый судъ; городское начальство не вступалось въ это. Торговля имѣла нѣкоторыя права, содѣйствовавшія ея развитію. Такъ должники изъ купцевъ по закону раздѣлялись на виновныхъ и невинныхъ, т. е. сдѣлавшимися несостоятельными не по своей винѣ, а отъ несчастнаго случая: войны, огня, наводненія и пр.; такой должникъ защищался и ему давалась отсрочка, пока поправится... Но, если должникъ былъ виноватъ самъ, то, по грубости нравовъ того времени, можно было продать не только его имѣнье, но и его самого!...

3.

ПОЛОЖЕНІЕ КНЯЗЕЙ.

Рюрикъ былъ приглашенъ, по словамъ лѣтописи, судить и рядить по праву; но, какъ говоритъ преданіе, уже онъ построилъ себѣ крѣпость и сталъ раздавать города своимъ мужамъ и приказывалъ имъ строить себѣ крѣпости и управлять землею отъ его имени. Такое распоряженіе Рюрика такъ безпокоило многихъ новгородцевъ, особенно удалую вольницу, что они подъ начальствомъ Вадима храбраго, возстали на Рюрика, но въ этомъ возстаніи не принимали участія всѣ новгородцы, особенно богатые люди; а потому Рюрикъ въ кровопролитной битвѣ убилъ Вадима, а товарищи его должны были бѣжать. Потомъ черезъ два года, опять не всѣ, а часть новгородцевъ снова возстали на Рюрика и кричали на вѣчѣ: „бѣда намъ отъ этого князя, быть намъ рабами у него и его потомковъ!“ Но и это возстаніе не имѣло успѣха; недовольные должны были бѣжать въ Кіевъ. Послѣ смерти Рюрика, преемникъ его Олегъ оставилъ Новгородъ; тамошнее вѣче не давало ему большой воли, онъ отправился на югъ и захватилъ Кіевъ. Новгородъ же посылалъ ему 300 гривенъ каждый годъ; кіевскій князь считался великимъ княземъ. Князья судили и рядили по стариннымъ народнымъ обычаямъ; по городамъ же сажали своихъ посадниковъ, и каждый такой городъ платилъ князю извѣстную дань; для сбора дани князья каждую осень или сами ѣздили по городамъ и областямъ, или же посылали своихъ дружинниковъ. Такой объѣздъ

назывался полюдьемъ. Но не всѣ князья понимали, что отъ богатства городовъ зависитъ ихъ собственное богатство, и поэтому многіе брали дань „тяжку“, т. е. разворительную для народа. А разрозненное и вслѣдствіе прежнихъ ссоръ непріязненное отношеніе русскихъ племенъ и городовъ другъ къ другу давало князьямъ возможность поступать съ нѣкоторыми землями, какъ съ непріятельскими. Такъ сынъ Рюрика Игорь, отправившись за данью къ древлянамъ, началъ тамъ дѣлать грабежи и насилья, собралъ столько дани, сколько никогда не собиралось съ древлянской земли и поворотилъ назадъ къ Кіеву; но раздумавъ, сказалъ дружинѣ: „ступайте съ данью, а я похожу еще,“ а самъ съ немногими дружинниками снова пошелъ грабить. Тогда древляне подумали: „ежели волкъ повадится къ овцамъ, то потаскаетъ все стадо, если его не убьютъ; такъ и Игорь, если его не убьемъ, погубитъ насъ всѣхъ“. И убили его. Жена Игоря, Ольга, безъ сомнѣнія опираясь на старую вражду кіевлянъ къ древлянамъ, жестоко отомстила послѣднимъ; измѣнническки сожгла ихъ пословъ, даже, заключивъ миръ, перерѣзала 5000 древлянъ и ушла возложивъ на нихъ дань тяжку. Кіевскій лѣтописецъ съ восторгомъ описываетъ ея хитрости. Не такъ привольно было князьямъ въ Новгородѣ. Когда Новгородцы просили себѣ въ князья у Святослава его сыновей, онъ не далъ и говорилъ имъ: кто къ вамъ пойдетъ? Новгородцы грозили отыскать князя на сторонѣ и просили у него Владиміра сына ключницы. „Этого берите; этотъ князь по васъ“. Но не только въ Новгородѣ, и въ другихъ городахъ управленіе князей далеко не было самостоятельнымъ; рядомъ съ властью князя или посадника стояла власть

земщины (т. е. народа) въ лицѣ выборныхъ старостъ, зависѣвшихъ отъ народнаго вѣча. Земщина принимала дѣятельное участіе даже въ договорахъ съ иноземцами; послы отправлялись не отъ одного князя, но и отъ всей Русской земли. Въ игоревой грамотѣ, русскіе послы говорятъ: „великій князь нашъ Игорь и бояре его и всѣ русскіе люди послали насъ къ великимъ греческимъ царямъ сотворить миръ“ и т. д. Кромѣ суда, князья должны были пасти русскую земли и „боронить ее отъ поганыхъ“. Всѣ войны съ печенѣгами были ведены за одно и княжеской дружиной и земщиной; но земскія войска стояли всегда отдѣльно подъ предводительствомъ земскихъ начальниковъ. Точно также въ войнахъ съ греками и болгарами за обиду земскихъ людей участвовала земщина. Въ войнахъ же князей другъ съ другомъ, особенно сначала, земщина не принимала никакого участія; князья воевали своей дружиной, которая состояла изъ повольниковъ, наемныхъ варяговъ, печенѣговъ и половцевъ. Сперва она состояла изъ однихъ варяговъ; потомъ, смѣшавшись съ русскими повольниками, совершенно обрусѣла; но все же рѣзко отдѣлялась отъ земщины и имѣла особое устройство. Княжеская дружина раздѣлялась на старшую и младшую; старшую дружину составляли бояре, мужи, занимавшіе важныя должности; младшую-отроки, слуги, мечники и другіе мелкіе служители. Старшіе дружинники были богатые и сильные. имѣли даже свои дружины вольныхъ людей и командовали ими въ княжихъ походахъ. Они имѣли большое значеніе у князей, такъ что князь долженъ былъ объявить имъ о каждомъ своемъ предпріятіи и совѣтоваться съ ними; въ противномъ случаѣ, дружинники отказывались помогать князю и прямо го-

ворили: „ты одинъ задумалъ это, такъ мы не пойдемъ съ тобой, мы не знали этого“. Договоры между князьями скрѣплялись клятвой, какъ самихъ князей, такъ и ихъ дружинниковъ. Младшіе дружинники не были совѣтниками князей, но, смотря по службѣ и расположенію князя, могли поступить и въ старшую дружину. А такъ какъ княжеская дружина состояла изъ разнаго сброду и имѣла полное право оставить службу по произволу, то князья дорожили дружинниками и всячески старались привязать ихъ къ себѣ. По этому, они постоянно дѣлили добычу вмѣстѣ, вмѣстѣ же и пировали *). Первое время всю надежду свою князья полагали на дружинѣ и даже наемныхъ половцахъ; а потому старались какъ можно больше достать богатствъ, чтобы ими нанять большую дружину. Уходя изъ Кіева князь Изяславъ радовался захвативъ съ собой свое имѣнье и говорилъ: „имѣньемъ я достану войско.“ Войско же

*) Воспоминаніе объ этомъ до сихъ поръ сохранилось въ старинныхъ пѣсняхъ. Очень многія былины начинаются такимъ образомъ:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почетный пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи, бояра
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ въ полу пирѣ;
Владиміръ князь распотѣшился и т. д.

Воспоминаніе объ этой противоположности земщины и княжеской дружины до сихъ поръ сохранились въ старинныхъ пѣсняхъ. Такъ былина о Вольгѣ Святославговичѣ разсказываетъ, что этотъ князь поѣхалъ собирать дань съ городовъ. Ѣдетъ дорогой и видитъ въ полѣ пахаря (оратая): пашетъ въ полѣ пахарь, понукиваетъ. Цѣлыхъ три дня ѣхалъ князь до пахаря, наконецъ доѣхалъ и взялъ

нужно было для того, чтобъ достать еще большее богатство. Подпила однажды дружина и начала роптать на князя Владиміра: „экое горе нашимъ головамъ! заставляетъ насъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Владиміръ услышалъ это и велѣлъ сковать для дружины серебряныя ложки, говоря: „съ дружиною добуду серебро и золото, какъ мой отецъ и дѣдъ доискались того и другаго.“ За то съ земщиной въ первое время князья не думали сближаться и нисколько не жалѣли, если въ земской дружинѣ было

его съ собой въ товарищи. Пахарь выпрягъ свою лошадь изъ сохи и поѣхалъ. Только отъѣхали нѣсколько шаговъ, пахарь и говоритъ князю: „пожалуй, соху-то возьметъ кто нибудь проѣзжій; какъ бы сошку изъ земельки повыдернуть, бросить сошку за ракитовъ кустъ.“

Молодой Вольга Святославговичь
Посылаетъ онъ изъ дружинушки храбрыя
Пять молодцевъ могучихъ,
Чтобы сошку изъ земельки повыдернули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эти пять молодцевъ могучихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошки за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки съ земельки поднять нельзя,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку храбрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай—оратаюшко
На своей на кобылкѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,

много убитыхъ. Князь Мстиславъ, осматривая убитыхъ на полѣ сраженія, отъ радости воскликнулъ: „кто этому не радъ: вотъ лежитъ сѣверянинъ, вотъ варягъ (наемный) а наша дружина цѣла! *) Такъ какъ князья совѣтовались только съ дружинниками, земцевъ же отягощали поборами и дозволяля грабить ихъ своимъ тіунамъ и посадникамъ, то вслѣдствіе этого земщина охладѣла къ князьямъ и равнодушно смотрѣла на переходы князей и ихъ дружинниковъ изъ одной земли въ другую; земцы не только не защищали своихъ князей,

Сошку съ земельки повыдернулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая (пахаря) кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
„Постой-ко ты, ратай-ратаюшко!
Эта кобылка коньком бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы далъ“.
Говорилъ оратай таковы слова:
„Глупый Вольга Святославговичъ!
Взялъ я кобылку отъ матушки,
Заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка коньком бы была.
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ“.
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ-то величаютъ по отечеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
„Ай же Вольга Святославговичъ!
А я ржи накошу, да въ скирды складку,
Въ скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селянинновичъ!“

но часто выгоняли ихъ или передавались другимъ. Когда князь не нравился имъ, они часто во время битвы бросали его знамена и переходили къ другому князю. Всего чаще князья не уживались съ вѣчемъ новгородскимъ; и новгородцы изгоняли ихъ. „Вы вольны въ князьяхъ“ — говоритъ князь новгородскому вѣчу (С. лѣт. I, стр. 32). Въ 1135 году новгородцы посадили подъ стражу и судили своего князя Всеслава: „почто не блюде черныхъ людей, почто восхотѣ ити на Суждальцы и Ростовцы и пошедъ почто не крѣпко бися, и почто напередъ всѣхъ побѣжалъ и почто возлюби играти и утѣшатися, а людей не управляше, и почто ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше и не управляше“ (Ник. лѣтопись IX, стр. 159). Такъ въ 1276 году начали новгородцы изгонять князя Ярослава изъ города, „сзвонили вѣче на Ярославлѣ дворѣ.... и къ князи прислали, исписавши на грамотѣ всю вину его: зачѣмъ отъялъ Волховъ гогольными ловцами, а поле заячьими? Зачѣмъ взялъ Олексинъ дворъ Мортькинича? Зачѣмъ поималъ серебро на Никифорѣ Мунискиничѣ и Романѣ Волдышевичѣ и Варфоломеѣ? Отчего выводишь отъ насъ иноземцевъ, которые живутъ у насъ? Нынѣ, княже, не можемъ терпѣть насилія твоего, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ“. Князь-же умолялъ на вѣчѣ съ поклономъ: „всего этого я лишаюся, а крестъ цѣлую на всей вашей волѣ“. Новгородцы отвѣчали: „княже, поѣди прочь, не хотимъ тебе, или идемъ весь Новгородъ прогонять тебе“ (I,61).

Такимъ образомъ пѣсня разсказываетъ, что вся княжеская дружина не можетъ выдернуть изъ земли мужицкой сохи, а княжескій конь совершенно не можетъ равняться съ крестьянскимъ.

Тоже самое нерѣдко бывало и въ другихъ городахъ. Такъ въ Галичѣ князей судили и казнили смертью, а мѣста ихъ занимали иногда люди не княжескаго рода. Такъ въ Кіевѣ во время княженія Изяслава, многіе кіевляне были посажены имъ въ тюрьмы, а потому народъ не любилъ князя. Когда же нашли половцы, разбили княжескую дружину, стали опустошать беззащитные города и села, то богатые кіевляне, ожидая и себѣ такой-же участи, созвали вѣче на торговой площади и послали сказать Изяславу: „князь, дай намъ оружія и коней, мы хотимъ еще биться съ половцами“. Но Изяславъ отказалъ. Тогда народъ возсталъ на него всѣмъ городомъ, вывелъ изъ темницъ всѣхъ заключенныхъ, разграбилъ княжескій дворъ и взялъ княземъ другаго. Изяславъ долженъ былъ бѣжать, однако скоро снова пошелъ на нихъ въ союзѣ съ поляками; кіевское войско было разбито; новый князь долженъ былъ бѣжать. Кіевляне снова должны были встрѣтить Изяслава съ прежней покорностью. Изяславъ занялъ Кіевъ своей дружиной и полляками. Сынъ Изяслава изсѣкъ до 70 человѣкъ кіевлянъ, а другихъ ослѣпилъ, иныхъ безъ вины погубилъ, не разобравши дѣла. Тогда недовольный народъ сталъ потихоньку избивать поляковъ. Поляки должны были уйти домой, но Изяславъ продолжалъ гоненія, онъ даже преслѣдовалъ преподобнаго Антонія печерскаго; все это повело къ тому, что, при помощи черниговскаго князя, земщина снова изгнала его. Изяславъ снова бѣжалъ за границу и искалъ помощи у разныхъ западныхъ государей, даже у папы, которому онъ хотѣлъ продать русскую вѣру; папская грамота нисколько не помогла ему, хотя и показала на сколько онъ былъ малодушенъ. Иногда вражда зем-

щины съ князьями доходила до убійствъ. Такъ кіевляне взяли изъ монастыря постриженнаго князя Игоря, вытащили его изъ церкви отъ обѣдни и, въ злобѣ на его родственниковъ, убили на торговой площади. Иногда, послѣ смерти нелюбимаго князя, народъ грабилъ его дворы и избивалъ его дружинниковъ (напримѣръ при смерти Юрія). Иногда, когда не брала открытая сила, князей убивали заговоромъ и хитростью. Такъ былъ убитъ князь Андрей Суздальскій. Одинъ слуга его услышалъ однажды, что отъ князя вышло приказаніе убить его брата, обратился къ своему зятю Петру и ключнику Анбалу: „нынѣ князь казнилъ одного, а насъ завтра“. Тогда составился заговоръ. Ночью, наканунѣ Петрова дня, заговорщики выломали двери у княжей спальни. Князь пробудился, вскочилъ и сталъ искать своего меча, но его не было: его стащилъ еще прежде ключникъ Анбалъ. Двое заговорщиковъ бросились на князя и, послѣ долгаго сопротивленія, изрубили его.... Горожане разграбили княжій домъ; такой же мятежъ былъ и по волости, вездѣ грабили и избивали посадниковъ, тіуновъ, мечниковъ и другихъ слугъ княжескихъ. Сперва русская земля нужна была князьямъ только для отдыха, для прокорма, пока не выискался бы случай сдѣлать набѣгъ на сосѣда. Такъ князья дѣлали походы на Грецію и Хазарію; но вскорѣ потомъ Хазарія распалась, а походы на Грецію сдѣлались не возможны, потому что изъ Азіи пришли половцы и заняли своими ордами всѣ пути къ Константинополю. Иногда князья грабили и русскіе сосѣдніе города; такъ въ 1066 г. князь полоцкій напалъ на Новгородъ, разбилъ новгородскаго князя, ограбилъ храмъ св. Софьи, снялъ колокола и паникадила и, кромѣ разныхъ бо-

гатствъ, захватилъ множество плѣнниковъ, женъ и дѣтей. Онъ же ограбилъ Смоленскъ. Кромѣ того, князья часто грабили иностранныхъ (греческихъ) купцевъ. Князья Ростиславичи постоянно занимались грабежемъ въ сосѣднихъ польскихъ владѣніяхъ. Иногда князья и дружинники притѣсняли и частныхъ людей въ своихъ земляхъ. Такъ одинъ князь во время войны съ Галичемъ, когда по этому случаю пріостановился подвозъ соли въ Кіевъ и соль вздорожала, послалъ своихъ слугъ ограбить кіевопечерскаго иноха Прохора, у котораго, по слухамъ, было много запасено соли, для того чтобъ захвативъ ее продавать въ тридорога черезъ своихъ слугъ. Потомъ князья старались обогатиться, отнимая владѣнія другъ у друга. Сборъ же дани въ собственныхъ областяхъ былъ обыкновенно очень бѣденъ, и только большіе города давали порядочный доходъ; потому князья и старались сѣсть на столъ въ большомъ городѣ. Сперва земщина очень рѣдко принимала участіе въ войнахъ князей между собою; это случалось тогда, когда къ войнамъ князей примѣшивалась старинная вражда городовъ. Такъ старинная зависть и вражда существовала между Кіевомъ и Новгородомъ; между Кіевомъ и Суздальской землей. Суздальская земля сначала совсѣмъ не имѣла князей, управлялась вѣчемъ и временными посадниками изъ Кіева. Когда же сынъ Мономаха Юрій заселилъ тамошнюю лѣсную сторону, то суздальцы готовы были на все для Юрія, лишь бы только не зависѣть отъ Кіева. Эта вражда между землями ходила до того, что, занимая Кіевъ, суздальцы никогда не могли ужиться съ кіевлянами. Если бы на Руси было общее вѣче, въ которомъ участвовали бы выборные изъ всѣхъ городовъ, тогда не могло бы быть

власти одного города надъ другимъ, не было бы зависти и вражды. Вслѣдствіе же недостатка представительства и зависимости младшихъ городовъ отъ старшихъ и происходила вся вражда городовъ. Что было между суздальцами и кіевлянами, тоже было между владимірцами и суздальцами и пр. Въ суздальской землѣ, города держали князей не иначе, какъ по вольному избранію; но Ростовъ, какъ старшій городъ, хотѣлъ вліять на меньшій городъ Владиміръ, а потому при избраніи князя тамъ воевали не князья и ихъ дружина, а земщина съ земщиной. Ростовцы хвастали: „пожжемъ Владиміръ, или посадника въ немъ посадимъ, это — наши холопи каменьщики“. (Подобная же вражда городовъ высказалась въ многихъ другихъ случаяхъ. Такъ новгородцевъ дразнили „плотниками“: „вотъ мы васъ заставимъ рубить хоромы“. Подобныя прозвища и насмѣшки сохранились въ народѣ до нашего времени. Псковичи “капустники, ершеѣды“. „У насъ-ти въ Ростовѣ чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-ти все конвій“. „Сказываютъ: въ вашемъ ростовскомъ государствѣ ростовское озеро сгорѣло“. “Хлыновцы корову въ сапоги обули (краденую, чтобъ слѣду не было).“ „Рязанцы мѣшкомъ солнышко ловили“. „У насъ въ Ельцѣ на рѣкѣ Соснѣ, курица втенка вывела“. „Елецъ всѣмъ ворамъ отецъ.“ „Мы вятчски, ребята хватчки: семеро одного не боимси“ и ми. др.) Однако владимірцы побѣдили, но послѣ побѣды, они стали требовать у князя, чтобы онъ казнилъ плѣнныхъ: „вотъ враги твои и наши — суздальцы и ростовцы, либо казни ихъ, либо слѣпи, или отдай намъ“... Точно такая же вражда была между суздальской землей и рязанско-муромскій, въ которой новгородской порядокъ удержался лучше, чѣмъ гдѣ нибудь. Когда

суздальскій князь Андрей пошелъ на рязанцевъ, они разбили его. дружину же изсѣкли, или потопили, а частью живыхъ зарыли въ землю. У суздальскихъ лѣтописцевъ, рязанцы назывались не иначе, какъ людьми гордыми, „непокоривыми.“ Княжеская власть въ Рязанской области были далеко слабѣе, нежели гдѣ нибудь; городскія общины не всегда слушали княжихъ посадниковъ, а князья не могли отдать въ монастырь и пяти погостовъ безъ согласія бояръ и мужей. Еще сильнѣе была власть земщины въ полоцкомъ княжествѣ.

Потому чувствуя силу земщины и видя, что въ борьбѣ князей другъ съ другомъ, всегда одерживалъ верхъ тотъ, кому помогала земщина, князья стали мало помалу болѣе и болѣе сближаться съ земщиной, стали становиться осѣдлыми. Захватывая новые большіе города, они не бросали своей отчины, т. е. меньшаго города, гдѣ сидѣлъ ихъ отецъ, потому что стали дорожить поддержкой земщины. Князь, искавшій помощи земщины, обыкновенно созывалъ вѣче и объявлялъ свое желанье: если земцы были согласны, то князю тутъ-же позволялось собирать земское войско; а если не были согласны, то князь могъ расчитывать только на охотниковъ. Такъ земцы отказали князю Изяславу:“ князь! ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ воевать съ дѣтьми Владиміра“... Въ другой же разъ при другомъ походѣ, земцы въ одинъ голосъ сказали: „всѣ пойдемъ, а кто не пойдетъ, того выдай намъ, мы сами его побьемъ“. Такъ было не только въ Кіевѣ, но и въ городахъ незначительныхъ. Угождая земщинѣ, князья иногда старались задобрить ее даже пирами. Такъ князь „Изяславъ посла по улицамъ кликати, зовя къ князю на обѣдъ отъ мала до велика.“ О пирахъ хлопотали даже такіе князья, которые сами не

были охотниками до нихъ. Иные князья, отправлялись на сватьбы, брали съ собой и лучшихъ земцевъ. Кромѣ того, князья со всѣми обходились ласково, больнымъ раздавали пищу и питье, и украшали церкви.

Стараніи князей постоянно держаться отцевской земщины мало-по-малу воспитали убѣжденіе, что въ такой земщинѣ долженъ княжить такой то княжескій домъ, а въ такой-то, такой-то. И это убѣжденіе земщины уже не измѣнялось междуусобіями князей; князья, хотя иногда и захватывали чужія земли, не могли въ нихъ долго удержаться. Привязанность той или другой земщины къ извѣстному княжескому дому дошла до того, что земцы стали охотно принимать участіе въ княжескихъ междоусобіяхъ. Впрочемъ земскіе полки, даже помогая князьямъ, составляли отдѣльную рать, имѣли своихъ предводителей и въ походѣ не смѣшивались съ княжеской дружиной. Сознавая силу земщины, князья стали по возможности меньше опустошать имѣнья земцевъ, а главнымъ образомъ опустошали и грабили частную собственность другихъ князей и ихъ дружинниковъ. Но все таки и земцамъ доставалось не мало отъ княжескихъ междоусобій, потому что князья сначала ихъ мало щадили, а потомъ сами земцы стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ княжескихъ войкахъ. Когда князь стали постоянно оставаться въ отцовской земщинѣ, то они стали пріобрѣтать себѣ земли въ частную собственность, стали населять ихъ своими людьми или свободными земледѣльцами; на такихъ земляхъ князьи строили себѣ дворы, села, церкви, монастыри и даже города. Такъ какъ княжеская дружина состояла изъ людей вольныхъ и дружинники могли отойти отъ одного къ другому, то князья старались

привязать ихъ къ своимъ владѣніямъ; съ этою цѣлью они раздавали имъ земли, какъ помѣщикамъ; такъ что если дружинникъ переходилъ отъ одного князя къ другому, то онъ терялъ и доходы съ имѣнья. Вслѣдствіе этого дружинники стали принимать осѣдлый характеръ земства, а самимъ князьямъ стало легче держаться въ въ вотчинныхъ владѣніяхъ и труднѣе въ новыхъ.

Хотя князь и удерживалъ какъ бы по наслѣдству одинъ и тѣже владѣнія, тѣмъ не менѣе, земли эти не составляли личной собственности князя, а только принадлежность княжеской власти. Для пріобрѣтенія же личной собственности они должны были покупать земли или разчищать пустопорожныя. Но такія земли, составлявшія собственность князя, ничѣмъ не отличались отъ земель другихъ собственниковъ: на нихъ лежали тѣже подати и повинности въ казну, какъ и на земляхъ другихъ частныхъ собственниковъ, онѣ не имѣли никакихъ привилегій. Только въ Новгородѣ, Кіевѣ и Переяславлѣ князья мѣнялись чаще, нежели въ другихъ городахъ. Такъ какъ всѣ князья добивались кіевскаго стола, какъ главнаго, то въ Кіевѣ не утвердилось ни одного дома; Кіевъ могъ быть силенъ только соединеніемъ княжеской силы съ земской, а безъ этого, не смотря на свое богатство, онъ сталъ слабымъ. Князья, поддерживаемые другими земщинами — Черниговской, Смоленской, Волынской, часто занимали Кіевъ. Точно также князья Владиміра суздальскаго, вслѣдствіе соединенія земской силы съ княжеской, стали играть на Руси болѣе важную роль, нежели кіевскіе князья.

Княжеская власть въ Россіи усилилась со введеніемъ Христіанства. Духовенство и христіанская церковь поддерживались князьями и потому сами должны были

поддерживать князей, внушать народу мысль о святости княжеской власти *). Греческія понятія, занесенныя на Русь, согласовались съ „Кормчей“, гдѣ говорится, что “народы, которые не имѣютъ своего властелина и управляются сами собой, варвары.“ Сначала послѣ крещенія, русскіе князья (Владиміръ) считали всѣ старые русскіе обычаи погаными (т. е. языческими), и думали передать въ руки новой церкви очень многое, что было въ рукахъ земщины; потому было поставлено, чтобы во всѣхъ судахъ судились по греческимъ законамъ, которые требовали иногда даже тѣлесныхъ наказаній или давали законы о наслѣдствѣ не согласные съ русскими обычаями или судъ неудобный и отяготительный. Конечно русскіе люди стали избѣгать суда по греческимъ законамъ и покончивали дѣла своимъ судомъ: но такъ какъ у русскихъ не было опредѣленныхъ законовъ, а были только обычаи, то вскорѣ эти обычаи были возведены въ законъ Ярославомъ I. Это была Русская Правда, названная такъ можетъ быть въ отличіе отъ греческихъ законовъ; въ ней было уничтожено тѣлесное наказаніе, какъ оскорбительное для свободныхъ людей; церковный судъ былъ совершенно отдѣленъ отъ свѣтскаго.

4.

ВОЙНЫ КНЯЗЕЙ МЕЖДУ СОБОЙ.

Когда князей происходившихъ отъ Рюрика стало нѣсколько, то каждому изъ нихъ хотѣлось сидѣть въ старшемъ городѣ, каждому хотѣлось быть побогаче,

*) Царскимъ вѣнцомъ въ первый разъ былъ коронованъ Владиміръ Мономахъ.

даже одному быть княземъ во всей Руси; вслѣдствіе этого были постоянныя княжескія усобицы.

Въ борьбѣ другъ съ другомъ князья прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, которыя считались позволительными въ то грубое время. Такъ когда Владиміру хотѣлось одному быть княземъ на Руси, онъ отнялъ кіевскій столъ у своего брата Ярополка и подкупилъ его совѣтника Блуда. Блудъ посовѣтывалъ Ярополку идти просить у Владиміра милости; когда Ярополкъ послушался и пошелъ, Владиміръ велѣлъ заколоть его въ самыхъ дверяхъ. Точно также, когда сыну Владиміра Святополку хотѣлось одному княжить на Руси, онъ послалъ убійцъ и они убили его родныхъ братьевъ Бориса и Глѣба. Точно такъ же измѣннически поступалъ и народъ. Когда при Ярославѣ варяги стали буйствовать въ Новгородѣ, новгородцы зазвали ихъ на дворъ Парамона и убили ихъ. Ярославъ въ свою очередь, чтобы отомстить за это, зазвалъ лестью нарочитыхъ (лучшихъ) людей и велѣлъ ихъ убить.

Князья не соблюдали честнаго слова, даже клятву и крестное цѣлованье. Такъ въ 1067 году кіевскіе князья зазвали Всеслава Полотскаго для переговоровъ въ Оршу, близь Смоленска, поклялися честнымъ крестомъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла; и когда Всеславъ переѣхалъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ и вошелъ въ шатеръ, то его схватили, увезли въ Кіевъ и посадили въ порубъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями *). Иногда по-

*) Чтобъ досадить другъ другу, князья того времени грубо обходились и съ послами. Такъ когда князь Андрей послалъ посла къ Мстиславу, Мстиславъ приказалъ остричь ему голову и бороду и отпустилъ назадъ. Услыхавъ Андрей побѣдилъ отъ ярости.

слѣ долгихъ кровопролитныхъ войнъ князья съѣзжались на общій княжескій съѣздъ (такъ было два раза при Владимірѣ Мономахѣ). На общихъ съѣздахъ напр.: на Любечевскомъ (въ 1097 г.) раздѣлялись владѣніями, цѣловали крестъ и поклялись: „если кто изъ насъ поднимется на другаго, то мы всѣ подпимемся на зачинщика, и крестъ честный будетъ на него же.“ Но клятва не помогла, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ *). Не успѣли князья разъѣхаться со съѣзда, а княжескія усобицы начались снова. Святополкъ, по наущенію Давида Волынскаго, зазвалъ къ себѣ Василька и приказалъ выколоть ему глаза **).

---

*) Такъ однажды Изяславъ и Юрій заключили договоръ и, цѣловавши крестъ, разъѣхались къ своимъ городамъ; но Юрій, не смотря на клятву, не исполнилъ договора, не возвратилъ ни даней, ни добычи. Подобные случаи бывали постоянно.

**) Святополкъ пригласилъ Василька на именины. Когда Василько пріѣхалъ, у Святополка сидѣлъ Давидъ, желавшій завладѣть городами Василька. Святополкъ скоро вышелъ изъ комнаты будтобы для того, чтобы распорядиться о завтракѣ; вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василька тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. Святополкъ передалъ его въ руки Давида. Тогда Василька почью привезли въ Бѣлгородъ и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Тутъ Василько увидалъ пастуха, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. Потомъ пришли два конюха, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; тотъ отчаянно защищался; позвали еще двоихъ. Василька повалили, положили на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; у князя захрустѣли кости. Тогда пастухъ истинно-звѣрски ослѣпилъ его....Замертво положили князя на телегу и повезли во Владиміръ Волынскій. Когда проводники остановились обѣдать въ одномъ мѣстечкѣ, они спяли съ Василька сорочку и отдали вымыть попадьѣ. Вымывъ её и надѣвъ опять на князя, попадья начала плакать по немъ, какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, пощупалъ грудь и сказалъ: «за чѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть бы я умеръ въ ней.» Во Владиміръ Давидъ и садилъ его въ темницу и приставилъ къ нему 30 воиновъ. Однако Василько былъ скоро освобожденъ стараніями своего брата и въ слѣдующихъ за тѣмъ усобицахъ, хотя слѣпой, нѣсколько разъ ходилъ на войну вмѣстѣ съ своимъ братомъ.

Не менѣе грубо поступалъ и народъ съ своими врагами. Такъ, по требованью владимірцевъ, Владимірскій князь ослѣпилъ двухъ смоленскихъ князей и отпустилъ ихъ домой.

Въ борьбѣ другъ съ другомъ князьи часто опирались на половцевъ. Такъ Олегъ явился однажды подъ Черниговомъ съ половцами; хотя Мономахъ храбро защищался, но послѣ битвы у него не осталось ста человѣкъ и онъ долженъ былъ уступить Черниговъ. Половцы же въ награду получили отъ Олега позволеніе грабить черниговскія села и, награбившись до сыта, ушли въ свои степи. Точно также олеговичи очень часто приходили съ половцами. Ожесточеніе и грубость во время княжескихъ усобицъ доходили до того, что рѣзали плѣнныхъ. Такъ Изяславъ, разбивъ галицкаго князя, приказалъ поскорѣе перерѣзать плѣнниковъ (такъ какъ ихъ было больше чѣмъ дружины) и поспѣшно пошелъ назадъ въ Кіевъ, опасаясь погони за собою.

Своими усобицами князья дѣлали и русской землѣ и себѣ только одинъ вредъ. Кромѣ того, что бѣдныя и опустошенныя земли не могли князьямъ давать порядочной дани, усобицы часто совершенно уничтожали княжеское богатство. Чтобъ выжить другъ друга князья прибѣгали къ поджогамъ. Такъ Всеволодъ Олеговичъ подошелъ къ Кіеву и началъ зажигать дворы, а между тѣмъ послалъ сказать кіевскому князю: „иди добромъ.“ Тотъ и ушелъ въ назначенный срокъ.... Захвативъ чужой городъ, князья больше всего грабили княжескія имѣнія; такъ въ 1146 году князья-союзники послали грабить Игоревы и Святославовы стада; мало того пошли на Игорево сельцо, гдѣ былъ устроенъ хо-

рошій княжескій дворъ и собрано много добра. Союзники приказали все это (вино, медъ, всякіе товары) класть на воза себѣ и дружинѣ, а чего не могли взять, то велѣли зажечь, а также и самый дворъ и церкви!.. Конечно не мало доставалось и земщинѣ. Поэтому и приходилось князьямъ жаловаться, что „стоятъ у нихъ города совсѣмъ пустые: живутъ цсари да половцы....“

5.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ИНОЗЕМЦАМЪ.

Въ то невѣжественное время отношенія народовъ другъ къ другу были по большей части враждебныя. Изъ уральскихъ Великихъ Воротъ постоянно приходили новые азіатскіе народы. Сперва на русскихъ нападали хазары, потомъ пришолъ новый народъ печенѣги. Печенѣговъ пришло семь ордъ. Передовая орда заключила съ Игоремъ миръ и прошла мирно дальше на Дунай; потомъ прошло еще двѣ орды; онѣ прошли къ Венгерской землѣ. Затѣмъ еще четыре не пореходили уже Днѣпра и заняли степи на границахъ приднѣпровской Руси. Печенѣги пользовались всякимъ случаемъ, когда можно было ограбить русскихъ. Такъ когда Святополкъ (въ половинѣ X вѣка) уходилъ воевать на Грецію, они въ это время нападали на Кіевъ. Когда же самъ Святославъ въ 972 году съ небольшой дружиной возвращался домой по Днѣпру, они перебили его дружину, убили его самаго. Мало того; варварство того времени было такъ велико, что печенѣжскій князь сдѣлалъ изъ Святославова черепа кубокъ и пилъ изъ него, торжествуя свою побѣду.

Для защиты отъ печенѣговъ русскими были построены на границѣ засѣки *). Но разъѣзды станичниковъ мало удерживали какъ печенѣговъ, такъ и другихъ кочевыхъ пришельцевъ. А изъ Азіи пришелъ уже новый народъ половцы; они разбили печенѣговъ и торковъ, изъ остатковъ ихъ составился народъ извѣстный подъ именемъ Бѣлыхъ Клобуковъ. Кони были главнымъ богатствомъ половцевъ, какъ степнаго народа. Князья ихъ и знатные люди собирались на совѣтъ въ чистомъ полѣ, сидя на коняхъ. Каждая вежа (станъ) имѣла своего князя. И половцы точно также, какъ

*) Воспоминаніе объ этихъ станичникахъ до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ:

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ
На тѣхъ на степяхъ на цицарскіихъ (цесарскихъ).
Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитычъ младъ:
Есаулъ Алеша поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополый...
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ во бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей...
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ѣхалъ?»
Прибиралъ Добрыня братью приборную:
«Ой вы гой еси, братцы ребятушки!
«Мы что на заставушкѣ устояли?
«Что на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ.»
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думать:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ? и д. т.

печенѣги, опустошали русскія земли. Напавъ врасплохъ они отводили всѣхъ сельскихъ жителей въ плѣнъ и вмѣстѣ съ стадами отгоняли въ степи, а селенія выжигали. Русскихъ плѣнниковъ они или оставляли въ рабствѣ или продавали на сторону. Почти каждые пять лѣтъ половцы дѣлали большіе набѣги. Только Владиміръ Мономахъ нѣсколько удерживалъ ихъ. У русскихъ князей былъ даже обычай покупать миръ у половцевъ. Когда же этого не было, когда напр. скупой кіевскій князь Святополкъ не купилъ мира у половцевъ и даже посадилъ ихъ пословъ подъ стражу, тогда они вышли изъ степей, разбили русскія войска и два мѣсяца опустошали кіевскія земли, жгли города и села... Иногда князья нанимали половцевъ для своихъ междоусобныхъ войнъ. Такъ въ XII столѣтіи князь Рюрикъ, нанявши половцевъ, напалъ на Кіевъ, взялъ его приступомъ и отдалъ имъ на разграбленіе; половцы не только сожгли Подолье, но и верхній городъ, и митрополичью церковь и десятинную, разграбили всѣ монастыри, изсѣкли множество гражданъ и многихъ отвели въ плѣнъ. Частыя связи русскихъ князей съ половцами вели за собой нерѣдкія женитьбы русскихъ князей на половецкихъ княжнахъ. Вліяніе азіатскихъ понятій нѣсколько проникло на Русь; не даромъ же проповѣдникъ, восхваляя Владиміра кіевскаго, называетъ его „каганомъ.“

Поступая измѣнически другъ съ другомъ, князья не менѣе измѣнически поступали и съ иноземцами. Такъ даже лучшій князь Владиміръ Мономахъ пригласилъ къ себѣ однажды для переговоровъ двухъ половецкихъ князей и почью велѣлъ ихъ убить измѣнически. Точно также, какъ русскіе, такъ и иноземцы,

грубо обходились съ плѣнниками; такъ греки (1043 г.) отвели русскихъ плѣнныхъ въ Константинополь и тамъ ослѣпили ихъ. Когда ослабли набѣги половцевъ на востокѣ, на западѣ Руси усилились набѣги литовцевъ; мало по малу литва завладѣла всѣми полоцкими колоніями и стала сажать на полоцкій столъ тѣхъ князей, которые искали у нея помощи. На сѣверѣ и сѣверозападѣ русскіе часто должны были вести войны съ финскими племенами; эти войны были удачны для новгородцевъ и псковичей; они построили въ финской землѣ нѣсколько русскихъ городовъ: Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ), Колывань (Ревель). Вскорѣ на западѣ Россіи явился новый врагъ — нѣмцы. Нѣмецкіе епископы выпросили у папы позволеніе проповѣдывать латинскую вѣру въ землѣ ливонскихъ язычниковъ и явились туда съ войскомъ, построили Венденъ, Ригу и стали мечемъ обращать язычниковъ въ христіанство. Захвативъ мѣста около Риги, они пошли дальше, стали нападать на русскіе города, взяли Юрьевъ и истребили всѣхъ русскихъ жителей этого города; съ тѣхъ поръ онъ сталъ Дерптомъ. Но проникнуть дальше нѣмцамъ не удалось; новгородцы и псковичи очень часто разбивали ихъ; тѣмъ не менѣе нѣмцы оставались безпокойными сосѣдями.

Русскіе, подобно сосѣдямъ, точно также не уважали правъ человѣческихъ. Такъ у новгородцевъ часто собирались небольшія ватаги повольниковъ (ушкуйниковъ) и отправлялись на лодкахъ; въ случаѣ нужды они перетаскивали лодки по суху съ одной рѣки на другую: „отъ Волока до Утки шелъ трое трои сутки“ (три версты). Они плавали по Волгѣ, грабили болгаръ, а иногда и самихъ русскихъ и продавали ихъ татарамъ. Часто они возвращались съ богатой добычей; это увели-

чивало число охотниковъ, хотя бывало и то, что повольники иногда возвращались еле живые, избитые и замореные, а иные и совсѣмъ погибали на чужбинѣ... Точно также поступали и княжескія дружины, особенно въ первое время, когда онѣ были совершенно кочеваго характера. Такъ въ 913 году Олегова дружина поплыла на Каспійское море; хозары пропустили ее, потому что она обѣщала имъ половину добычи. Явившись нечаянно около Адербейджана, она повсюду нападала неожиданно, убивала мужчинъ, уводила въ плѣнъ женщинъ, грабила и, опустошивши одно мѣсто, уходила на острова; потомъ опять появлялась неожиданно въ другомъ мѣстѣ, снова грабила и опустошала, а потомъ уходила. Награбившись до сыта, она отправилась къ устью Волги и отослала половину добычи кагану. Но бывшіе у кагана на службѣ 15,000 мусульманъ сами хотѣли поживиться чужимъ грабежемъ; они напали на русскихъ, три дня былъ жестокій бой, много было побито мусульманъ, однако русскіе были разбиты; одни изъ нихъ убиты на сраженьи, другіе потонули, третьи бѣжали и были избиты на дорогѣ. Точно также часть Игоревой дружины, возвратясь изъ греческаго похода, прошла на Каспійское море, поднялась по Курѣ и дошла до города Берды; она разбила нѣсколько мусульманскихъ войскъ, заняла Берды, но набросилась на плоды отчего въ дружинѣ сдѣлалась зараза, множество перемерло. Тогда мусульмане снова напали на русскихъ и выгнали ихъ изъ Берды... Точно также русскіе нападали на грековъ. Греки постоянно уговаривались съ русскими, чтобы они не нападали и не мѣшали корсунцамъ ловить рыбу въ Днѣпровскомъ устьѣ и не зимовали въ немъ. Игорь, отправившись грабить греческій азіатскій

берегъ, раззорилъ его, жегъ монастыри и села, плѣнникамъ дружина вбивала въ голову желѣзные гвозди.

Почти всѣ сосѣди, поляки, венгры, половцы по первому призову русскихъ князей являлись помогать имъ противъ народа. Такъ Изяслава поддерживали поляки, они пришли вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ, но народъ сталъ тайно избивать ихъ и заставилъ ихъ уйти домой. Но если сосѣди старались пользоваться безурядицей внутри Россіи, то и русскіе дѣлали тоже самое. Такъ когда въ Польшѣ умеръ король Мечиславъ II, а народъ, ненавидѣвшій бояръ и латинскихъ монаховъ за непомѣрные поборы, возсталъ, то русскіе воспользовались этимъ; они пошли походомъ на Польшу, опустошили страну и возвратились назадъ съ множествомъ плѣнниковъ (1011). Не мало терпѣла отъ русскихъ набѣговъ и бѣдная литва, жившая въ болотистыхъ лѣсахъ. Литва была однимъ изъ самыхъ бѣдныхъ народовъ, питалась скотомъ, звѣремъ и грибами; знатные фамиліи въ знакъ пріязни пересылались рѣкой; но потомъ и литва, какъ мы уже говорили, стала въ свою очередь сильно нападать на полоцкія владѣнія...

Однако, не смотря на войны и набѣги, все таки съ самаго давняго времени русскіе были и въ выгодныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ иноземцами. Такъ новгородцы съ самаго древняго времени вели дѣятельную торговлю съ камскими болгарами и хозарами; они получали оттуда разные азіатскіе товары, дорогія ткани, золото, серебро и оружіе; доставляли же дорогіе собольи и лисьи мѣха, моржевый зубъ, которые они получали отъ финскихъ племенъ. Болгарскіе товары новгородцы сбывали шведамъ, норвежцамъ, датчанамъ, готландцамъ (на островѣ Готландѣ у русскихъ купцовъ

ПУБЛ... БИБЛ... ЛЕНИНА

была даже свол церковь) *). Кромѣ того, русскіе торговали съ греками, поляками, венграми, чехами, моравами, армянами и венеціанами. Были купеческіе общины гречниковъ (т. е. торговавшихъ съ греками), залозниковъ (торговавшихъ въ половецкихъ степяхъ и Крымѣ), солениковъ (возившихъ соль изъ Галича и торговавшихъ съ нимъ).

*) О богатствѣ стараго торговаго Новгорода до сихъ поръ сохранились воспоминанія въ старинныхъ пѣсняхъ. Такова былина «Садко богатый гость.»

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ.
Никакой надъ собой притки
И скорби Садко не видывалъ...
Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ,
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка, Волга рѣка.
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ,
И въ добромъ здоровьѣ отъ тебя отошелъ;
А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.»
Проговоритъ ему матка Волга рѣка:
«А и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Когда придешь ты во Новгородъ,
А стань ты подъ башню проѣзжую,
Поклонись отъ меня брату моему
А славному озеру Ильменю.»
Втапоры Садко молодецъ отошедъ поклонился,
Подошелъ ко Новугороду,
И будетъ у тоя башни проѣзжія,
Подлѣ славнаго озера Ильменя,
Правитъ челобитье великое
Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
Говоритъ таково слово:
«А и гой еси, славный Ильмень озеро!
Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою.»
Говорилъ самъ и кланялся.
Малое время замѣшкавши
Приходилъ тутъ отъ Ильмень озера
Удалой доброй молодецъ,
Поклонился ему добру молодцу:

Точно также русскіе торговали съ нѣмцами; нѣмцы имѣли въ Смоленскѣ свои дворы и свою церковь.

Послѣ Новгорода, самымъ важнымъ торговымъ мѣстомъ на Руси былъ Кіевъ; туда сходились торговцы со всей русской земли *). Въ немъ были улицы: Хозарская, Жидовская, Лятская, что указываетъ на разнородное населеніе....

«Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ!
Какъ ты-де Волгу сестру знаешь мою?»
А и тотъ то молодецъ Садко отвѣтъ держитъ:
«Что-де я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
Со вершины знаю и до устья её.
А сталъ тотъ молодецъ наказывати,
Который посланъ отъ Ильмень озера:
«Гой еси ты, съ Волги удалъ молодецъ!
Проси бошлыковъ въ Новѣгородѣ
Ихъ со тремя неводами,
И съ тѣми людьми со работными,
И заметывай ты неводы въ Ильмень озеро.
Что будетъ тебѣ Божья милость.»
Походилъ онъ молодецъ
Къ тѣмъ бошлыкамъ новгородскимъ;
И пришелъ онъ, самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
А и дайте мнѣ тѣ три невода
Съ тѣми людьми со работными
Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
Я вамъ молодцамъ за труды заплачу.»
А и втапоры ему бошлыки не отказывалися,
Сами пошли бошлыки со работными людьми
И закинули три невода во Ильмень озеро·
Первый неводъ къ берегу пришелъ,
И тутъ въ нёмъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая;
И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,
Въ томъ-то рыба красная,
А и третій неводъ къ берегу пришелъ,
А въ томъ то вѣдь рыба бѣлая,
Бѣлая рыба по три четверти.
Перевозился Садко молодецъ на гостиный дворъ
Съ тою рыбою ловленою:

6.

УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ.

Наши предки, какъ извѣстно, были сперва язычниками, имѣли своихъ языческихъ боговъ: Перунъ, богъ огня, грома и молніи; Волосъ, покровитель стадъ;

А и перву рыбу перевозилъ всю,
Клали они рыбу въ погреба;
Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
Та была все рыба красная:
Изъ третьяго невода возили они
Въ тѣ же погребы глубокіе,
Запирали они погребы накрѣпко,
Ставили караулы на гостиномъ на дворѣ.
А и отдалъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.
А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ по три дни,
На четвертой день погулять захотѣлось:
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ,
А на силу Садко туто двери отворитъ:
Котора была рыба мелкая,
Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ,
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки червонцы лежатъ.
Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко,
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежатъ.
Втапоры Садко купецъ, богатый гость,
Сходилъ Садко на Ильмень озеро,
А бьетъ челомъ поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень озеро!
Поучи меня жить въ Новѣгородѣ!»
А и тутъ ему говоритъ Ильмень озеро:
«Ай и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
Позови ты молодцевъ посадскихъ людей,
А и станутъ — те знать и вѣдати.»
Тутъ молодецъ догадается,
Сдѣлалъ обѣдъ про таможенныхъ людей,

Стрибогъ повелѣвавшій вѣтрами; Солнце (или Дажбогъ или Хорсъ). Грубость понятій была такова, что этимъ богамъ приносили въ жертву живыхъ дѣтей.... Но у древнихъ русскихъ не было жрецовъ, какъ особаго сословія, языческая религія не была возведена въ систему; и потому когда, подъ вліяніемъ столкновеній съ разными народами, на Руси появились проповѣдники

А сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
И будетъ во Новѣгородѣ
У того ли Николы Можайскаго;
Тѣ мужики новгородскіе сходилися
На братчину Никольщину (т. е. общій обѣдъ въ праздникъ св. Николая),
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя:
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой доброй молодецъ,
Бьетъ челомъ, поклонлется:
«А и гой вы еси, мужики новгородскіе:
Примите меня во братчину Никольщину,
А и я вамъ сыпь плачу не малую.»
А и тѣ мужики новгородскіе
Примали его во братчину Никольщину,
Далъ молодецъ имъ пятьдесять рублевъ.
А и зачали пить пива ячныя,
Напивались молодцы уже до пьяна, —
А въ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы, славны кунцы!
Принасите вы мнѣ товаровъ въ Новѣгородѣ,
Я выкуплю тѣ товары по три дни,
Не оставлю товаровъ ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку;
А то коли я товары не выкуплю,
Заплачу казны вамъ сто тысячей.»
А и тутъ мужики новгородскіе
Тѣ-то рѣчи его записывали
А и выпили канунъ, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Новугороду,
Закупати товары въ Новѣгородѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходилъ Садко по Новугороду,
Закупаетъ онъ товары повольной цѣной:
Выкупилъ товары въ Новѣгородѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,

новыхъ вѣръ, магометанской, римско-католической и греческой, старая религія должна была уступить мѣсто какой нибудь новой. Такъ какъ греки были ближе всего къ Руси, греческія колоніи были даже въ нынѣшнемъ Крыму, то греческое вліяніе взяло перевѣсъ. Уже при сынѣ Рюрика Игорѣ въ Кіевѣ была православная церковь св. Ильи. Жена Игоря Ольга была

Ни на малу разну полушечку.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
А пошедъ Садко Божій храмъ сорудилъ
Во имя Стефана Архидіакона:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ;
Онъ мѣстные иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по второй день по Повугороду,
Въ Новѣгородѣ товару больше стараго:
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку. —
И вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ
Во имя Софіи премудрыя:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстныя иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Новугороду,
Въ Новѣгородѣ товару больше стараго,
Всякихъ товаровъ заморскихъ:
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,
Не оставилъ товару ни на денежку
Ни на малу разну полушечку. —
Много у Садки казны осталося,
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ
Во имя Николая Можайскаго:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстныя ик ны изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.

уже христіанкой. Внукъ Ольги Владиміръ сперва усердствовалъ языческимъ идоламъ. Такъ при немъ старцы кіевскіе рѣшили принести богамъ человѣка и сказали: „бросимъ жребій на отрока и на дѣвицу; на кого падетъ, того и зарѣжемъ богамъ“.—Жребій палъ на одного варяга, только что возвратившагося изъ Греціи; онъ былъ уже христіаниномъ. Когда народъ сталъ тре-

---

А и ходитъ Садко по четвертый день
Ходитъ Садко по Новугороду,
А и цѣлой день до вечера,
Не нашелъ онъ товаровъ въ Новѣгородѣ
Ни на денежку, ни на малую разну полушечку.
Зайдетъ Садко онъ во темный рядъ,
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А всѣ горшки уже битые;
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
Пригодятся ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку, гостя богатаго,
Что не я Садко богатъ — богатъ Новгородъ,
Всякими товарами заморскими
И тѣми черепанами, гнилыми горшки!

Эта замѣчательная былина указываетъ и на богатство торговли, и на обстановку ея, на водные сообщенія, на смѣсь языческихъ повѣрій и поклоненія рѣкамъ и озерамъ съ новыми христіанскими вѣрованіями и сооруженіемъ церквей.

*) Воспоминанія о кіевской торговлѣ тоже сохранились въ нѣкоторыхъ былинахъ. Такова былина «Сол вей Будимірович.»

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — окіанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго
Изъ глухоморья зеленаго
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — одинъ корабль
Славнаго гостя богатаго,
Молода Соловья сына Будимірович.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:

бовать у него сына, онъ отвѣчалъ имъ: „ваши боги не боги, а дерево“. Разсерженный народъ убилъ на мѣстѣ отца и сына... Но все таки христіанство распространялось, и наконецъ собралось въ Кіевѣ вѣче, на которомъ и рѣшили принять христіанскую вѣру греческаго исповѣданія. Въ Новгородѣ христіанство тоже было принято, но не такъ охотно; многихъ дружина крестила силой. Однако, не смотря на принятіе христіанства, невѣжественный народъ не оставлялъ ни сво-

---

У того было у-сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню по яхонту,
Вмѣсто бровей было прибавлено
По черному соболю сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
Два горностая, два зимніе,
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ-корма по турину,
Бока взведены по звѣрину.
Бѣгутъ ко городу Кіеву
Ласковому князю Владиміру
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ;
На чердакѣ была бѣсѣдка — дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бѣсѣдка рытымъ бархатомъ,
На бѣсѣдкѣ-то сидѣлъ купанъ молодецъ.
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ...

Таково богатство купца Соловья; онъ привозитъ кіевскому князю и княгинѣ дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Не дорога камочка — узоръ хитеръ;
На златѣ и серебрѣ не погнѣвается и т. д.

ихъ языческихъ повѣрій и обычаевъ, и многія изъ нихъ сохранились до настоящаго времени. Вслѣдствіе этого языческіе волхвы могли постоянно мутить народъ. Такъ въ Суздальской землѣ во время голода явились волхвы, ходили по селамъ и городамъ, избивали старыхъ людей, говоря, что старики и старухи удерживаютъ у себя обиліе земли и оттого-де хлѣбъ не родится. Народъ продолжалъ молиться Перуну, рощамъ и колодцамъ; приходскіе священники часто предавались пьянству, не отправляли ни обѣдни, ни требъ церковныхъ, а прихожане иногда силой удерживали такихъ священниковъ вопреки приказамъ архіерейскимъ, не ходили въ церковь, не причащались, имѣли по двѣ жены. Лѣтопись говоритъ: „нѣкоторые встрѣтятъ монаха или зайца или свинью и возвращаются назадъ; другіе вѣруютъ въ чиханье“, и т. д. Иные водили невѣсть къ водѣ, бились дреколіемъ до смерти въ память Перуна.

Принятіе греческаго вѣроисповѣданія имѣло большое значеніе для Руси, потому что связало ее съ европейскими народами отдѣливъ нѣсколько отъ западно-европейскихъ, и сдѣлало невозможнымъ сліяніе русскихъ съ азіатскими магометанскими народами. Въ продолженіе всего древняго періода христіанство дѣлаетъ постоянные успѣхи; вездѣ являлись проповѣдники христіанства и проповѣдывали Евангеліе даже въ самыхъ дикихъ и отдаленныхъ мѣстахъ; таковы были Леонтій и Исайя, смертью поплатившіеся за проповѣдь. Герасимъ 30 лѣтъ проповѣдывалъ около Вологды. Вездѣ строились церкви и монастыри (кіевопечерскій монастырь). Многіе подражали византійскимъ отшельникамъ; такъ св. Кириллъ заключилъ себя въ столпѣ, чтобы отрѣшиться отъ міра и посвятить себя молитвѣ... Потомъ впрочемъ онъ сдѣ-

лался митрополитомъ. Но вмѣстѣ съ православнымъ исповѣданіемъ появлялись на Руси и лжетолкователи его; такъ при Святополкѣ въ Кіевѣ явился какой-то еретикъ Адріанъ, а при Мономахѣ другой еретикъ Дмитрій, но они конечно не имѣли успѣха. Русская церковь вскорѣ послѣ образованія стала независима отъ греческой; однако при неустановившемся строѣ въ церковномъ клирѣ были значительные безпорядки. Нѣкоторые епископы посвящали въ священники за деньги и учредили при этомъ разные поборы; самыя епископскія мѣста получались происками и подарками у людей сильныхъ; такъ Ѳеодоръ, епископъ ростовскій, получилъ санъ обманомъ и происками у патріарха константинопольскаго, помимо кіевскаго митрополита. И когда суздальскій князь требовалъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Кіевъ принять благословеніе, онъ затворилъ всѣ церкви во Владимірѣ и ключи церковные взялъ себѣ, такъ что по всему городу не было ни звону, ни пѣнья церковнаго. Кромѣ того, считая себя совершенно самовластнымъ, онъ началъ страшныя грабительства, у кого отнялъ села, у кого оружіе, у кого коней; инымъ людямъ порѣзывалъ головы и бороды, иным выжигалъ глаза, вырѣзывалъ языкъ, иныхъ распиналъ на спинѣ и мучилъ жестоко, желая отобрать ихъ имѣнье. Но такое самовластье было ново на Руси; едва прошло два мѣсяца, какъ суздальскій князь, по требованію народа, приказалъ схватить Ѳеодора и отвезти въ Кіевъ на судъ къ митрополиту; митрополитъ нарядилъ надъ нимъ духовный судъ. По приговору духовнаго суда, ему отрѣзали языкъ, отсѣкли правую руку, выкололи глаза и отвезли на Песій монастырь въ заточенье... Точно также епископъ Леонтій грабилъ священниковъ, и за

это былъ изгнанъ ростовцами и суздальцами. Въ самыхъ безпорядкахъ іерархіи первые возставали противъ злоупотребленій міряне и низшее духовенство. Такимъ образомъ власть епископовъ по отношенію къ клиру и мірянамъ была ограничена; священники ставились изъ людей, выбранныхъ самимъ приходомъ; новгородскій владыка ставился тоже изъ лицъ выбранныхъ вѣчемъ. Такимъ образомъ духовенство не составляло отдѣльнаго сословія, а было представителемъ всего народа.

За то и матеріальная поддержка, по мѣрѣ развитія христіанства, становилась всё сильнѣе и сильнѣе. Не даромъ же сложились старинныя пословицы: „первую мерлушку попу на опушку;“ „не отсыпавъ попу новины, хлѣба не продавай!“ „безъ денегъ въ церковь ходить грѣхъ...“ и пр.

Вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства русскіе получили и славянско-русскую грамату, изобрѣтенную св. Кирилломъ. Развитое состояніе религіи требовало значительной образованности отъ епископовъ, духовныхъ и самихъ вѣрующихъ мірянъ; поэтому знаніе грамоты стало необходимостью для религіознаго человѣка. Но главнымъ образомъ, знаніе это сосредоточивалось среди духовенства. Духовенство вело первыя лѣтописи (монахъ Несторъ), оно писало житія святыхъ, переписывало церковныя книги, переводило съ греческаго. Многіе съ религіозной цѣлью путешествовали въ Іерусалимъ. Иные оставляли описанія своихъ путешествій, такъ напр. Даніилъ игуменъ земли русскія и Стефанъ Новгородецъ. Какъ люди своего вѣка они выказываютъ много легковѣрія. Такъ Даніилъ разсказываетъ, что въ Іерусалимѣ за олтаремъ онъ видѣлъ пупъ земли. Стефанъ Новго-

родецъ говоритъ, что въ Константинополѣ есть колодецъ отъ Іордана, „и въ одно утро стражи царскіе вынули изъ колодезя пахирь и узнали калиги (сапоги) русскія. Русскіе сказали: это нашъ пахирь; мы купались и уронили на Іорданѣ. Греки же не повѣрили и не дали калигъ. Горе намъ страннымъ!“ Разсказываетъ о жабѣ, которая будто бы ходила по улицамъ и побдала людей; о метлахъ, которыя сами собой мели улицы.

Тѣмъ не менѣе грамотность и знанія продолжали распространяться; отъ княжескихъ дружинниковъ требовалась не одна сила и храбрость, но книжное ученье и умѣнье говорить. При князьяхъ были особые пѣвцы, какъ напримѣръ Митусъ. Эти пѣвцы сочиняли разныя похвальныя пѣсни князьямъ уже чисто мірскаго содержанія и на чисто русскомъ языкѣ. Изъ такихъ пѣсенъ въ рукописи до насъ дошло только одно слово о полку игоревомъ, т. е. разсказъ о походѣ Игоря на половцевъ. Развитіе знаній усиливалось вслѣдствіе сношеній русскихъ съ западными народами. Дочери Ярослава были отданы замужъ: Елезавета за Горальда короля норвежскаго, Анастасья за венгерскаго короля Андрея, Анна за французскаго короля Генриха II. Сыновья Ярослава были женаты: Всеволодъ на греческой царевнѣ, Изяславъ на сестрѣ Казиміра короля польскаго; два другіе сына на какихъ-то нѣмецкихъ княжнахъ. Кромѣ того на Русь приходили изъ Греціи и другихъ европейскихъ земель строители, иконописцы, пѣвцы и другіе мастера; къ нимъ поступали въ ученье русскіе люди и такимъ образомъ распространялись разныя искусства, прежде неизвѣстныя на Руси.

Однако все-таки невѣжество народа было громадное. То затмѣніе солнца смущало весь народъ; то семь ве-

черовъ сряду на западѣ съ ужасомъ видѣли какую-то необычайную звѣзду съ кровавыми лучами и т. п. Такъ въ Кіевѣ одинъ волхвъ сильно взволновалъ народъ, онъ распустилъ слухъ, что ему явились пять боговъ и сказали, что на пятое лѣто Днѣпръ потечетъ вверхъ и страны передвинутся въ иныя мѣста; греческая земля будетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой, и иныя земли тоже перемѣнятъ свои мѣста... Такъ во время голода въ Ростовѣ волхвы шли по Волгѣ, заходили въ прибрежные погосты, указывали на лучшихъ женщинъ и говорили, что такая-то удерживаетъ жито, такая-то рыбу, такая-то медъ.... Еще сильнѣе было волненіе въ Новгородѣ, когда тамъ появились волхвы. Народъ раздѣлился на двѣ стороны; за волхва сталъ почти весь народъ, за священниковъ только княжая дружина. Князь Глѣбъ спряталъ подъ одеждой топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ: знаешь ли ты, что завтра будетъ утромъ и что вечеромъ? — „Все знаю.“ — Ну, а что будетъ нынче? — „Я сотворю великія чудеса.“ Вслѣдъ за этимъ Глѣбъ вынулъ топоръ и однимъ ударомъ разсѣкъ волхва на двое... Народъ разошелся по домамъ. Впослѣдствіи въ XIII вѣкѣ при новомъ появленіи волхвовъ въ Новгородѣ, на нихъ возстало уже не одно духовенство, но и весь народъ. „Въ лѣсу родился, инямъ молился,“ сложилась пословица про идолопоклонниковъ. „Плохаго бога (т. е. идола) и телята лижутъ.“

При сильномъ невѣжествѣ народъ, конечно, много страдалъ отъ естественныхъ бѣдствій. То были голода вслѣдствіе страшной засухи, отъ которой загорались лѣса и болота, то повальныя болѣзни, то наводненья, то пожары. „Огонь да вода — наша бѣда“ говоритъ по-

словица. Иногда горѣло по нѣскольку городовъ разомъ; напр. въ 1194 г. горѣли: Новгородъ, Ладога и Руса. Въ Новгородѣ каждый день загоралось въ нѣсколькихъ мѣстахъ *).

Въ 1211 г. сгорѣло 4,300 дворовъ и 15 церквей, а въ 1217 г. половина Новгорода. Въ Кіевѣ бывали пожары по два дня. Во Владимірѣ въ 1185 г. сгорѣло 32 церкви, и въ 1227 — 17 церквей и едва не весь городъ.

Кромѣ того бывали частые голода. Народъ ѣлъ липовый листъ, березовую кору, солому, мохъ, конину; многіе умирали отъ голода и худой пищи; улицы были завалены мертвыми тѣлами; доходило до того, что родители отдавали дѣтей въ рабство заѣзжимъ торговцамъ, чтобы только не видѣть ихъ мученій отъ голодной смерти. Или ѣли липовый листъ, сосновую кору и мохъ; въ 1230 году люди принялись даже за собакъ и кошекъ, а иные ѣли трупы мертвыхъ; были и такіе, которые рѣзали и ѣли живыхъ людей. Вслѣдъ за голодомъ часто являлся страшный моръ; не успѣвали хоронить мертвецевъ; по улицамъ не было прохода отъ мертвыхъ тѣлъ. Въ 1230 году въ Смоленскѣ отъ мора умерло больше 32,000 человѣкъ. Въ 1187 г. „была сильная болѣзнь въ людяхъ, такъ что не было двора, гдѣ бы кто нибудь не хворалъ; а въ иныхъ мѣстахъ цѣлые дворы были наполнены больными, такъ что неко-

*) Людіе боящеся не смѣяху въ городѣ жити, но по полю, иніи и рли живяху, а иніи по берегу въ учанѣхъ, и бѣ видѣти весь градъ движащься и бѣгоша по недѣлѣ и болѣ, и много пакости бысть людемъ и убытка отъ лихихъ людей.» (Новгородск. Лѣтоп. П.Собр. Лѣт. III 181.)

му было ходить за ними....“ Моръ часто вмѣстѣ съ людьми губилъ, конечно, и скотъ...

Это невѣжество и эти бѣдствія производили бѣдность, которая конечно чувствовалась не только въ древнѣйшее время, но и позднѣе. Вслѣдствіе этого-то и сложились старинныя пословицы: „Только и посуды, что сучья въ бревнахъ.“ „Пыль да копоть, а нечего лопать (т. е. ѣсть).“ — „Бороной ворота запираемъ.“ — „Житье, житье: наготьѣ да босотьѣ.“ — „Въ семи дворахъ одинъ топоръ.“ — „Семь деревень, а лошадка одна.“ — „Корова пестра, да и та безъ хвоста.“ — „Тужилъ дѣдъ, что худо одѣтъ.“ — „Всей одежи — шапка да онучи.“ — „Шапка волосяная, рукавицы своскожаныя“ (т. е. нѣтъ ни шапки, ни рукавицъ). „Голь бѣднѣе лохмотья.“ — „Всѣхъ нищихъ не перещеголяешь.“ — „Весь тутъ: голъ, какъ (соколъ) прутъ.“ — „Борода по колѣна, а дровъ ни полѣна.“ — „Убогій, что осиновый листъ: все дрожитъ.“ — “Чистъ молодецъ, ни козъ, ни овецъ.“ — „Голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ.“ — „Дожили до того, что не осталось ничего.“

7.

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

Къ довершенію всѣхъ бѣдствій изъ Азіи пришли новыя кочевыя орды, но многочисленнѣе и страшнѣе прежнихъ (т. е. печенѣговъ, половцевъ и др.). Это были татары; этотъ народъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ далеко сильнѣе другихъ; такъ въ Азіи онъ татаризировалъ (обратилъ въ татаръ) частью самихъ монголовъ, а также нѣкоторыхъ остяковъ и самоѣдовъ; такъ и

теперь татары не сливаются съ русскими, сохраняютъ свою племенную особенность, мало того живутъ преимущественно легкимъ трудомъ, торговлей, чѣмъ совершенно отличаются отъ финскихъ племенъ живущихъ въ Россіи. Одинъ средневѣковой путешественникъ (Герберштейнъ) дѣлаетъ такую характеристику татаръ, турокъ и русскихъ: „татаринъ, сбитый съ коня, тяжело раненый, все еще обороняется до послѣдняго издыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ; турокъ въ подобномъ положеніи начинаетъ смиренно умолять врага о пощадѣ; московскій ратникъ не обороняется и не проситъ пощады.“

Какъ и теперь, татаре были невысокаго роста, лицемъ смуглы и рябы, имѣли широкое лицо съ большими скулами, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Узкость глазъ у нихъ, вѣроятно, происходитъ оттого, что они съ древнѣйшихъ временъ жили въ пещерахъ или въ мрачныхъ и дымныхъ юртахъ. Юрты дѣлались круглыя изъ хворосту и покрывались камышемъ. По срединѣ юрты разводили огонь и дымъ изъ него уходилъ въ отверстіе на верху. При перекочевкѣ юрты легко разбирались; возили на телѣгахъ даже и неразобранныя юрты. У татаръ было множество скота: верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей; ѣли они всякое мясо (особенно лошадиное *), жидкую кашу изъ проса, но хлѣба не знали; пили кумысъ (кобылье молоко); ѣли все нечистыми руками и не мыли котловъ. Всѣ они, даже женщины и дѣти, отлично ѣздили верхомъ и хорошо владѣли лукомъ.

*) Тоже и теперь. „Не верти головой, какъ бѣшеная овца, не продали бы татарамъ!“ — Русская поговорка о лошади.

Какъ скотъ, такъ и сами татары принадлежали хану безусловно.

Сначала монгольскія и татарскія орды кочевали только въ равнинахъ средней Азіи. Вражда ордъ между собою, постоянныя войны ихъ другъ съ другомъ ослабляли ихъ и дѣлали ихъ не такъ опасными для сосѣдей. Но въ концѣ XII вѣка князь монгольской орды, кочевавшей на истокахъ Амура, Темучинъ соединилъ орды и двинулъ ихъ на сосѣдей. Въ этихъ-то походахъ выказались во всемъ блескѣ жадность, свирѣпость и коварство этихъ народовъ; безчисленные полчища хищныхъ звѣрей не могли быть такъ вредны, потому что звѣрь не можетъ надѣлать столько зла, сколько человѣкъ воспитанный кровожадно... Входя въ чужія земли, татары посылали впередъ отряды, которые не грабили, а старались только убивать какъ можно больше людей; за тѣмъ шло войско, которое все жгло и истребляло на пути... Плѣнныхъ оно часто избивало такимъ образомъ: татарскіе сотники раздавали ихъ своимъ людямъ по 10 человѣкъ на каждаго, и эти рубили ихъ топоромъ. Отъ покоренныхъ народовъ они требовали, чтобы по первому зову всѣ жители шли съ ними на войну и давали десятую часть всего, даже людей; они брали также десятаго отрока и дѣвицу и отводили ихъ въ рабство въ свои кочевья, а остальныхъ перечисляли для сбора податей. Знаніе военнаго дѣла, многочисленность, мужество и коварство доставляли имъ постоянныя побѣды. Монголы навели этимъ такой ужасъ, что азіатскіе народы смотрѣли на нихъ, какъ на неизбѣжную кару и добровольно гибли отъ ударовъ, считая безполезнымъ всякое сопротивленье.

Въ 1224 году татаре въ первый разъ столкнулись

съ русскими. Въ этомъ году два полководца Темучина перешли Кавказъ, одолѣли разныя кавказскія племена и двинулись къ Дону въ степи половецкія. Половцы были разбиты и толпами бѣжали въ Русь. Половецкій князь пріѣхалъ съ поклономъ къ русскимъ князьямъ, раздарилъ имъ множество коней, верблюдовъ, буйволовъ и плѣнницъ. „Насъ теперь побили — говорили половцы — а если вы намъ не поможете, такъ порубятъ и васъ: сегодня взята наша земля, а завтра возьмутъ и вашу.“ По Руси пошелъ слухъ: „пришли невѣдомые люди; никто не знаетъ кто они, откуда, какого племени и какая ихъ вѣра, а зовутъ ихъ татарами.“ Князья южной Руси: кіевскій, черниговскій и другіе исполчились и выступили въ походъ встрѣтить татаръ, пока еще они не дошли до русскихъ земель. Коварство — какъ основаніе политики — выказалось во всемъ блескѣ. Татары, узнавъ о походѣ русскихъ князей, прислали имъословъ: „живите съ нами въ мирѣ. Если половцы прибѣгутъ къ вамъ, такъ бейте ихъ и берите себѣ добычу: мы слышали, что и вамъ они сдѣлали много зла — вотъ за то и бьемъ ихъ“. Русскіе князья, вмѣсто отвѣта, умертвилиословъ и шли въ степи. Они опрокинули сначала передовые отряды татаръ, но, какъ всегда, между ними началась ссора, не стихавшая даже въ виду грознаго врага. Мстиславъ Удалой былъ въ ссорѣ съ кіевскимъ княземъ и захотѣлъ одинъ добыть себѣ славу. Не сказавъ ни слова другимъ, онъ съ однимъ галицкимъ княземъ напалъ на татаръ, и былъ страшно разбитъ. Мстиславъ кіевскій и другіе князья поздно узнали объ этомъ и не успѣли помочь. Они стали на горѣ надъ рѣкою Калкою и огородились кольемъ. Три дня бился Мстиславъ, наконецъ отдался татарамъ

на клятву, что его отпустятъ, взявъ выкупъ. Татары, захвативъ русскихъ, изрубили всѣхъ до одного, а Мстислава и другихъ князей положили подъ доски, задавили и сѣли на нихъ обѣдать. Изъ бѣжавшихъ князей шестеро потонуло въ Днѣпрѣ. Начался вопль и плачь по всѣмъ городамъ и селамъ. Татары погнались за русскими къ Днѣпру и истребили множество народа: жители, не зная ихъ злобы, выходили къ нимъ изъ городовъ съ крестами, но они всѣхъ побивали. Но татарскіе полководцы не пошли далеко; отъ Днѣпра же они повернули назадъ въ Азію.

Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого, когда уже умеръ Темучинъ, его преемникъ Угедей послалъ своего племянника Батыя съ 300,000 татаръ, отдавая ему всѣ земли по Волгѣ и на западѣ отъ Каспійскаго моря и Уральскихъ горъ; оставалось только завоевать ихъ. Сначала татары опустошили земли камскихъ болгаръ, столицу ихъ сожгли и всѣхъ жителей перебили; болгары искали спасенья у русскихъ князей. Но русскихъ нисколько не вразумилъ урокъ, данный на Калкѣ; нужны были столѣтнія неслыханныя злодѣйства, чтобы заставить ихъ бросить свои мѣстныя ненависти и за одно стать противъ свирѣпаго врага. Каждый русскій городъ выказывалъ замѣчательное мужество, но еще болѣе замѣчательное разъединеніе, поразительное равнодушіе къ гибели другихъ городовъ и еще болѣе поразительное непониманіе собственной выгоды. Этого разъединенія нельзя объяснять большими разстояніями между городами; главная причина совсѣмъ не въ этомъ. Татары двѣ недѣли стояли подъ Рязанью и вообще не съ разу брали русскіе города (семь недѣль подъ Козельскомъ); еслибъ они хотѣли, они имѣли время соединиться.

Прежде всего Батый двинулся на рязанскую землю и требовалъ десятой части всего (коней, простыхъ людей и князей). Князья рязанскіе отвѣчали: „когда всѣхъ насъ не станетъ, все будетъ ваше“. Рязанцы просили помощи у великаго князя владимірскаго, Юрія; но тотъ, по старой непріязни, не помогъ имъ. Рязань была взята; церкви и монастыри пожгли, плѣнныхъ или рубили или разстрѣливали изъ луковъ; князя и жену его приманили обманомъ и убили. Теперь въ свою очередь поплатился великій владимірскій князь. Татары разбили его войско у Коломны, сожгли городокъ Москву, окрестные монастыри и села, народъ избили отъ старика до груднаго младенца. Въ Суздалѣ было почти тоже: плѣнныхъ · босыхъ изнуренныхъ гнали толпами и они умирали отъ голоду и морозу. Послѣ осады и самый Владиміръ былъ взятъ и сожженъ; семейство великаго князя, епископъ и многіе граждане заперлись въ церкви; татаре натаскали лѣсу кругомъ церкви, зажгли его и дымомъ задушили всѣхъ, затѣмъ разломали двери, избили остальныхъ, ободрали богатыя иконы и т. п. Самъ великій князь Юрій былъ въ это время на сѣверо-западѣ и собиралъ войска; онъ былъ тоже разбитъ и палъ въ битвѣ. Новгородцы не догадались помочь ему, и имъ грозила таже участь. Татары взяли Торжекъ и шли на Новгородъ, коея по дорогѣ людей, какъ траву. Но за сто верстъ до Новгорода они повернули назадъ къ Волгѣ, вѣроятно ихъ остановили непроходимые лѣса и болота; къ тому же наступала весна и разливъ рѣкъ. На возвратномъ пути татаре должны были семь недѣль биться у маленькаго городка Козельска; у жителей былъ „умъ крѣпкодушевный“, они рѣзались съ татарами, пока не пали до единаго

человѣка... Это не были воины Леонида, получившіе спартанское образованіе, русскій историкъ съ торжествомъ поставилъ бы ихъ подвигъ на равнѣ и даже выше спартанскаго... Но громадная разница въ томъ, что одни умерли защищая всю Грецію, а другіе погибли защищая только свою козельскую изгородь *)!... Первые надѣялись спасти свое отечество, другіе, — „здѣсь славу и тамъ небесные вѣнцы.“ Но вмѣсто славы все это безполезное мужество кидаетъ только тѣнь на русскую жизнь XII вѣка!...

Возвратившись въ поволжскія степи, татары покорили земли половцевъ и двинулись уже на южную Русь. Южные города при рѣшительной политикѣ умѣли только убиватьословъ **), какъ напр. сдѣлали кіевляне съ татарскими; но каждый городъ по прежнему защищался особо, и за то весь край былъ разоренъ, Кіевъ ***), Черниговъ, Галичъ были взяты.

Татарское нашествіе произвело по всей Руси страшный переполохъ; толпы бѣжали сами не зная куда, и укрывались въ лѣсахъ; многіе въ отчаяніи бросались въ воду или сами закалывались, чтобъ не попасть въ руки врагамъ. Татары разбивали младенцевъ о камни, связывали за волосы людей и гнали, какъ скотъ. Близъ городовъ нельзя было проѣхать отъ смрада множества

*) Татары перебили всѣхъ дѣтей, и прозвали Козельскъ «злымъ городомъ».

**) Этотъ звѣрскій обычай долго сохранялся и впослѣдствіи: точно также поступали и другіе народы: такъ въ 1414 г. нѣмцы убили псковскаго посла въ Нейгаузенѣ.

***) Лѣтописецъ говоритъ, что въ 1340 г. «окружила Кіевъ и осколпила сила татарская: кіевлянамъ нельзя было разслышать другъ друга отъ скрипа телѣгъ татарскихъ (колеса не мазались), рева верблюдовъ и ржанія лошадей.

гніющихъ труповъ. Познакомившись съ татарами русскіе звали ихъ не иначе, какъ „злыми татарами.“ „Закажу и злому татарину.“ „Злѣе злаго татарина.“ „Не татаринъ выскочилъ, не голову снялъ.“ „У татаръ что у собаки души нѣтъ: одинъ паръ.“ „Поѣхали татары въ тартарары, такъ за ними и ты.“ „Рыжаго зыряниna создалъ Богъ, а рыжаго татарина созпалъ чортъ.“ Современный лѣтописецъ называетъ ихъ: „окаянные татары сыроядцы.“

Изъ Южной Руси татары прошли въ Венгрію и Польшу; въ Моравіи въ первый разъ они потерпѣли пораженье; въ тожо время великій ханъ Угедей померъ и Батый вернулся назадъ къ берегамъ Волги (1241 г.), гдѣ на рукавѣ Ахтубѣ онъ построилъ свою столицу Сарай. Владѣнья его простирались отъ Урала до низовьевъ Дупая и стали называться Золотой Ордой (по имени ханскаго шатра, убраннаго богатыми тканями и золотомъ). Сначала Золотая Орда зависѣла отъ великаго монгольскаго хана, жившаго въ средней Азіи; но монголы, завоевавъ множество народовъ, не умѣли соединить ихъ въ плотное цѣлое, и обширная имперія Темучина скоро распалась на отдѣльныя государства. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ такихъ государствъ и была Золотая Орда на Волгѣ; но и тутъ у татаръ не доставало ни знаній, ни здравыхъ политическихъ понятій, вслѣдствіе чего стали происходить споры за престолъ и Орда стала дробиться и слабѣть.

Поселившись въ Сараѣ, Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ ѣхать въ Орду для изъявленія покорности. И вотъ князья одинъ за другимъ явились и съ разными унизительными обрядами представились хану: проходили между священными огнями, разложенными

подлѣ ханской ставки, кланялись идоламъ, становились на колѣни, пили кумысъ и пр. Русскіе князья утверждались теперь въ своихъ владѣніяхъ ханскими грамотами (ярлыками); за полученіемъ ихъ они постоянно должны были ѣздить въ Орду, гдѣ дарили ханскихъ любимцевъ и женъ. Внутренняго же устройства Россіи татары не нарушали, религіи греческой тоже не трогали, они даже освобождали отъ податей духовенство всѣхъ покоренныхъ народовъ. Сначала татары были идолопоклонниками, но вскорѣ потомъ они приняли магометанство. Но даже и Магометъ не воодушевилъ ихъ для распространенія ислама (вѣры); воевать хотя бы изъ-за религіозной идеи было слишкомъ не къ лицу этимъ чисто звѣрскимъ поколѣніямъ... Другое дѣло — разбой. Россія вся была обложена данью; а князья обязаны были по первому требованію идти вмѣстѣ съ войсками хана на его враговъ. Дани отдавались на откупъ восточнымъ купцамъ; тѣ собирали ее съ помощью ханскихъ чиновниковъ (баскаковъ) и татарскихъ отрядовъ. Этотъ сборъ производился самымъ жестокимъ образомъ. Воспоминаніе даже до нынѣ сохранилось въ народныхъ пѣсняхъ:

Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дити возьметъ;
У кого дитяти нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возьметъ.

И дѣйствительно, не платившіе дани становились рабами монголовъ. Даже Новгородъ былъ поголовно переписанъ и долженъ былъ платить дань.

8.

ПОЛОЖЕНІЕ РУССКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Положеніе южныхъ русскихъ земель послѣ татарскаго нашествія было самое печальное. Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ немъ оставалось не больше двухъ-сотъ домовъ, а окрестности его представляли пустыню. Населенье приднѣпровныхъ земель большею частью разсѣялось по другимъ мѣстамъ: одни бѣжали на сѣверъ (такъ въ 1304 г. въ Москву перешелъ на службу кіевскій бояринъ Родіонъ и привелъ съ собой 1,700 чел.; кіевскій митрополитъ переселился во Владиміръ и пр.), а другіе на западъ въ Галицію. А которые остались, терпѣли сильно отъ татарскихъ баскаковъ. Таже доля досталась и черниговско-сѣверской землѣ; которая раздробилась при томъ на мелкіе удѣлы и князья тратили въ междоусобіяхъ послѣдпія силы. Нѣсколько болѣе оправилась отъ татарскаго опустошенія Галиція, но, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, она скоро подпала подъ власть польскаго короля Казиміра. Кіевомъ же и Волынью завладѣли вскорѣ литовскіе князья. Въ это время стала возвышаться Литва и стала сильно безпокоить новгородскія и псковскія владѣнья; множество литовскихъ княжествъ соединились въ одно, потому-то и были въ состояніи не только захватить русскія кіевскія и волынскія земли, но разбить монголовъ и освободить эти области отъ ихъ ига...

Уцѣлѣвшая сѣверо-восточная половина Руси была тоже въ незавидномъ положеньи. Въ то время каждый сосѣдъ не только считался, но и дѣйствительно былъ

врагомъ. Съ одной стороны сѣверная Русь должна была удерживать напоръ Литвы, которая не ограничивалась Кіевомъ и Волынью, а постоянно тревожила и сѣверо-восточную Русь („Къ кому Богородица, а къ намъ Литва“ — говоритъ пословица). Такъ литовскій князь Витовтъ, войдя въ рязанскія владѣнья, пролилъ кровь какъ воду и людей побивалъ сажая ихъ улицами. Въ 1406 г. литвины съ досады, что не могли взять одного псковскаго пригорода, наметали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей. Русскіе мстили тѣмъ, что сдирали съ плѣнныхъ кожу и ободранныхъ показывали осаждающимъ. Съ другой стороны на Новгородъ нападали шведы и ливонскіе рыцари. Послѣдніе даже захватили было Псковъ. Къ счастью, новгородскій князь Александръ Невскій удачно отразилъ тѣхъ и другихъ, но конечно это остановило ихъ только на время: борьба же съ ними и впослѣдствіи продолжалась постоянно отъ времени до времени, и часто принимала самый опустошительный характеръ. Такъ когда въ 1310 году шведы грабили новгородскія села, то на слѣдующій годъ новгородцы сами отправились въ морской походъ на Финляндію, которая принадлежала тогда шведамъ, разбили и пожгли села Еми, побрали множество плѣнниковъ, а скотъ весь перерѣзали... Въ войнахъ новгородцевъ со шведами всего болѣе доставалось корелѣ; съ нее требовали не только послушанія и даней, но еще принуждали принять новую вѣру: принимали корелы православіе, ихъ преслѣдовали шведы; принимали католичество — русскіе... Но противъ татаръ Александръ не осмѣливался поднять оружія; напротивъ онъ старался задобрить ихъ дарами и былъ признанъ ими великимъ княземъ. Когда Новгородъ не хотѣлъ платить имъ

дани, Александръ прибылъ съ силою, ловилъ непокорныхъ, обрѣзывалъ носы, выколупливалъ глаза. Сдѣлана была перепись. „Почаша ѣздити окаяннїи по улицамъ, пишущи домы христїанскіе“. Народъ, угнетаемый татарскими сборщиками податей, собрался въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ), возталъ противъ нихъ, перебилъ или изгналъ ихъ. Надо было ждать новаго нашествія; но Александръ Невскій поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ умилостивить хана...

Послѣ смерти его положеніе Руси сдѣлалось еще хуже; дѣти его воевали между собой изъ-за великокняжескаго престола, и каждый изъ нихъ призывалъ себѣ на помощь татарскіе отряды, которые конечно только грабили жителей. Кромѣ того, на Руси были разныя бѣдствія: голодъ, моры, „злые“ пожары. Пожары часто бывали необыкновенно сильны, при сильномъ вѣтрѣ огонь быстро обхватывалъ дома такъ, что люди едва успѣвали выбѣгать, не думая уже о спасеніи имущества. Моры тоже бывали необыкновенно сильны: живые не успѣвали хоронить мертвыхъ, на одного здороваго приходилось по десяти больныхъ, въ иномъ дворѣ оставался одинъ человѣкъ, въ иномъ два, а въ иномъ одинъ малъ дѣтищъ, а многіе дворы оставались совершенно пусты... Голода иногда продолжались по нѣсколько лѣтъ; многіе умирали голодною смертью, падали на торгу и по улицамъ, многіе разбѣгались по другимъ странамъ, а другіе отдавались изъ хлѣба въ рабство бесермянамъ, жидамъ, къ нѣмцамъ и въ Литву. Народъ, провожая умершихъ, завидовалъ имъ говоря: „хорошо вамъ что вы умерли, не видавши этого горькаго часа.“ Въ древнихъ уставныхъ грамотахъ постоянно говорится:“ а кто въ деревняхъ въ водѣ утонетъ, или

кого въ лѣсѣ деревомъ заразитъ, или съ дерева убьется или звѣрь съѣстъ, или громъ убьетъ, или кто со студени умретъ, или кого возомъ сотретъ, или кто водою приплыветъ убитый человѣкъ“ и проч...

9.

ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

Со времени татарскаго ига начинаетъ возвышаться городъ Москва. Зыряне разсказываютъ, что Москва построена обманомъ *). „Москва на крови основана“ — говоритъ русская пословица. Москва выстроена была еще Юріемъ Долгорукимъ, но сначала была незначительнымъ городомъ. Для насъ важно то, что самое основаніе ея произошло не вслѣдствіе народной колонизаціи, а вслѣдствіе воли самовластнаго князя, что должно было значительно отличать ее отъ старинныхъ народновѣчевыхъ городовъ, да, кромѣ того, важно и начало ея возвышенія, ея ростъ, ея воспитаніе подъ вліяніемъ и покровительствомъ татарскаго ига. Многія московскія улицы до сихъ поръ носятъ татарскія названія: Арбатъ, Басманная, Ордынка и пр. Въ первый разъ Москва сдѣлалась княжескимъ городомъ послѣ

*) Въ то время, когда зыряне населяли мѣста нынѣшней московской губерніи — говорятъ они — и когда русскіе начинали распространяться около нихъ, они просили у зырянъ столько мѣста, сколько можетъ занять кожа коровы. Когда зыряне согласились на это, русскіе изрѣзали кожу на тончайшіе ремни и, захвативъ большое пространство земли, основали «Москву“. Слово Москва зыряне произносятъ Mösskua и производятъ отъ своего слова Mösshu, что по зырянски значитъ коровью кожу. Конечно, это сказка; и хотя слово Москва и финское, но вѣроятно городъ былъ названъ такъ по имени рѣки.

смерти Александра Невскаго, сынъ котораго Даніилъ получилъ ее съ нѣсколькими селами и деревнями. Даніилъ усилился больше, получивъ въ наслѣдство отъ племянника Переяславль-Залѣсскій. Затѣмъ Даніилъ отнялъ у рязанцевъ Коломну, а сынъ его Юрій у смолянъ отобралъ Можайскъ. Въ то время коварство было единственнымъ путемъ къ возвышенію, и московскіе князья вполнѣ усвоили такую политику. Главнымъ соперникомъ Москвы должна была быть богатая сосѣдняя Тверь. Тверской князь Михаилъ былъ великимъ княземъ. Московскіе князья во что бы то ни стало рѣшились отнять у тверскихъ владимірскій великокняжескій столъ. Для этого московскій князь (Юрій) отправился въ Орду, хлопоталъ нѣсколько лѣтъ, задарилъ хана, женился на сестрѣ его Кончакѣ и съ татарскими войсками пошелъ на Тверь. Однако тверскій князь не только разбилъ ихъ, но и взялъ въ плѣнъ Кончаку, которая тамъ и померла. Тогда, при помощи подкупленныхъ ханскихъ вельможъ, Юрій московскій обвинилъ тверскаго князя въ ея смерти. Михаила тверскаго потребовали въ орду. Дѣти уговаривали отца не ѣхать, онъ отвѣчалъ имъ: „придется же когда-нибудь умирать; лучше мнѣ теперь положить душу за многихъ: не поѣду, такъ татары перебьютъ много христіанъ“. Ханъ велѣлъ своимъ вельможамъ разобрать его дѣло; но всѣ онѣ были закуплены московскимъ княземъ. Михаила обвинили, что онъ отравилъ Кончаку, надѣли колодки и тѣшились надъ нимъ при всемъ народѣ; а затѣмъ убійцы замучили его до смерти. Московскій князь равнодушно смотрѣлъ на тѣло убитаго. Даже главный помощникъ его въ этомъ дѣлѣ, татарскій баскакъ сказалъ ему: „Чтожъ смотришъ? Хоть прикрой тѣло!“

Юрій московскій сдѣлался великимъ княземъ, и скоро выказалъ себя хану: онъ удержалъ 2000 руб. серебра, назначенныхъ въ дань татарамъ.

Тогда ханъ назначилъ великимъ княземъ Александра тверскаго. Но когда къ нему въ Тверь прибылъ изъ орды баскакъ и съ своими татарами сталъ дѣлать разныя насилія, собирать дань, тверичи, по совѣту князя, подняли мятежъ, сожгли и перебили татаръ. Новый московскій князь Іоаннъ Калита поспѣшилъ воспользоваться этимъ: ханъ далъ ему 50,000 татарскаго войска и приказалъ наказать мятежниковъ. Калита съ радостью воспользовался случаемъ ослабить Тверь: онъ пожегъ огнемъ и поплѣнилъ всю тверскую землю, „положилъ пусту всю землю русскую“ — говоритъ лѣтописецъ. Александръ тверской бѣжалъ въ Псковъ. Іоаннъ Калита сдѣлался великимъ княземъ.

Первымъ его дѣломъ было усилить Москву; въ это время великокняжескимъ городомъ былъ Владиміръ, который переходилъ къ каждому князю, дѣлавшемуся великимъ княземъ. Во Владимірѣ жилъ и митрополитъ; а понятно, какую славу и какое значеніе придавала городу, особенно въ средніе вѣка, глава духовенства. Поэтому Іоаннъ Калита постарался такъ расположить митрополита Петра, что тотъ перебрался въ Москву, а преемникъ его Ѳеогностъ уже окончательно сдѣлалъ Москву столицей Россіи въ церковномъ отношеніи. Ей недоставало еще пока мощей и другихъ святынь, которыми гордились Новгородъ, Суздаль. Но мало-помалу и въ этомъ отношеніи она превзошла всѣ другіе города. Митрополиты много помогли возвышенію московскихъ князей; по просьбѣ ихъ, они проклинали цѣлые города, чѣмъ наводили на нихъ ужасъ. Такъ

когда тверской князь Александръ нашелъ убѣжище въ Псковѣ, то, по настоянію Калиты, митрополитъ Ѳеогностъ проклялъ и отлучилъ отъ церкви псковичей. „Братья мои и други! сказалъ имъ Александръ: пусть не будетъ на васъ проклятья изъ-за меня; уѣду изъ вашего города и разрѣшаю васъ отъ клятвы, какую вы мнѣ дали: только не выдайте моей княгини.“ Псковичи со слезами отпустили его въ Литву. Но потомъ, тоскуя по своей Твери, онъ поѣхалъ выпрашивать милости у хана. Но у Калиты было много друзей между татарами: Александръ нашелъ въ Ордѣ только казнь. Іоаннъ Калита (что значитъ мѣшокъ съ деньгами) выставлялъ себя вѣрнымъ слугою хана, сдѣлался его повѣреннымъ, собиралъ для него подать со всѣхъ русскихъ городовъ; но не забывалъ и себя. Такъ, напримѣръ въ 1339 г., получивъ съ новгородцевъ дань для хана, онъ послалъ въ Новгородъ посольство за новой-данью; ханъ-де проситъ новой дани. Такими средствами, онъ такъ обогатилъ свою казну, что скупалъ цѣлыя села и волости, а другія, какъ напримѣръ Ростовъ, забиралъ силою. Московскіе бояре, присланные въ Ростовъ, наложили великую нужду на всѣхъ его жителей; ростовцы не только должны были отдавать москвичамъ имѣніе свое по принужденію, но кромѣ того принимали отъ нихъ раны и оковы; тоже дѣлалось въ волостяхъ и селахъ ростовскихъ, такъ что многіе разбѣжались... Вмѣстѣ съ увеличеніемъ денежныхъ средствъ князя, увеличивались не только земли, но и власть его въ самой Москвѣ. Дмитрій Донской даже публично казнилъ одного боярина, который перешелъ къ тверскому князю и хлопоталъ за него въ Ордѣ, но на обратномъ пути попался въ руки москвичей. Публичная казнь этого знатнаго

тысяцкаго пріятно подѣйствовала на московскій народъ. Народъ же вообще былъ радъ увеличенію власти, потому что это увеличеніе великокняжеской власти избавляло отъ татарскихъ погромовъ; сильному увеличенію власти безъ сомнѣнія, больше всего содѣйствовало духовенство, потому что, при отсутствіи всякихъ наукъ, религіозное знаніе было единственнымъ нравственнымъ двигателемъ народа.

Политику Калиты продолжали и его дѣти; духовенство сильно поддерживало ихъ; митрополитъ Алексѣй даже ѣздилъ нѣсколько разъ въ Орду, съумѣлъ заслужить ханское благоволеніе и даже, какъ говорятъ лѣтописцы, исцѣлилъ его хапшу. При внукѣ Калиты Димитріи Донскомъ, во время борьбы съ Борисомъ за Нижній-Новгородъ, по порученію того же митрополита Алексѣя, св. Сергій игуменъ и основатель Троицкой Лавры ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, заперъ тамъ церкви и прекратилъ богослуженіе. Борисъ долженъ былъ смириться. Точно также во время борьбы Дмитрія съ рязанскимъ княземъ тотъ же св. Сергій отправился въ Рязань и уговорилъ рязанскаго князя заключить съ Москвою вѣчный миръ. Во время борьбы великаго князя московскаго Василія Темнаго съ Шемякой, когда послѣдній нашелъ убѣжище въ Новгородѣ, митрополитъ Іона нѣсколько разъ писалъ новгородцамъ, что Шемяка отлученъ отъ церкви и съ нимъ, какъ съ отлученнымъ, не слѣдуетъ ни пить, ни ѣсть; слѣдовательно его надо изгнать!..

Кромѣ помощи духовенства, и сами московскіе князья умѣли очень искусно пользоваться усобицами сосѣдей, напр. враждой между князьями тверскими и кашинскими, между рязанскими и пронскими. Сама же Москва съумѣла избѣжать раздробленія: мало-по-малу млад-

шимъ братьямъ стали даваться самые незначительные удѣлы; кромѣ того, Москва переходила отъ великаго князя къ его старшему сыну, а не къ старшему брату, какъ было въ старину. Такой новый порядокъ былъ причиной большихъ междоусобныхъ войнъ при внукѣ Дмитрія Донскаго Василіи II Темномъ. Дядя его Юрій хлопоталъ сперва у хана, доказывая обычаями и граматами, но Василій успѣшнѣе доказалъ свое право деньгами, затѣмъ произошла кровавая борьба, которая продолжалась двѣнадцать лѣтъ и сопровождалась большими жестокостями. Василій II ослѣпилъ одного изъ своихъ враговъ (Василія Косаго), но потомъ и самъ былъ ослѣпленъ Дмитріемъ Шемякой. Шемяка принялъ даже титулъ великаго князя. Но духовенство, бояре и народъ московскій стояли за новый порядокъ; имъ болѣе нравилось наслѣдство стола отъ отца къ сыну (а не къ брату), потому что при такомъ порядкѣ должны были утихнуть прежнія постоянныя княжескія распри. — Такъ какъ московскіе князья постоянно оставались великими князьями, то они смотрѣли уже на прежнюю великокняжескую столицу Владиміръ, какъ на свою собственность, и завѣщали его отъ отца къ сыну называя его „отчиной", какъ и другіе московскіе города. Остальные князья независимыхъ земель мало-помалу становились подручными князьями, или же земли ихъ — съ согласія хана и съ подкупа боляръ — совсѣмъ отходили къ Москвѣ, какъ напр. Муромъ и Нижній-Новгородъ.

Однимъ изъ опасныхъ сосѣдей московскаго государства было литовское княжество. Литовскіе князья имѣли большое стремленье завладѣть и сѣверовосточными русскими землями; они взяли Смоленскъ, но успѣхи ихъ дальше

были остановлены. Московскіе князья или отбивались отъ нихъ боемъ, или старались поддержать миръ входя въ родство съ литовскими князьями посредствомъ женитьбъ; но главное литовскихъ князей останавливали другіе опасные враги на западѣ, ливонскіе рыцари, съ которыми имъ приходилось имѣть постолнныя войны.

Между тѣмъ какъ московское княжество постоянно усиливалось, Золотая Орда начала ослабѣвать отъ постоянныхъ внутреннихъ смутъ и кровавыхъ дракъ за ханскій престолъ: (такъ напр. ханъ Чанибекъ былъ убитъ своимъ сыномъ Бердибекомъ; Бердибекъ въ свою очередь былъ убитъ своимъ сыномъ Кулпою и т. п.) уже въ второй половинѣ XIV вѣка она раздѣлилась между нѣсколькими ханами. Впрочемъ Мамай вскорѣ снова соединилъ ее; но сила ея была уже не прежняя, такъ что когда Дмитрій Донской переталъ платить Ордѣ дань и Мамай со всѣми своими полчищами пошелъ его усмирять, то побѣда кончилась въ пользу русскихъ (Куликовская битва, при впаденіи Непрядвы въ Донъ 1380 г.); русскіе на этотъ разъ прислали для борьбы войска изъ всѣхъ городовъ. Самъ великій князь былъ въ битвѣ. Послѣ сраженья ему сказалъ московскій боярин Михайло Александровичъ: „государь, великій князь, у насъ пѣтъ сорокъ бояръ московскихъ, двѣнадцать князей бѣлозерскихъ, тридцать новгородскихъ посадниковъ, двадцать бояръ коломенскихъ, сорокъ серпуховскихъ, тридцать пановъ литовскихъ, двадцать бояръ переяславскихъ и т. д.— а всего посѣчено татарами полтретья ста тысячъ и три тысячи (133,000 чел.)“.

Впрочемъ и разбитая орда оставалась все еще сильна и многочисленна; по временамъ приходили изъ Азіи даже новыя орды. Въ Сараѣ, на мѣстѣ Мамая, вопа-

рился новый ханъ Тахтамышъ и требовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда ему отказали въ этомъ, то черезъ два же года послѣ Куликовской битвы онъ вдругъ появился около Москвы, обманомъ вошелъ въ нее, разграбилъ и пожегъ. Дмитрій Донской снова долженъ былъ платить дань.

Тахтамышъ впрочемъ скоро былъ низвергнутъ новымъ кровожаднымъ завоевателемъ Тимуромъ. Къ счастію, Тимуръ опустошилъ только границы до Ельца и возвратился въ Азію. Бывшій тогда великій князь, сынъ Дмитрія Донскаго Василій I, пользуясь новыми смутами въ Золотой Ордѣ, опять пересталъ было платить дань. Однако татаре снова сдѣлали внезапный набѣгъ, разорили московскую землю и взяли большой выкупъ съ Москвы. Вотъ какъ описываетъ свое положеніе одинъ изъ хановъ золотой Орды литовскому князю Витовту: „выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша; онъ мой врагъ, не могу оставаться въ покоѣ, зная что онъ живъ; потому что наша жизня измѣнчива: нынче ханъ, а завтра бѣглецъ; нынче богатъ, а завтра нищій; нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своихъ не только что чужихъ.“ Наконецъ при Василіи II Темномъ Золотая Орда окончательно распалась; отъ нея отдѣлилась Крымская и Казанская Орда.

Одинъ изъ хановъ, изгнанный изъ Сарая другими искателями трона, ушелъ въ древнюю Болгарію, возобновилъ разрушенный русскими городокъ Казань (котелъ), собралъ около себя толпы татаръ и сталъ господствовать надъ окрестной Мордвой, Черемисами, Камскими Болгарами и другими племенами (1440 г.). Вслѣдствіе выгоднаго мѣстоположенія и торговли, Казань вскорѣ сдѣлалась многолюдным и богатымъ городомъ, а набѣ-

гами своими казанскіе татары часто тревожили сосѣднія русскія земли. Во время одного набѣга они даже захватили въ плѣнъ Василія Темнаго и выпустили только за большой выкупъ.

Еще сильнѣе и опаснѣе Казани была Крымская Орда; Крымъ давно уже былъ занятъ татарскими улусами. У нихъ утвердились свои отдѣльные ханы (династія Гиреевъ). Крымскіе татары триста лѣтъ постоянно опустошали Россію внезапными и свирѣпыми набѣгами. Для защиты отъ нихъ въ Россіи стали устраиваться пограничные стражи (казаки).

При постепенномъ разложеніи Золотой Орды въ XIV и XV ст. изъ нея нерѣдко выходили знатные мурзы, царевичи съ своими дружинами, и поступали на службу къ московскимъ князьямъ. Они получали большія помѣстья и цѣлыя города на свое содержаніе („кормленіе") и обязывались защищать предѣлы и являться на помощь. Эти дружины поселялись на юго-восточныхъ границахъ; на берегахъ Оки образовалось даже цѣлое Касимовское ханство въ зависимости отъ Москвы; такимъ образомъ московскіе князья старались татарами же защищаться отъ ихъ соплеменниковъ: потому-то большая часть помѣщиковъ и бояръ тѣхъ мѣстностей до сихъ поръ носятъ татарскія фамиліи.

Татарская эпоха оставила слѣды и въ русскомъ языкѣ; отъ нихъ вошли въ русскій языкъ слова: алтынъ, халатъ, чемоданъ, кирпичъ, арбузъ, алый, кибитка, кабакъ. Но еще большее вліяніе произвели татары на огрубѣніе московской руси, появились самыя жестокія пытки, казни, самовластіе приняло большіе размѣры.

Начиная одолѣвать татаръ, русскій человѣкъ сталъ уже относиться къ нимъ съ насмѣшкой: „Гдѣ былъ.

князь? Волгамъ шаталъ, базарамъ гулялъ". „Ѣшь медвѣдь татарина: оба не надобны". „Татарскому мясоѣду конца нѣту." „А что, добрый человѣкъ: не видалъ ли ты злаго татарина? (дразнятъ татаръ)."

10.

НОВГОРОДЪ.

Другимъ великимъ городомъ средневѣковой Руси былъ „государь Великій Новгородъ", который дольше другихъ сохранилъ свое народнославянское устройство. „Новгородъ, Новгородъ, а постарше стараго!" — говоритъ народная пословица. Великій Новгородъ раздѣлялся на пять концевъ, или частей города. Главными представителями концевъ были выборные кончанскіе старосты; отъ нихъ зависѣли всѣ общественныя распоряженія по концу; они были главными представителями своихъ концевъ на общемъ вѣчѣ и въ общихъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода такъ что договоры съ иноземными государями и вообще постановленія общаго вѣча обыкновенно утверждались печатями пяти кончанскихъ старостъ. Точно также въ посольствахъ непремѣнно участвовали или пятиконецкіе старосты, или по двое, и по трое выборныхъ отъ каждаго конца. Концы имѣли свои колоніи, даже свои знамена, или воинскіе стяги и въ походахъ каждый конецъ составлялъ особый полкъ и имѣлъ своего воеводу. Конецъ крѣпко стоялъ за своихъ жителей, и за обиду одного подымались кончане. Въ каждомъ концѣ безразлично жили и бояре, и житые люди, и купцы, и черные люди; такъ что на общія дѣла каждый конецъ выбиралъ людей и

отъ бояръ, и отъ житыхъ людей, и отъ купцевъ, и отъ черныхъ людей.

Кромѣ того, каждая улица въ Новгородѣ составляла отдѣльную общину съ своими уличанскими старостами и, въ случаѣ нужды, вѣчемъ. Уличане стояли въ круговой порукѣ между собой и защищали другъ друга отъ посторонних притѣсненій. Главные вожди улицы, уличанскіе бояре, пользовались огромнымъ значеніемъ въ Новгородѣ: всѣ важныя выборныя должности принадлежали исключительно имъ; сверхъ того, они имѣли большое вліяніе на общественныя дѣла по своимъ богатствамъ и связямъ. Бояре въ свою очередь дорожили расположеніемъ уличанъ, потому что только при помощи ихъ они могли расчитывать на полученіе важныхъ выборныхъ должностей. Заступаясь за своихъ бояръ, улица дѣйствовала иногда даже по мимо своего конца, иногда уличане даже открытой силой доставляли важныя должности своимъ боярамъ; такъ въ 1359 году уличане Словенскаго конца явились на вѣче въ доспѣхахъ, произвели рѣзню, и разогнали зарѣчанъ или Софійскую сторону и доставили посадничество своему боярину Сильвестру Лентѣевичу. Если извѣстной улицѣ и выгодно было имѣть посадникомъ своего боярина, то не всегда это было выгодно для другихъ улицъ и концевъ; вслѣдствіе чего происходила взаимная вражда улицъ, драки и поджоги. Такъ въ 1194 году, съ недѣли Всѣхъ святыхъ до Успеньева дня пожары продолжались чуть не каждый день; еще не успѣвали потушить пожара на одной улицѣ, какъ загоралась другая совсѣмъ на противуположномъ концѣ города; такъ что граждане оставляли свои домы и жили на полѣ. Въ крайнихъ случаяхъ „худые мужики вѣчники.“ какъ

лзвительно замѣчаетъ московская лѣтопись, бросались на вѣчѣ даже каменьями...

Главной властью Великаго Новгорода было вѣче. Оно приглашало въ Новгородъ князя и отказывало ему, если онъ былъ неугоденъ народу; вѣче наряжало судъ надъ всѣми властями въ Новгородѣ, даже надъ княземъ; оно выбирало всѣхъ властей не только по Новгороду, но и по новгородскимъ владѣніямъ; вѣче казнило и жаловало; ему приносились жалобы на неправый судъ; вѣче издавало и отмѣняло законы, привиллегіи и грамоты на земли; оно объявлло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами; наконецъ оно устанавливало подати и повинности, и опредѣляло какую употреблять монету. Вѣче назначило посадника, тысяцкаго и другихъ властей.

Посадникъ былъ главнымъ представителемъ Новгорода въ всѣхъ дѣлахъ; безъ имени его не могла быть написана ни одна грамота, относящаяся къ цѣлому Новгороду. Значеніе посадника было такъ велико, что новгородцы въ иное время довольно долго оставались безъ князя за однимъ посадникомъ; князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя въ случаѣ, ежели бы князь вздумалъ обижать ихъ; онъ имѣлъ свою печать и часто предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ и водилъ его въ походы даже безъ князя. — Въ посадники избирались исключительно одни бояре и притомъ изъ самыхъ извѣстныхъ и богатыхъ фамилій. Вообще новгородскія боярскія фамиліи занимали всѣ важныя должности и даже считались между собою старшинствомъ, независимо отъ того, кто какую занималъ должность. А такъ какъ

„бояре творяху собѣ легко, а меньшимъ зло“, то посадниками-боярами народъ часто бывалъ недоволенъ, даже нерѣдко подозрѣвалъ ихъ въ измѣнѣ. Такъ въ 1141 г. посадникъ Якунъ за свою преданность князю Святославу Ольговичу едва не былъ убитъ на вѣчѣ; его уже раздѣли до нага и сбросили съ моста въ Волховъ; но онъ не утонулъ и выплылъ, тогда съ него взяли 1000 гривенъ, а съ брата его 100 гривенъ и заточили обоихъ въ Чудь, оковавши цѣпями руки и шею. Въ 1167 г. посадникъ Захарія былъ убитъ на вѣчѣ за измѣнническія сношенія съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Такъ въ 1257 году вѣче казнило смертію посадника Михаила Степанича за его потворство самовластію князя Александра и пр.

Тысяцкій былъ помощникомъ посадника; но кромѣ того, онъ имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника; судъ чисто земскій, народный, на которомъ не участвовали княжіе судьи; онъ завѣдывалъ судомъ по торговымъ дѣламъ, а также, вѣроятно, судомъ между черными людьми. Въ Новгородѣ принимали за правило не затягивать дѣла; внѣ города дѣла должны были непремѣнно рѣшаться въ два мѣсяца; въ самомъ Новгородѣ въ одинъ.

Вѣче же приглашало и князей: князья новгородскіе мало-по-малу стали совершенно выборными сановниками, и зависѣли не только отъ вѣча, но и отъ новгородскихъ партій. (Конечно, князья выбирались только изъ рюрикова дома). Насильно князья пріѣзжали въ Новгородъ только въ исключительныхъ случаяхъ... Когда одинъ князь хотѣлъ насильно прислать въ Новгородъ своего сына, новгородцы отвѣчали, что „если у твоего сына двѣ головы, то пускай пріѣзжаетъ“. Новгородцы брали съ князей

присягу, что князьямъ не оставлять Новгородъ и управлять по новгородскимъ порядкамъ. Всѣ сборы податей и повинностей принадлежали вѣчу; князь или его намѣстникъ не имѣли даже права участвовать въ этомъ; они довольствовались только доходами отъ судебной власти и тѣми данями, которыя имъ были уступлены по договору. „А безъ посадника — говорится во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями (позднѣе 1265 г.) — тебѣ, княже, волостей не раздавати.“ Точно также князь не имѣлъ права ни судить, ни давать грамотъ, ни назначать въ должности по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ безъ участія посадника. Князь не имѣлъ права лишить власти выборнаго начальника, не обвинивъ его и не доказавъ по суду вины („А безъ вины мужа волости не липати“). Князь не имѣлъ права отмѣнять прежде данныя грамоты и перевершать рѣшенныя дѣла; онъ не могъ судить новгородцевъ внѣ новгородской земли. Княжіе судьи имѣли право ѣздить по новгородскимъ владѣніямъ только около Петрова дни и должны были судить по новгородскимъ порядкамъ, а самосуда не замышлять и новыхъ судныхъ пошлинъ не заводить. Чтобы князь былъ совершенно-безпристрастнымъ третейскимъ судьей, онъ, его родня и дружинники не могли пріобрѣтать въ Новгородской землѣ имѣній ни покупкою, ни принятіемъ въ даръ.

Народное вѣче избирало даже новгородскихъ владыкъ. Новгородское вѣче само выбирало ихъ въ Новгородѣ и потомъ отсылало митрополиту на посвященіе. Иногда выборъ владыки былъ единогласный; въ случаѣ же разногласія каждая сторона представляла своего избранника и между ними бросали жребій. Кромѣ того, новгородцы присвоили себѣ право выбирать не только свя-

щенниковъ къ приходскимъ церквамъ, но и игуменовъ къ монастырямъ. Выборъ въ церковныя должности не ограничивался только семействами духовныхъ лицъ, а напротивъ прихожане избирали себѣ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ изъ всѣхъ классовъ общества, только бы выбранный нравился приходу и былъ способенъ занимать ту должность, на которую его избираютъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ и люди духовнаго званія могли свободно избирать себѣ занятія внѣ церковной службы, такъ что въ Новгородѣ разпопы и раздьяконы (т. е. лица, оставившія церковную службу) занимали разныя свѣтскія должности, иногда довольно значительныя, или занимались разными промыслами наравнѣ съ другими гражданами, а дѣти священно-служителей, пока не занимали церковныхъ должностей, считались въ числѣ вольныхъ людей и могли вступить въ число членовъ любой новгородской общины.

Хотя духовенство не участвовало на вѣчѣ, однако— какъ во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ — оно имѣло огромное вліяніе въ городѣ. Въ вѣдѣніи владыки былъ надзоръ за нравственностью не только церковныхъ, но и всѣхъ мірскихъ людей во всѣхъ новгородскихъ владѣньяхъ, а потому всѣ преступленія противъ нравственности и уставовъ церкви, сдѣланныя кѣмъ бы то ни было, подлежали суду владыки (такъ напр. судъ надъ еретиками). Потомъ суду владыки подлежали всѣ семейныя ссоры, споры по имуществу, наслѣдству и т. п. Наконецъ владыка завѣдывалъ всѣми торговыми мѣрами и вѣсами. Договорныя грамоты Новгорода писались вообще по благословенію владыки и утверждались владычнею печатью. Кромѣ того, владыка новгородскій имѣлъ огромное вліяніе на усмиреніе враждующихъ пар-

тій въ Новгородѣ. Часто съ крестнымъ ходомъ владыка становился между партіями, взявшимися за оружіе, и по повелѣнію его они расходились мирно по домамъ. Владычни дани и пошлины, которыя платились церковными причтами въ новгородскихъ владѣніяхъ, были слѣдующія: 1) подъѣздъ, т. е. опредѣленный платежъ въ случаѣ, если владыка посѣтитъ церковь; этотъ платежъ былъ ежегодный, хотя бы владыка и не думалъ осматривать и посѣщать церкви своей епархіи; 2) пошлина съ браковъ; 3) казенныя пошлины; 4) десятиньничи пошлины; 5) десятиньнику даръ; 6) десятиньничь кормъ; 7) черный кормъ; 8) записное и заѣздъ; 9) повозъ, т. е. снаряженіе подводъ и проводниковъ для владычней казны и на проѣздъ посыльныхъ владычныхъ людей; 10) славленныя деньги, т. е. проценты съ дохода отъ славленья въ праздники. Изъ имѣній, принадлежавшихъ владыкѣ, собиралась даже рать, составлявшая особое владычное ополченіе — владычный полкъ.

Въ новгородскихъ монастыряхъ управленіе тоже было выборное; игуменъ, келарь и ключникъ выбирались всей братіею; игуменъ только утверждался новгородскимъ владыкою. Кромѣ того, на выборъ игумена (особенно въ монастырихъ, зависѣвшихъ по содержанію отъ мірскаго общества) имѣли большое вліяніе и мірскіе старосты, избираемые мірскою общиною, которой принадлежалъ монастырь. Новгородскихъ монастырей было много: Антоніевскій, Хутынскій, Соловецкій и мн. др. Монастыри были укрѣпленными и надежными мѣстами; такъ что служили для сохраненія частныхъ сокровищъ и даже носили на себѣ характеръ своего рода банковъ. Такъ какъ монастыри и церкви считались неприкосновенными, то для лучшаго сбереженія богатые люди от-

давали свои деньги и цѣнныя вещи для сохраненія въ монастыри, гдѣ для этого дѣлались особые подвалы и кладовыя, куда частныя лица и ставили свои сундуки; деньги же отдавали монастырскимъ властямъ подъ росписки. А монастыри, какъ этими деньгами, такъ и монастырскими, дѣлали обороты, отдавали ихъ въ займы съ извѣстными выгодами подъ надежные залоги. Отчего сильные монастыри скоро богатѣли, независимо отъ пожертвованій. — Изъ церквей самой богатой казной располагала св. Софія; но софійская казна до нѣкоторой степени считалась общественной казной; владыка Василій на ея счетъ выстроилъ каменный городъ, острогъ и мостъ; владыка Евфимій выдалъ изъ нея тысячу рублей на выкупъ плѣнниковъ (1428 г.); въ крайнихъ случаяхъ софійская казна употреблялась на общественныя нужды даже по опредѣленію вѣча. Такъ послѣ большаго пожара въ 1391 г. новгородцы взяли серебра пять тысячъ рублей у св. Софіи съ полатей; раздѣлили по тысячѣ на каждый конецъ и отстроились.

На новгородскомъ вѣчѣ имѣли голосъ только домохозяева и самостоятельные члены общины. Дѣти домохозяина, хотя бы и взрослые, не имѣли голоса на вѣчѣ и не могли на немъ участвовать до тѣхъ поръ, пока не заводили собственнаго отдѣльнаго хозяйства. Такимъ образомъ, оставаясь безъ дѣятельности, кипучая молодежь бросалась въ повольники, странствовала, открывала для новгородской торговли новыя земли, и грабила не только иноплеменниковъ, но и русскихъ. Въ 1385 г. они опустошили костромскіе села, взяли въ плѣнъ женъ и дѣвицъ, поплыли дальше и продали ихъ въ Волгарахъ бусарманамъ. Въ этихъ разбойническихъ походахъ принимала участіе молодежь самыхъ знатныхъ новгород-

ских фамилій, и на набѣги ихъ Новгородъ смотрѣлъ снисходительно. Повольники судились своимъ дружиннымъ судомъ. Въ ихъ походахъ принимали участіе и другіе люди, исключенные изъ вѣча, это тѣ люди, которые уже выдѣлились изъ семьи, но которымъ нечѣмъ было обзавестись хозяйствомъ; однимъ словомъ круглые бѣдняки. Эти же бѣдняки составляли ватаги, поджидавшія путниковъ и обозы по лѣсамъ и большимъ дорогамъ („любятъ проѣзжихъ гостей, да изъ подъ моста ихъ и встрѣчаютъ“).

За исключеніемъ этихъ бѣдняковъ, на новгородскомъ вѣчѣ имѣли голосъ не только бояре и купцы, но и черные люди. Черные люди несли всѣ общественныя обязанности наравнѣ съ боярами и купцами, только въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ они были меньшими людьми и имѣли меньше средствъ къ жизни; а раскладка всѣхъ повинностей и податей въ Новгородѣ производилась по капиталамъ приносящимъ хозяину доходъ, а не по головамъ. Тѣмъ не менѣе черные люди находились въ значительной зависимости отъ бояръ или вятшихъ людей. Такъ даже по закону въ уличанскихъ общинахъ черные люди не имѣли выборныхъ изъ себя старость, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ изъ бояръ. Въ селахъ же большая часть крестьянъ жила на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ, бояръ или купцовъ, слѣдовательно зависѣла болѣе или менѣе отъ своихъ землевладѣльцевъ-вотчинниковъ. Кромѣ того, Новгородъ нерѣдко отдавалъ села черныхъ людей въ кормленье своимъ служилымъ людямъ изъ бояръ, а вмѣстѣ съ этимъ эти села, конечно, становились болѣе или менѣе зависимы отъ своихъ кормленщиковъ. Мало того, Новгородъ давалъ, хотя рѣдко, своимъ бо-

ярамъ право судить въ вотчинахъ по ихъ суду!!.. И такъ, хотя черные люди на вѣчѣ имѣли одинаковый голосъ съ боярами и князьями, но все таки они зависѣли отъ бояръ частью вслѣдствіе несправедливыхъ постановленій, а еще болѣе отъ неравнаго распредѣленія богатствъ, вслѣдствіе чего бѣдные „глядѣли изъ рукъ у богатыхъ.“ Богатый боринъ, владѣя обширными поземельными имѣніями, могъ давать своимъ уличанамъ выгодныя порученія по управленію своими дѣлами, покупать у нихъ для отправленія въ свои имѣнья разныя произведенія промышленности. Кромѣ того, боринъ поражалъ сограждан блескомъ богатства, многочисленностью прислуги и обильными угощеніями уличанъ при наборѣ людей. Въ своихъ же поземельныхъ владѣніяхъ боринъ развивалъ свою власть до крайнихъ предѣловъ самовластія. На своей землѣ онъ заводилъ села, „страдаемыя“ деревни, изъ боярскихъ насельниковъ рабовъ собиралъ вольныхъ людей, давалъ имъ пашни и разныя угодья, бралъ съ нихъ по взаимному условію оброки и дани; даже содержалъ военныя дружины изъ охочихъ людей, кормилъ, поилъ, обувалъ и одѣвалъ ихъ на свой счетъ, дѣлалъ съ ними походы, даже въ отдаленныя страны, если гдѣ провѣдывалъ, что можно поживиться грабежемъ или даже захватить выгодную землю.

Но, несмотря на зависимость отъ бояръ, черные люди въ Новгородѣ не были рабами; замѣчая явныя притѣсненія со стороны вятшихъ, черные люди не разъ подымались противъ нихъ и нерѣдко сильно мстили за свои обиды. Такъ въ 1209 году новгородцы, выведенные изъ терпѣнія посадникомъ Дмитромъ Мирошкиничемъ, котораго поддерживалъ суздальскій князь Всеволодъ, осудили его на вѣчѣ, и потомъ прямо съ вѣ-

ча пошли грабить какъ его домъ, такъ и другіе боярскіе дома: Мирошкинъ и Дмитровъ домъ сожгли, захватили все ихъ имущество, а села и рабовъ ихъ распродали и взяли такое множество богатства, что при дѣлежѣ досталось по три гривны на человѣка, а кто сколько взялъ тайно, о томъ Богъ вѣсть, только многіе оттого разбогатѣли.... Подобные погромы бывали нерѣдко. Въ 1255 году, при нашествіи на Новгородъ Александра Невскаго, черные люди, замѣтивъ, что бояре тайно сносятся съ княземъ, отдѣлились отъ нихъ и стали особымъ полкомъ у церкви св. Ильи и стояли три дня, и на четвертый день разошлись только тогда, когда князь заключилъ миръ.... Но, нападая на отдѣльныхъ бояръ, на частности, и не умѣя пересоздать всего строя жизни — можетъ быть вслѣдствіе значительной привязанности къ обычному порядку, а болѣе всего отъ недостатка знаній, которыя въ то время носили чисто религіозный характеръ — черные люди, хотя и удерживали свою равноправность, но, несмотря на свою энергію, все-таки оставались подъ руководствомъ бояръ, и при всякомъ возстаніи черныхъ людей народъ поражалъ только одну боярскую партію и въ тоже время подчинялся другой, которая держала его сторону во время возстанія и потомъ тоже руководила народомъ по своимъ видамъ.... И чѣмъ больше богатѣли новгородскіе бояре, тѣмъ рѣзче и рѣзче они отдѣляли свои интересы отъ интересовъ народа, сносились съ князьями, желавшими съ помощью ихъ совершенно завладѣть Новгородомъ, и наконецъ совершенно разошлись съ народомъ, что и было главной причиной паденія Новгорода....

Финскія племена (Ижера, Водь, Карела) жили не

только свободно на новгородскихъ земляхъ, но и въ самомъ Новгородѣ; въ общественныхъ дѣлахъ они имѣли право голоса одинаковое со славянами. Точно также всѣ пришлецы безъ всякаго препятствія принимались въ члены новгородскаго общества и получали одинакія права со всѣми другими, подъ однимъ условіемъ, чтобы пришлецъ подчинился новгородскимъ порядкамъ. Точно также не было различія между боярами и купцами Новгорода и новгородскихъ пригородовъ; даже новгородское вѣче избирало иногда своими посадниками пригородскихъ бояръ. Тѣмъ не менѣе пригороды, т. е. города, стоявшіе на новгородской землѣ, не имѣли своихъ представителей на новгородскомъ вѣчѣ; такимъ образомъ пригороды не были въ равныхъ отношеніяхъ съ Новгородомъ. Напротивъ, пригородныя вѣча въ общихъ дѣлахъ должны были повиноваться приговору новгородцевъ, по общему правилу: „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ.“ Мало того, если Новгородъ присылалъ въ пригородъ князя, то пригородъ не могъ его прогнать, а могъ только жаловаться новгородскому вѣчу. Пригороды, въ случаѣ нужды, присылали новгородцамъ помощь противъ непріятелей; кромѣ того платили опредѣленныя дани въ общую казну. Новгородъ въ свою очередь помогалъ пригородамъ, въ случаѣ нападенія на нихъ непріятелей, впрочемъ не всегда исправно, такъ что пригороды большею частью отбивались своими силами. Такъ не только псковичи, но и Порховъ воевалъ съ сосѣдями независимо отъ Новгорода и заключилъ въ 1428 г. отдѣльный миръ съ литовскимъ княземъ Витовтомъ. Иногда новгородцы, напримѣръ въ 1435 г., ходили на свои пригороды, Великіе Луги и Ржеву, казнить

ихъ за неплатежъ даней, пожгли тамошнія села до псковскаго рубежа и возвратились домой съ полономъ.

Такимъ образомъ, такъ какъ древне-русская жизнь не выработала мысли объ общемъ вѣчѣ, гдѣ бы участвовали представители всѣхъ городовъ, то каждый новгородскій пригородъ, не участвуя въ новгородскихъ дѣлахъ, жилъ особой жизнью, даже нѣсколько тяготился своей подчиненностью Новгороду. Такъ было и съ псковичами; не получая поддержки отъ новгородцевъ противъ сосѣдей, они передавались литовскому князю Ольгерду, а потомъ, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ новгородцевъ во время войны со шведами въ 1348 году, псковичи заключили формальный договоръ съ новгородцами, по которому Новгородъ призналъ Псковъ не пригородомъ, а младшимъ братомъ, и узаконили посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить. Это, конечно, мало сблизило оба города и давало только сосѣдямъ болѣе возможности разъединить ихъ.... Былъ даже случай, когда ни съ того ни съ сего новгородцы напали на Псковъ, да притомъ неудачно.... Въ свою очередь Псковъ тоже подъ конецъ совершенно отдѣлился отъ Новгорода и помогъ великому князю московскому завоевать его. Такимъ образомъ, несостоятельность „народныхъ“ порядковъ оказалась очевидною, а поправить ихъ у новгородцевъ недоставало умственныхъ силъ....

Земли, подчиненныя пригороду, назывались волостью; волость раздѣлялась на погосты, которые состояли изъ нѣсколькихъ селеній. Жители этихъ селеній собирались въ погостъ для совѣщаній о дѣлахъ цѣлаго погоста и имѣли свой ближайшій судъ и расправу и своихъ выборныхъ старостъ. Селенья же, деревни и починки во-

обще были очень мелки и малолюдны; они болѣе походили на хуторы, чѣмъ на деревни и состояли изъ одного или двухъ дворовъ и чрезвычайно рѣдко изъ десяти. Земли вообще раздѣлялись на тягловыя и не тягловыя. Не тягловыми были тѣ, которыя не несли городскихъ повинностей и платежей, напримѣръ церковныя земли и земли, данныя служилымъ людямъ вмѣсто жалованья.

Кромѣ чисто новгородской земли, у Новгорода были волости, т. е. земли подчиненныя Новгороду, и чѣмъ дальше находились эти волости, тѣмъ менѣе и менѣе былъ замѣтенъ въ нихъ чисто новгородскій характеръ. Отдаленные города имѣли или характеръ военныхъ крѣпостей для удержанія въ повиновеніи мѣстнаго новгородскаго населенья, или торговыхъ колоній на путяхъ сообщенія (Рыбинская слобода, Молога, Вологда). Къ новгородскимъ волостямъ относилось и Заволочье, т. е. земли по Онегѣ, Сѣверной Двинѣ и Пинегѣ. Все Заволочье было заселено не по волѣ новгородскаго вѣча, а по распоряженію богатыхъ новгородскихъ бояръ, которые набравъ ватаги вольницы захватили тамошнія земли, подчинили себѣ туземцевъ, строили села и города и владѣли ими, какъ своей собственностью, только во имя Великаго Новгорода и съ платежемъ нѣкоторыхъ доходовъ въ новгородскую казну. Въ этомъ отдаленномъ краѣ бояре своевольничали, какъ хотѣли, и, вопреки новгородскому слову, часто не только грабили постороннихъ, но и своихъ сосѣдей бояръ. Мало того, они даже вступали иногда въ союзъ противъ Новгорода; такъ въ 1397 г. двинскіе бояре и всѣ двиняне задавались за великаго князя московскаго Василія Дмитріевича. Кромѣ Заволочья, новгородскіе вы-

ходцы захватили громадпѣйшія земли на востокъ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ и дальше до рѣки Оби (Печору, Пермь, Югру). Но эти отдаленныя колоніи вскорѣ совершенно отдѣлились отъ Новгорода и образовали довольно большую независимую республику Вятку (города: Хлыновъ, Шестаковъ, Слобода, Орловецъ, Котельничъ). Остальные туземцы управлялись своими старшинами и начальниками, а новгородцы довольствовались данью (ясакомъ), торговлей и звѣриными промыслами. Впрочемъ самое собираніе дани сопровождалось съ затрудненіями; данщики должны были ходить съ воинскими отрядами, да и то туземцы иногда перебивали ихъ. Но на мѣсто избитыхъ данщиковъ являлись новые болѣе осторожные, дань все-таки собиралась и доставляла новгородцамъ большой доходъ серебромъ и дорогими мѣхами; впрочемъ торговля доставляла еще болѣе выгодъ. Такимъ образомъ и у новгородцевъ понятіе о справедливости въ международныхъ отношеніяхъ было почти такое же, какъ и у татаръ. Не давая ничего своимъ подчиненнымъ, они брали дань только по праву сильнаго, другими словами просто грабили туземцевъ.

II.

отношенія новгорода къ великимъ князьямъ и паденіе его.

Еще до нашествія татаръ князьямъ хотѣлось подчинить Новгородъ тому или другому княжескому дому, обратить его въ отчину, подобно другимъ городамъ. Да и въ самомъ Новгородѣ образовалась партія богачей и сильныхъ землевладѣльцевъ, которые находили

для себя болѣе выгоднымъ подчиняться князю, чѣмъ зависѣть отъ народнаго вѣча, стало быть и отъ черныхъ людей. Потому богачи стали вообще сноситься съ князьями и продавать имъ независимость Новгорода. Но народная партія въ свою очередь не дремала и чтобъ оградить независимость отечества еще съ 1126 года постановила, чтобы главные народные начальники (посадникъ, тысяцкій, владыка) прямо зависѣли отъ народнаго вѣча, а не отъ князя, и чтобы князь безъ воли вѣча не могъ ни назначать ихъ, ни смѣнять и чтобы распоряженія князя безъ нихъ считались не дѣйствительными.

До татарскаго нашествія самыми опасными князьями для Новгорода были суздальскіе. Съ ними новгородцамъ постоянно приходилось вести войны, а война была неудобна тѣмъ, что суздальцы занявъ дороги мѣшали подвозу въ Новгородъ хлѣба. Кромѣ того, суздальскіе князья умѣли себѣ составить партію въ самомъ Новгородѣ. Такъ Юрій Долгорукій, поссорившись съ Новгородомъ изъ-за того, что новгородцы не хотѣли мѣшаться въ княжескія усобицы, тайно составлялъ себѣ партію, совершенно отдѣлилъ ее отъ народной, принималъ и ласкалъ всѣхъ ея выходцевъ, и, несмотря на упорное сопротивленіе, цѣлыя девятнадцать лѣтъ Новгородъ прожилъ подъ постояннымъ тяжелымъ вліяніемъ суздальскаго князя. И даже по смерти его, суздальская партія не уничтожилась, а напротивъ вступила въ тайныя сношенія съ сыномъ его Андреемъ Боголюбскимъ и цѣловала ему крестъ, приглашая занять Новгородъ. И дѣйствительно этой партіи удалось ввести въ Новгородъ княземъ, присланнаго Андреемъ Боголюбскимъ, племянника его; но на другой же годъ

Андрей вдругъ отдалъ Новгородъ другому князю, Святославу. Этотъ уже хотѣлъ править въ немъ „на всей своей волѣ.“ Тогда новгородцы, выведши изъ терпѣнья, стали въ тайнѣ собирать вѣча по домамъ, чтобы какъ нибудь поръшить съ княземъ. Святославъ, узнавъ объ этомъ, ушелъ въ Луки и прислалъ сказать новгородцамъ: „не хочу у васъ княжить.“ Но Андрей Боголюбскій не оставлялъ своихъ притязаній и, несмотря на многія неудачи, казалось, сталъ достигать своего; только неожиданная смерть его измѣнила положеніе дѣлъ.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, Новгородъ на нѣсколько лѣтъ былъ свободенъ отъ притязаній суздальскихъ князей. Но при первомъ же удобномъ случаѣ новгородская суздальская партія, при содѣйствіи великаго князя суздальскаго Всеволода, успѣла посадить княземъ посаженника его Ярослава Владимировича; этотъ Ярославъ княжилъ сряду девять лѣтъ и велъ дѣла такъ, какъ было угодно суздальскому князю. Наконецъ народъ изгналъ Ярослава, но такъ какъ суздальская партія, состоявшая изъ новгородскихъ богачей, жалѣла о немъ, то черезъ нѣсколько времени онъ снова возвратился въ Новгородъ, но на этотъ разъ сталъ ладить съ новгородцами и заботиться объ ихъ пользѣ. Всеволодъ однако замѣтилъ это — и вдругъ далъ новгородцамъ другаго князя, назначилъ въ новгородъ во владыки своего архіепископа, далъ посадничество своему милостивцу Дмитру Мирошкиничу, даже убилъ одного новгородскаго боярина, не объявивъ народу его вины. „А заутра (т. е. на другой день по убіеніи этого боярина)—говоритъ лѣтопись—плака св. Богородица у св. Іакова на Неревскомъ концѣ.“ Сле-

зы эти готовили сильное возстаніе. И вскорѣ Всеволодовы милостивцы посадникъ Дмитръ и другіе были разграблены и изгнаны; и для защиты отъ Всеволода въ Новгородъ былъ призванъ князь изъ южной Руси Мстиславъ Удалой. Но вскорѣ померъ и самъ Всеволодъ.

Мстиславъ Удалой до того полюбился новгородцамъ, что ради него они принимали даже участіе въ княжескихъ усобицахъ. Однако Мстиславъ вскорѣ оставилъ Новгородъ, найдя для себя болѣе выгодное княженіе въ Галичѣ. Тогда суздальская партія въ Новгородѣ избрала сына Всеволода Ярослава; новгородцы думали, что, послѣ смерти отца, онъ не будетъ для нихъ опасенъ. Тѣмъ не менѣе Ярославъ сталъ распоряжаться самовластно, дѣлая насилія; тогда народъ снова поднялся.... и Ярославъ бѣжалъ въ Торжекъ. Въ это время, по случаю неурожая, въ Новгородѣ начался голодъ; Ярославъ сталъ перехватывать всѣ обозы съ хлѣбомъ, шедшіе къ новгородцамъ, такъ что, по словамъ лѣтописи, не пустилъ ни воза; люди начали ѣсть сосновую кору, липовый листъ и мохъ, отцы стали продавать дѣтей. За голодомъ насталъ моръ; трупы валялись по торгамъ, улицамъ, полямъ; собаки грызли и таскали ихъ, неуспѣвая съѣдать. Новгородцы посылали къ Ярославу, чтобы шелъ въ Новгородъ и пустилъ туда обозы съ хлѣбомъ. Восемь мѣсяцевъ люди умирали съ голоду, а Ярославъ все молчалъ. Тогда Новгородцы снова снеслись съ Мстиславомъ Удалымъ и съ помощью его нанесли сильное пораженіе Ярославу; но это мало помогло Новгороду, потому что Мстиславъ опять отправился въ Галичъ и суздальская партія въ Новгородѣ снова стала подымать голову.

Суздальскіе князья продолжали дѣйствовать по прежнему; такъ племянникъ Ярослава Всеволодъ пріѣзжалъ въ Новгородъ (1224 г.) не за тѣмъ, чтобы княжить по новгородской волѣ, а чтобъ условиться съ суздальской партіей; и затѣмъ тайно ночью ушелъ въ Торжекъ и оттуда морилъ новгородцевъ голодомъ, какъ дѣлалъ это десять лѣтъ тому назадъ его дядя. Хотя народная партія по временамъ еще подымалась, такъ она пригласила въ Новгородъ Михаила черниговскаго, который принесъ съ собой миръ и тишину и, между прочимъ, возобновилъ старый законъ, чтобы крестьяне, перешедшіе на новую землю, пять лѣтъ были свободны отъ платежа даней.... Но подобные временные успѣхи народной партіи только на время отсрочивали паденіе Новгорода, такъ что къ началу татарскаго ига Новгородъ впалъ въ совершенную зависимость отъ Ярослава Переяславскаго и сына его Александра Невскаго.... Однако когда между меньшими (т. е. бѣдняками) пронесся слухъ, что богачи составили заговоръ побить меньшихъ и ввести князя Александра на своей волѣ, т. е. въ отягощеніе бѣднымъ; то народъ взволновался и Александръ вступилъ въ Новгородъ опять по всей волѣ новгородской по старинным обычаямъ. И впослѣдствіи народъ по временамъ выказывалъ еще свою энергію; напримѣръ въ 1270 г., когда князь Ярославъ въ надеждѣ на партію богатыхъ, сталъ дѣлать нѣкоторыя нововведенія, не спрашиваясь вѣча, отнялъ у нѣкоторыхъ гражданъ дворы, съ другихъ незаконно собиралъ деньги, отнялъ нѣкоторыя вотчины у церкви св. Софіи и даже сталъ вступаться въ нѣмецкую торговлю и выводить иноземцевъ. Тогда у нѣкоторыхъ новгородцевъ какъ будто даже явилось сознаніе, что

они могутъ обойтись и безъ князя. Одинъ изъ пословъ сказалъ Ярославу: „у насъ князя нѣтуть; но Богъ и правда и св. Софья, а тебя не хочемъ.“ Но потомъ снова подымалась княжеская партія; князь Дмитрій Александрычъ Переяславскій, по зову ея, съ татарами и низовой ратью опустошилъ новгородскія владѣнья и новгородцы должны были, противъ своей воли, признать его княземъ; но и онъ послѣ нѣкотораго времени былъ выгнанъ; а новый князь Андрей Александрычъ княжилъ въ Новгородѣ десять лѣтъ, и строго соблюдалъ изконные новгородскіе порядки и былъ любимъ всѣмъ народомъ.

По смерти Андрея, у новгородцевъ началась упорная борьба съ великими князьями тверскими и продолжалась слишкомъ семьдесятъ лѣтъ. Тверскіе князья, какъ и суздальскіе, тоже не уважали народныхъ новгородскихъ правъ, присылали намѣстниковъ на „всей своей волѣ“, даже приходили усмирять Новгородъ съ татарскою ратью. Такъ дѣлалъ, напр. Михаилъ тверской, княженіе котораго продолжалось четырнадцать лѣтъ и было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ и несчастныхъ для Новгорода; этотъ князь имѣлъ въ Новгородѣ довольно сильную партію, но не только не помогалъ новгородцамъ, а напротивъ постоянно притѣснялъ ихъ. Точно также поступали потомъ и московскіе князья *). Такъ московскій князь Иванъ Калита, пришедши съ

*) Борьба съ Тверью принимала иногда самый жестокій характеръ. Такъ въ 1372 г. тверской князь, захвативъ Новоторжекъ, такъ потѣшился надъ жителями, что—по словамъ лѣтописи—отъ поганыхъ такого зла не бывало; тверичи обдирали до ногъ всѣхъ, даже женщинъ. Городъ сожгли, а все что осталося отъ огня (людей, богатства, колокола) князь отвезъ съ Тверь.

татарами и москвичами мстить тверичамъ, не удовольствовался одной Тверью и Кашиномъ; а допустилъ татаръ опустошить и Новгородскій край.

Вообще московскіе князья въ свою очередь стали дѣйствовать также, какъ и суздальскіе. Уже Іоаннъ Калита потребовалъ у новгородцевъ закамскаго серебра (т. е. закамскихъ сборовъ), чего никогда не было прежде и, пока надѣялся подчинить Новгородъ, не давалъ мира; а когда узналъ, что новгородцы приготовились къ сильному отпору, то вдругъ сдѣлался уступчивымъ и ласковымъ къ новгородцамъ. Но, черезъ годъ, не объявляя войны, вдругъ послалъ свою рать въ Двинскую область въ Заволочье. чтобъ захватить этотъ край. Однако московскіе войска были разбиты и прогнаны съ позоромъ...

Сынъ Калиты, Симеонъ Гордый прямо послалъ въ Торжекъ своихъ намѣстниковъ и данщиковъ, которые сами уже собирали дань и дѣлали насиліе жителямъ. Какъ ни были оскорблены новгородцы, но, ослабленные раздѣленіемъ на черныхъ и лучшихъ, они должны были согласиться, чтобъ Симеонъ собралъ 1,000 рублей съ новоторжской земли и приняли княжихъ намѣстниковъ. Съ этихъ поръ новгородцы постоянно откупались отъ московскихъ князей деньгами; такъ война съ Дмитріемъ Иванычемъ Донскимъ кончилась уплатой 8,000 рублей. Съ этого времени Новгородъ безъ крайней нужды постоянно откупается отъ нападеній сосѣдей. потому что вѣче руководилось уже только сильными людьми, которымъ тягостны были военные расходы, а еще болѣе было убытковъ по торговлѣ; кромѣ того, ихъ заѣдали все болѣе и болѣе личные интересы, и, имѣя вліяніе на дѣла по своему богатству, они не имѣли

охоты вести какой бы то ни было упорной борьбы, а черные люди обѣднѣли уже такъ, что не имѣли для этого средствъ. И чѣмъ слабѣе поступало новгородское правительство, чѣмъ оно было покорнѣе и уступчивѣе, тѣмъ московскіе князья становились смѣлѣе, тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ относились они къ Новгороду и не думали исполнять договоровъ. Такъ Василій I опять безъ объявленія войны напалъ на Новгородское Заволочье; потомъ велѣлъ московскому митрополиту вызвать въ Москву новгородскаго владыку и засадилъ его въ монастырѣ у Николы стараго. Новгородцы старались противопоставить московскимъ князьямъ литовскихъ, но это была плохая защита и въ случаѣ удачи могла бы повести только къ тому же, т. е. паденію Новгорода, хотя и въ другія руки. Уже и прежде подъ разными предлогами литовскіе князья придирались къ Новгороду; такъ Ольгердъ придрался за то, что его обругали „псомъ“, а Витовтъ, что его назвали измѣнникомъ и бражникомъ. Главной причиной паденія Новгорода было, конечно, быстрое измѣненіе прежнихъ отношеній между богачами и бѣдняками; бояре, возвышавшіеся прежде съ помощью уличанъ и заботившіеся поэтому и объ ихъ выгодахъ, въ это время совершенно отдѣлились отъ черныхъ людей и составили одну сплошную массу богачей, угнѣтавшихъ бѣдный народъ... „Въ это время — говоритъ лѣтописецъ подъ 1446 году — не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, возстали ябедники, нарядили четы и обѣты и крестное цѣлованіе на неправду, начали грабить по селамъ и волостямъ и по городу, и мы обратились въ поруганіе сосѣдямъ, и въ нашихъ земляхъ были поборы частые, крики и рыданія и вопль отъ всѣхъ лю-

дей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго". Въ слѣдующемъ году простой народъ возсталъ противъ новыхъ денегъ, всѣ стали браковать ихъ и требовали переливки. Но богачи такъ устроили новую переливку, что она доставила только большіе прибытки денежникамъ, отозвалась новымъ разоренiемъ на бѣднякахъ и сильною дороговизною хлѣба. Въ тоже время крестьяне, жившіе на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ-бояръ, сдѣлались до такой степени зависимы, что постановлено даже совсѣмъ не принимать жалобы ихъ на бояръ.

Уже, когда Василій II Московскій открылъ походъ противъ Новгорода, новгородцы обязались не только заплатить 8,500 рублей, но и признали его новгородскимъ княземъ; на судъ его уже нельзя было жаловаться вѣчу, и вмѣстѣ съ тѣмъ Новгородъ отказался отъ права давать убѣжище побѣжденнымъ или изгнанникамъ московскаго князя. По смерти Василія, въ началѣ правленія молодаго Іоанна III, новгородская молодежь мечтала, что теперь удобное время воротить и даже умножить права и вольности Великаго Новгорода; въ Новгородѣ стали говорить, что московскій князь дѣлаетъ ему многія обиды и неправды, что союзъ съ Москвой грозитъ Новгороду гибелью и рабствомъ. Потомъ вдругъ пріѣхалъ въ Новгородъ посолъ изъ Пскова съ вѣстью, что великій князь подымаетъ Псковъ на Новгородъ... Новгородъ рѣшился передаться Казиміру литовскому, но Казиміръ, конечно, не помогъ; а псковичей новгородцы съумѣли оскорбить такъ, что тѣ отказались отъ союза съ Новгородомъ... На войнѣ съ великимъ княземъ новгородцы оказались уже не такъ

привычными къ бою (вслѣдствіе прежнихъ откуповъ); кромѣ того, въ рѣшительный часъ, владычный воевода не вышелъ на выручку. „Намъ владыка не велѣлъ подымать рукъ на великаго князя — сказалъ онъ — а на псковичей". Новгородцы были разбиты. Московскіе воеводы отрѣзывали плѣннымъ носы и губы и потомъ отпускали на волю.

На новый походъ черные люди уже не могли идти; они раззорились уже первымъ походомъ, кто потерялъ коня, кто доспѣхъ и т. п. Новая рать однако была собрана; но москвичи разбили ее съ помощью, посаженной въ засаду, татарской рати. Заключенъ былъ миръ, по которому новгородцы обязались признавать не одни тягостныя условія мира съ Васильемъ; кромѣ того, они обязались отдаваться за литовскаго князя и уступили Москвѣ всѣ земли по Двинѣ, обязались посвящать своего владыку непремѣнно въ Москвѣ у гроба Петра митрополита.

Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ на богачей не было ни суда, ни управы; бездомные голыши за чарку водки готовы были на что угодно; судныя дѣла тянулись по десяти лѣтъ и рѣшеніе одной степени суда измѣнялось рѣшеніемъ другой; даже выборные правители явно стали нападать и грабить цѣлыя улицы... Такими безпорядками и воспользовался великій князь московскій Іоаннъ III; имѣя въ Новгородѣ у себя партію, онъ потребовалъ отъ новгородцевъ, что въ немъ былъ только его судъ и чтобы онъ былъ государемъ. Новгородъ однако не согласился на это. Тогда, собравъ войско, Іоаннъ пошелъ новымъ походомъ на Новгородъ. Митрополитъ торжественно благословилъ его, а духовенство внушило воинамъ, что они идутъ за св. вѣр.

противъ отступниковъ. Вездѣ, гдѣ ни появлялись войска, крестьяне или разбѣгались по лѣсамъ, или спѣшили въ Новгородъ... Какъ и во время перваго похода, великокняжеское войско какъ будто хотѣло истребить населенье; отряды разосланные въ разные стороны истребляли самыхъ беззащитныхъ людей, а бѣжавшіе должны были умирать съ голоду, такъ какъ войско старалось истреблять всѣ хлѣбные запасы. Но отъ тѣсноты въ Новгородѣ сдѣлались заразительныя болѣзни. Новгородцы спросили Іоанна, чего онъ хочетъ. Тотъ отвѣчалъ: „вѣчу — колоколу въ Новгородѣ не быть, а была бы моя государева воля, какъ въ Москвѣ“. Осажденный Новгородъ раздѣлился на двѣ партіи; бояре и богачи, обезпеченные обѣщаніемъ великаго князя не вступаться въ ихъ имѣнья, стали на сторонѣ великаго князя; тоже сдѣлалъ и владыка; черные люди требовали войны; объ партіи возстали другъ на друга, толковали, толковали, и кончили тѣмъ, что цѣловали великому князю крестъ на всей его волѣ; до сихъ поръ говоритъ пословица: „новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали“. Новгородскимъ боярамъ тотчасъ же было объявлено: „кто что у брата своего новгородца о великихъ князьяхъ добро или зло услышитъ и увѣдаетъ подлинно, о томъ бы доносили своимъ государямъ великимъ князьямъ“. А февраля 1-го 1480 года великій князь велѣлъ схватить вождей литовской партіи, а потомъ всѣхъ взятыхъ отвести въ Москву, а имѣнья ихъ отписать на себя.

Московскіе порядки сначала только усилили литовскую партію въ Новгородѣ; даже новгородскій владыка присоединился къ ней. Но московская партія узнала о дѣйствіяхъ владыки и донесла. Великій князь вос-

пользовался этимъ, уничтожилъ послѣднюю выборную власть въ Новгородѣ, самаго владыку отправилъ въ Москву, забралъ себѣ его казну, множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ сосудовъ. Затѣмъ черезъ годъ изъ Москвы пришло приказанье взять другихъ литовскихъ приверженцевъ. Въ 1484 г., по новому доносу, было схвачено и отвезено въ Москву тридцать человѣкъ бояръ и житьихъ людей, а домы ихъ разграблены. Донос притомъ оказался несправедливымъ; подъ пыткой они оговаривали другъ друга; но услыхавъ приговоръ, что всѣхъ ихъ велѣно повѣсить, передъ смертью стали просить другъ у друга прощенья, что не стерпѣли пытокъ, оговорили другъ друга напрасно; великій князь отмѣнилъ казнь, но все-таки приказалъ разсажать ихъ по тюрьмамъ въ цѣпяхъ, семьи разослалъ, а имѣнья взялъ на себя. Въ 1487 году выведено изъ Новгорода пятьдесятъ семействъ лучшихъ богатѣйшихъ гостей и поселены во Владимірѣ. Между тѣмъ великокняжескій намѣстникъ Яковъ Захарьевъ своими притѣсненіями довелъ народъ до явнаго возстанія; новгородцы было собирались убить его (1488 г.), но дѣло кончилось тѣмъ, что, по великокняжескому приказу, болѣе семи тысячъ житьихъ людей были выселены изъ Новгорода въ московскія владѣнья. Но и послѣ этого изъ Новгорода стало поступать къ великому князю много жалобъ на напрасныя обиды его намѣстниковъ и волостелей; эти въ свою очередь оправдывались и говорили, что жалобники участвуютъ въ мятежѣ и заводятъ крамолы. Тогда великій князь приказалъ еще тысячу семействъ переселить въ Москву и т. д... Считаютъ, что всего выведено изъ Новгорода Іоанномъ III — 18,000 семей, стало быть около 72,000 чел.

Многіе успѣли бѣжать въ Литву и городъ совершенно лишился прежняго населенія. Іоаннъ забралъ также пятьдесятъ ганзейскихъ купцевъ и отобралъ ихъ товары; раззоренный Новгородъ потерялъ свою прежнюю силу и его знаменитая торговля съ Ганзою прекратилась. „Я-бъ и еще что нибудь иное написалъ — говоритъ новгородскій лѣтописецъ — да не могу отъ большой печали".

12.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ УСИЛЕНІЕ МОСКВЫ.

Іоаннъ III и Василій III. Цари: Іоаннъ IV Грозный и Оедоръ. (1462—1533)—(1533—1598).

Между тѣмъ Москва усиливалась все больше и больше. При Іоаннѣ III она уже совершенно освободилась отъ зависимости отъ Золотой Орды. Для этого великій князь московскій воспользовался враждой хановъ Крымской и Золотой Орды и заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, а Золотой Ордѣ навсегда отказалъ въ дани. Золотая Орда хотя и поднялась на Московскую Русь, но не рѣшилась вступить въ рѣшительную битву съ московскими полками (1480 г.), вернулась назадъ безъ успѣха, а вскорѣ крымскій ханъ, послѣ долгой рѣзни, совершенно ее разсѣялъ...

Хотя иго татарское теперь уже совершенно окончилось, однако татары нерѣдко еще тревожили Русь... Но Москва видимо одолѣвала и стала въ свою очередь вмѣшиваться въ татарскія дѣла. Такъ сынъ Іоанна III, Василій III привелъ Казань въ зависимость отъ Москвы; конечно, сначала эта зависимость была далеко не прочная; при удобномъ случаѣ казанскіе татары не

только не признавали ее, но даже нападали на русскія земли, особенно по Волгѣ (Кострому), грабили и убивали пріѣзжавшихъ въ Казань русскихъ купцевъ. По смерти одного хана, Василій назначилъ въ Казань бывшаго у него на службѣ татарскаго царевича Шигъ-Алея. Но казанцы снеслись съ крымскимъ ханомъ и взяли къ себѣ ханомъ его брата, а Шигъ-Алей долженъ былъ бѣжать въ Москву. Въ тоже время крымскій ханъ неожиданно ворвался въ Россію, подошелъ къ самой Москвѣ, забралъ множество плѣнниковъ и счастливо воротился домой. Однако постоянныя неурядицы у татаръ не дали имъ возможности дружно защищаться отъ Москвы; крымскій ханъ вскорѣ былъ убитъ нагайскими мурзами, а Василій изгналъ изъ Казани его братьевъ и посадилъ тамъ другаго татарскаго царевича, который обязался быть приязникомъ московскаго государя. Въ тоже время московскій князь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на ярмарку въ Казань, а велѣлъ устроить ее въ Макарьевѣ.

При Іоаннѣ же Грозномъ, когда уже вся сѣверовосточная Русь соединялась около Москвы, казанское царство окончательно подпало подъ власть русскихъ. При немъ, какъ и прежде, было въ Казани двѣ партіи: крымская и московская; одна тянула къ Крыму, другая къ Москвѣ; но ни та, ни другая не думала серьозно о самой Казани. Насилія крымцевъ поддерживали русскую сторону; тяжелая зависимость отъ Москвы въ свою очередь усиливала крымцевъ. До какой степени интересы крымцевъ, напр., отдѣлялись отъ казанскихъ — видно изъ того, что въ 1550 году, когда московскіе воеводы подходили къ Казани, крымцы увидали, что казанцы пожалуй выдадутъ ихъ, собрались, пограбили все, что было можно и побѣжали изъ Казани, по-

бросавъ женъ и дѣтей... Новый посаженникъ московскій Шигъ-Алей поступалъ съ казанцами не лучше. Но онъ долженъ былъ бѣжать, а на мѣсто его казанцы призвали нагайскаго хана Едигера. Тогда на Казань двинулся съ многочисленнымъ войскомъ самъ царь Иванъ Васильичъ Грозный. Защита Казани показываетъ, какая энергія была у казанцевъ. 30,000 татаръ въ деревянныхъ стѣнахъ полтора мѣсяца держались противъ правильной осады 150,000 войска. У нихъ отрѣзали воду, они питались грязнѣйшимъ рудникомъ, но не сдавались. У нихъ сбили до основанія городскую стѣну, взяли башню, и предложили миръ. Казанцы отвѣчали единогласно: „не бьемъ челомъ! на стѣнахъ Русь — ничего: мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся.“ Городъ былъ взятъ самымъ ужаснымъ и кровопролитнымъ приступомъ. Въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ велѣлъ побивать всѣхъ вооруженныхъ, и брать въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Паденіе Казани повело за собой покореніе Москвѣ и тѣхъ племенъ, которые зависѣли отъ казанскихъ татаръ (черемисовъ, чувашей, башкиръ и мордвы). Къ этимъ слабымъ племенамъ русскій народъ относился съ презрѣніемъ: „Мордва — полоротая.“ Нижегородцы въ одномъ походѣ противъ мордвы затравили нѣсколько человѣкъ собаками. Паденіе Казани повело за собой и завоеваніе Астраханскаго царства, основаннаго на развалинахъ Золотой Орды. Сперва астраханскіе ханы присылали къ Іоанну прежнія просьбы: „пришли мнѣ трехъ птицъ: кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да бумаги много, да 500,000 гвоздей“; и т. п. Однако постоянныя междоусобія до того

ослабили эту орду, что она была присоединена почти безъ всякаго труда. „Казань прошли и Орду погребли:“ говоритъ русская пословица. Въ грамотѣ къ польскому королю, не хотѣвшему признавать Ивана Грознаго царемъ, онъ ведетъ свое происхожденіе уже отъ римскаго императора Августа и говоритъ: „а теперь и казанскаго и астраханскаго государствъ титулы царскіе Богъ на насъ положилъ“...

Крымскій ханъ, конечно, старался, сколько могъ, мстить Россіи набѣгами на московскія украины; жегъ, грабилъ города и села и уводилъ жителей въ рабство. Іоаннъ съ своей стороны увеличилъ на югѣ число крѣпостей и усилилъ сторожевые разъѣзды. Въ соединеніи съ казаками, московскіе отряды сами стали предпринимать набѣги на татаръ... Наиболѣе удаченъ былъ походъ подъ начальствомъ Даніила Адашева (брата Алексѣя, любимца Іоаннова), который прошелъ въ самый Крымъ, разорилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ многихъ русскихъ плѣнниковъ (1559 г.). Нѣкоторые бояре совѣтовали Іоанну послать въ Крымъ большое войско и завоевать его также, какъ Казань и Астрахань. Іоаннъ не рѣшился на это, тѣмъ болѣе, что Крымъ былъ отдаленъ отъ Россіи обширными степями и находился подъ покровительствомъ турецкаго султана, который могъ подать ему помощь. Оправившись отъ Адашевскаго погрома, крымскій ханъ снова объявилъ притязанія на Казань и Астрахань; однажды даже, вслѣдствіе боярской измѣны, онъ напалъ въ расплохъ и сжегъ самую Москву, причемъ погибло множество народа; болѣе 100,000 человѣкъ было отведено въ неволю (1571 года). Набѣгъ былъ повторенъ и на слѣдующій годъ, но на этотъ разъ воеводы отбили хана.

Черезъ десять лѣтъ послѣ этаго русскимъ удалось завоевать новое татарское царство: Сибирское. Надо сказать, въ Пермскомъ краю самыми богатыми промышленниками были Строгановы. Они, съ позволенія Іоанна, заселили пустыя земли между рѣками Чусовой и Камой и завели тутъ соляныя варницы. Для защиты отъ сосѣднихъ инородцевъ имъ позволено было имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ ратныхъ людей. Русскіе дѣлали и въ свою очередь незначительные набѣги за Уралъ. Въ это время пришла къ Строгановымъ съ Волги шайка Ермака. Эта шайка состояла изъ казаковъ, нападавшихъ не только на татаръ, но и на русскихъ, грабила на Волгѣ царскіе суда и торговые караваны. Такихъ шаекъ было въ то время довольно много, и царь не разъ посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ; тѣ ловили и казнили разбойниковъ. Одна-то изъ такихъ шаекъ пошла вверхъ по Волгѣ и поступила на службу къ Строгановымъ. Строгановы подкрѣпили казаковъ своими людьми и послали Ермака на Сибирское царство. У Ермака всего было только 840 человѣкъ; на дорогѣ они встрѣтили множество трудностей, но, благодаря своему мужеству и огнестрѣльному оружію, котораго туземцы еще не знали, имъ удалось захватить Искеръ, столицу царства... Ханъ Кучумъ бѣжалъ въ степи, а родственникъ его, храбрый татарскій богатырь Магметкуль взятъ въ плѣнъ (1582 г.). Товарищъ Ермака атаманъ Кольцо съ нѣсколькими казаками пріѣхалъ въ Москву, ударилъ челомъ Іоанну всѣмъ сибирскимъ царствомъ и привезъ образцы драгоцѣнныхъ сибирскихъ соболей, черныхъ лисицъ и бобровъ. Царь принялъ его весьма милостиво; казакамъ послалъ подарки и жалованье, а для занятія сибирской земли отрядъ москов-

скаго „войска. Между тѣмъ Ермакъ погибъ въ Сибири отъ нечаяннаго нападенія Кучума; покоренныя племена возстали и казаки ушли назадъ въ Россію, но тутъ соединились съ царскими воеводами, воротились и снова взяли Искеръ. Это было уже при сынѣ Грознаго, Ѳедорѣ Ивановичѣ. Господство свое въ Сибири русскіе утвердили постройствомъ крѣпостей (Тобольскъ, Полымъ, Березовъ и др.) „Русь навалила—насъ всѣхъ задавила“ — говоритъ сибирская пословица.

Постоянно усиливаясь, московскіе князья точно также стали изъявлять притязанія на русскія литовскія владѣнья. Надо сказать, что одинъ литовскій великій князь Ягелло принялъ латинскую вѣру и, женившись на польской королевнѣ, сталъ польскимъ королемъ. Съ тѣхъ поръ литовское княжество все болѣе сближалось съ Польшею и наконецъ совсѣмъ съ нею соединилось: польскій король сталъ вмѣстѣ и королемъ литовскимъ. Но литовская Русь исповѣдовала греческую вѣру, не всегда ладила съ Польшей, которая признавала своимъ главою папу. Когда Москва усилилась, то многіе изъ князей литовскихъ, недовольные королемъ, передавались съ своими владѣніями московскому великому князю.

Поэтому, не смотря на родственныя связи московскихъ князей съ литовскими, у нихъ были постоянныя упорныя войны, въ которыхъ поперемѣнно одерживали верхъ то тѣ, то другія. Однако уже Іоаннъ III удержалъ за собою перешедшую къ нему Сѣверскую область, а Василій III захватилъ и удержалъ Смоленскъ.

Іоаннъ Грозный въ свою очередь велъ упорныя войны съ Литвою и Ливоніею; ратные московскіе полки входили въ непріятельскія земли, страшно опустошали ихъ, рѣдко брали города и возвращались назадъ, хвалясь

тѣмъ, что пришли по здорову и съ большою добычей. Іоаннъ IV называлъ своей вотчиной не только Лифляндію, но и Полоцкъ, Витебскъ и даже Кіевъ, припомнивъ времена св. Владиміра. Войска его были очень многочисленны, но все-таки войны съ Литвою и Польшею кончились неудачно для русскихъ: польскіе войска были лучше вооружены нежели русскіе и потому русскихъ часто разбивали въ открытомъ полѣ; въ крѣпостяхъ же они держались крѣпко.

Вмѣстѣ съ тѣмъ московскіе князья подчиняли себѣ мало-по-малу всѣ независимые удѣлы и области сѣверовосточной Руси. Послѣ покоренія Новгорода, тверской князь сдѣлался со всѣхъ сторонъ окруженъ московскими владѣніями, сталъ опасаться за свою самостоятельность и чтобы обезпечить себя, сталъ сноситься съ Литвою. Узнавъ объ этихъ сношеніяхъ, Іоаннъ объявилъ войну тверскому князю; обманутый надеждою на литовскую помощь, онъ не рѣшился воевать и бѣжалъ въ Литву, а Тверь безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ (1485 г.). Мелкіе же князья и бояре тверскіе поступили къ Іоанну на службу. Такая же судьба постигла и другіе города. Такъ при Васильѣ III рязанскій князь захотѣлъ сдѣлаться независимымъ отъ Москвы и вступилъ въ тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ. Узнавъ объ этомъ, Василій подкупилъ главныхъ его совѣтниковъ и пригласилъ его на свиданье къ себѣ въ столицу. Лишь только рязанскій князь пріѣхалъ въ Москву, его взяли подъ стражу, а въ рязанскіе города посланы московскіе намѣстники (1520 г.). Въ слѣдующемъ году рязанскому князю удалось убѣжать въ Литву, куда обыкновенно спасались удѣльные князья и недовольные московскіе бояре. Ря-

зань подверглась той же участи, какъ Новгородъ и Псковъ; многіе рязанскіе бояре были перевезены въ Москву, а ихъ имѣнья розданы московскимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Такая же судьба постигла и новгородъ-сѣверскаго князя; онъ былъ обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою, пріѣхалъ въ Москву для оправданья: его заключили подъ стражу, а Сѣверское княжество присоединили къ Москвѣ. Кромѣ того, московскіе предѣлы далеко распространились на сѣверъ и востокъ; еще при Іоаннѣ III окончательно была покорена Вятка, завоеваны земли Печерская, Пермская и Югорская *); московскіе отряды переходили даже за Уральскіе горы и на лыжахъ доходили до береговъ Оби. Для усмиренія инородцевъ у нихъ отбирали и оружіе и деньги.

При Васильѣ III присоединенъ къ Москвѣ и послѣдній древневѣчевой городъ Псковъ. Зависимость Пскова отъ Москвы началась уже давно. Еще въ 1401 году (при Василіи I) Псковъ принялъ къ себѣ въ качествѣ намѣстника великаго князя московскаго, и съ тѣхъ поръ вошло въ постоянный обычай, что псковскіе князья получали утвержденіе отъ московскаго князя. Этимъ впрочемъ еще не подрывалось вѣковое право избранія князей, тѣмъ болѣе что Москвѣ выгодно было ласкать псковъ, этимъ она отдѣляла его отъ Новгорода, и

---

*) Послѣ изъявленія Югрой покорности и присяги въ вѣрности туда были посланы новые московскіе воеводы съ ратными людьми. Мѣстные князьки встрѣтили ихъ съ покорностью, предлагали миръ и подданство. Но воеводамъ было мало этого; они забрали князьковъ въ плѣнъ и пошли съ огнемъ и мечемъ по Югорской землѣ; было разорено сорокъ городковъ и въ Москву отвезли до 50 князьковъ.

потому-то московскіе великіе князья постолнно утверждали выборъ псковичей. („Великій Князь льстилъ имъ, какъ выражается лѣтопись лукавствомъ злымъ„). Но уже, какъ только вступилъ на московскій престолъ Іоаннъ III, во Псковъ былъ назначенъ князь „не по псковскому прошенью и не по старинѣ“. Псковичи послали къ великому князюословъ бить челомъ о сохраненіи своего права. Іоаннъ отвѣчалъ, что дивится такому посольству, но въ тоже время расчелъ, что Псковъ ему еще нуженъ противъ Новгорода и что пока не слѣдуетъ раздражать псковичей, потому онъ снова призвалъ словъ и „свою отчину Псковъ пожаловалъ по старинѣ“. Но какъ только Иванъ Васильевичъ сладилъ съ Новгородомъ, тотчасъ и псковичи начали сильнѣе чувствовать на себѣ его тяжелую руку. Новые посаженники-князья считали уже себя независящими отъ Пскова, а просто уполномоченными московскаго великаго князя; они дозволяли себѣ оскорбительныя своевольства, возбуждавшія общую досаду псковичей. Послали псковичи къ великому князю словъ съ поминкомъ (деньгами), но тотъ не пускалъ ихъ даже на глаза. Намѣстникъ, конечно, сталъ еще преувеличивать свою власть и удвоилъ судныя пошлины. Иванъ Васильевичъ прислалъ своихъ словъ разсудить псковичей съ намѣстникомъ; и, конечно, псковичи должны были заплатить пеню (130 рублей) да сверхъ того обѣщались великому князю исполнять все, что приказано намѣстникомъ. Конечно, ссоры между намѣстникомъ и псковичами продолжались. Однажды (1477 г.) княжедворцы („шестники“) подрались со псковичами. Намѣстникъ былъ въ то время пьянъ, выскочилъ въ панцырѣ, съ лукомъ, началъ стрѣлять и заохочивать сво-

ихъ. „И пошли шестники на весь міръ, стрѣляли изъ луковъ, кололись ножами, а псковичи, застигнутые въ расплохъ, отбивались каменьями“. Но потомъ всѣ псковичи сбѣжались съ оружіемъ. Шестники испугались и скрылись въ княжескомъ дворѣ, однако хвалились, что зажгутъ городъ и начнутъ бить псковичей подъ тревогу. Цѣлую ночь послѣ того псковичи стояли на торгу во всемъ оружіи, однако намѣстника не рѣшились тронуть и послали жаловаться къ великому князю. Тотъ прислалъ своихъ бояръ. „Никогда — говоритъ лѣтописецъ — не было во Псковѣ такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было задобрить; въ двѣ недѣли Псковъ заплатилъ рублей 80, а они брали дары, и все-таки держали сторону намѣстника“.

Послѣ окончательнаго взятія Новгорода, при чемъ псковичи оказали великому князю значительныя услуги, они дерзнули снова пожаловаться ему, что послы московскіе, ѣдучи по дорогѣ, обижаютъ людей, у проѣзжихъ отнимаютъ лошадей и имущества, грабятъ по станамъ и на подворьѣ въ городѣ, требуютъ грубо отъ Пскова поминковъ не по силѣ. Но Іоаннъ взглянулъ на эту просьбу грозно... Сынъ Ивана, Василій III, вступивъ на престолъ, прислалъ новыхъ намѣстниковъ. Эти намѣстники и ихъ довѣренные по пригородамъ дѣлали разныя насилія, грабили жителей, подстрекали ябедниковъ подавать на зажиточныхъ людей доносы, присвоили себѣ самовольно право суда, обвиняли невинныхъ, чтобы взять съ нихъ взятку, съ жителями обращались грубо.

Псковскій лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ окончательномъ взятіи Пскова. Въ 1510 году великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ великій Новгородъ.

Псковъ, услышавъ объ этомъ, послалъ къ нему пословъ своихъ, двухъ посадниковъ, и бояръ изъ всѣхъ концевъ. Послы привезли великому князю въ даръ полтораста рублей и били челомъ: „псковичи пріобижены отъ твоего намѣстника, князя Репни, и отъ его людей“. Василій принялъ даръ и отпустилъ пословъ. Въ ту же зиму и Репня поѣхалъ въ Новгородъ жаловаться на псковичей. Псковичи тоже скоро получили изъ Новгорода вѣсть: „если посадники не поѣдутъ изъ Пскова говорить противъ Репни, то вся земля будетъ виновата“. Тогда уныло сердце псковичей, и на четвертый день отправились въ Новгородъ девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Московскіе бояре сказали псковичамъ: „государь велѣлъ вамъ всѣмъ собраться на свой дворъ, а кто не придетъ, то берегся бы казни: государь хочетъ всѣмъ вамъ дать управу“. Псковскіе посадники и бояре всѣ до одного пошли на дворъ владыки. Государевы бояре спросили ихъ: „всѣ ли вы тутъ“? — и потомъ ввели ихъ въ палату, а меньшіе люди остались на дворѣ. Какъ только тѣ вошли, бояре и сказали имъ: „поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ“. Тутъ всѣхъ ихъ перехватали и роздали новгородцамъ на сбереженье. Одинъ изъ псковскихъ купцевъ ѣхалъ въ это время въ Новгородъ съ товаромъ: узналъ онъ о плѣненіи посадниковъ, бросилъ свой товаръ и поскакалъ въ Псковъ съ вѣстью. Когда услышали псковичи, на нихъ напалъ страхъ и трепетъ: отъ слезъ и скорби пересохла гортань... сколько разъ приходили на нихъ нѣмцы; но такой печали не бывало какъ нынѣ. Поставили они вѣче, стали думу думать: защищаться ли противъ великаго князя, запираться ли въ городѣ?

Но вспомнили они о своемъ крестномъ цѣлованьи и о томъ, что всѣ лучшіе ихъ люди у великаго князя въ плѣну. Послали они къ Василью сотскаго, что бьютъ ему челомъ со слезами, всѣ отъ мала до велика: „пожалуй, государь нашъ, свою отчину; мы, сироты твои, и прежде отъ тебя не отступали и нынѣ тебѣ не противились: воленъ Богъ да ты со своею отчиною и съ нами, своими людишками“. Скоро пріѣхалъ отъ Василья съ отвѣтомъ дьякъ Третьякъ и сказалъ псковичамъ на вѣчѣ: „Хотите вы жить по старинѣ, то исполните двѣ воли великаго князя: чтобъ вѣча у васъ не было и чтобъ сняли вѣчевой колоколъ, да приняли двухъ его намѣстниковъ во Псковъ, а также по пригородамъ. Тогда вы въ старинѣ проживете. А если вы этаго не сдѣлаете, то у великаго князя много готовой силы“.... Кончилъ рѣчь Третьякъ, сѣлъ на ступени и ждалъ. Псковичи поклонились ему и не могли сказать ни слова въ отвѣтъ: такъ глаза наполнились слезами; не плакали развѣ одни грудные младенцы, потому что были еще не разумны. Наконецъ псковичи сказали: „посолъ государевъ! Мы себѣ подумаемъ, завтра обо всемъ скажемъ“ — и снова горько заплакали. Какъ тогда глаза не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами? Какъ не оборвалось сердце? На другой день зазвонили вѣче, пришелъ Третьякъ, псковичи начали ему говорить, что на все согласны... „А что великій князь желаетъ побывать въ своей отчинѣ, Псковѣ, такъ мы рады ему всѣмъ сердцемъ, что не погубилъ насъ до конца“. 13 января спустили вѣчевой колоколъ и псковичи, смотря на него, плакали по своей старинѣ и по своей волѣ. Въ ту же ночь колоколъ повезли къ великому князю въ Новгородъ, а скоро прибыли его воеводы съ вой-

скомъ и привели весь Псковъ къ присягѣ. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ и Василій. За три версты отъ города встрѣтили его псковичи и пожелали ему здоровья. Онъ отправился въ Троицкій соборъ. Тутъ пѣли молебенъ; владыка благословилъ великаго князя и поздравилъ со взятіемъ Пскова: народъ, что былъ въ церкви, услышавъ это, вдругъ зарыдалъ. Въ воскресенье, Василій велѣлъ собраться къ себѣ всѣмъ псковскимъ боярамъ и купцамъ: „я хочу васъ жаловать своимъ жалованьемъ", говорилъ онъ. Псковичи всѣ отъ мала до велика собрались на княжескій дворъ. Бояре вошли въ гридню, а князь Петръ, стоя на крыльцѣ, сталъ по списку перекликать и бояръ и купцовъ: тѣхъ, что входили въ гридню, брали подъ стражу, а меньшимъ людямъ, стоявшимъ на дворѣ, князь Петръ сказалъ: „до васъ государю нѣтъ дѣла; онъ беретъ къ себѣ тѣхъ, до которыхъ ему дѣло"... Въ ту же ночь всѣхъ, взятыхъ въ гридиѣ, приставы стали скручивать къ Москвѣ съ женами и дѣтьми: они взяли съ собой своего имѣнья, что полегче, а прочее все бросили... Тогда отправлено до 300 семей псковскихъ. Такъ погибла слава Пскова и былъ онъ плѣненъ своими единовѣрцами. О славный великій городъ Псковъ! О чемъ сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ градъ Псковъ: „какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ съ львиными когтями и взялъ у меня всю красоту мою: и богатство и чадъ! Земля моя опустѣла, люди плѣнены, торжища раскопаны, отцевъ и братьевъ моихъ увели туда, гдѣ не были ни дѣды, ни прадѣды". Тогда многіе въ городѣ постригались въ монахи, а жены въ монахини, чтобъ ихъ не взяли изъ родины. Послѣ того великій князь роздалъ сво-

имъ боярамъ деревни посадниковъ и бояръ псковскихъ; онъ посадилъ во Псковѣ своихъ намѣстниковъ, и дьяковъ, и старостъ московскихъ, и наградилъ ихъ также деревнями. Но намѣстники немилостивы были до псковичъ, не видѣли бѣдные псковичи московской правды. Тогда начались налоги и всякое насилье; намѣстники продавали людей, приставы брали страшныя взятки; а кто не захочетъ дать „посула“, того они убьютъ; на торгу установлена пошлина, а прежде псковичи торговали безданно. Иноземцы, бывшіе во Псковѣ, не терпя насилія, разошлись по своимъ землямъ“... Намѣстниковъ великіе князья мѣняли часто, и, по словамъ лѣтописи хотя „дьяки и были мудры, но земля пуста“...

Такъ какъ вмѣсто увезенныхъ псковичей въ Псковѣ были поселены бояре московскіе, то борьба между богатыми и бѣдными продолжалась по прежнему. Въ 1546 г. Иванъ IV Грозный на короткое время заѣхалъ во Псковъ: печерскому псковскому монастырю далъ много деревень, но свою отчину Псковъ не управилъ ни въ чемъ, говоритъ лѣтописецъ, только все гонялъ на ямскихъ и христіанамъ много убытка причинилъ. Лѣтомъ 1547 г. 70 человѣкъ псковичей поѣхали въ Москву жаловаться на намѣстника; они нашли Іоанна въ селѣ Островкѣ; неизвѣстно, чѣмъ они разсердили его, только онъ началъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палилъ бороды, зажигалъ волосы свѣчею и велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю. Имъ пришлось бы плохо, но, къ счастію, вдругъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ упалъ большой колоколъ; царь поѣхалъ тотчасъ въ Москву и жалобщики остались живы....

Въ 1570 году тотъ же Іоаннъ Грозный заподозрѣлъ

Новгородъ въ измѣнѣ; до него дошелъ доносъ, что новгородцы жалѣютъ своихъ старыхъ вольностей и хотятъ передаться къ Литвѣ. Еще на пути въ Новгородъ Іоанновы люди грабили и убивали всѣхъ безъ разбора, жгли дома и пожитки. Пріѣхавъ въ Новгородъ, Іоаннъ велѣлъ прежде всего ограбить владыку, самаго владыку отдали подъ стражу; забрали софійскую ризницу и всѣ церковныя вещи, тоже было сдѣлано по всѣмъ церквамъ и монастырямъ новгородскимъ. Судъ свой Іоаннъ открылъ на Городищѣ; къ нему приводили новгородцевъ и пытали, жгли ихъ „поджаромъ“, какою-то „составною мудростью огненною“, какъ выражается лѣтописецъ; обвиненныхъ привязывали къ санямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку *); женъ и дѣтей ихъ бросали туда же съ высокаго мѣста, связавши имъ руки и ноги, младенцевъ привязывали къ матерямъ; чтобы никто не могъ спастись, дѣти боярскіе и стрѣльцы ѣздили на маленькихъ лодкахъ по Волхову, съ рогатинами, копьями, баграми, топорами, и кто всплыветъ на верхъ, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали въ глубину: такъ дѣлалось каждый день въ продолженіи пяти недѣль. Затѣмъ Іоаннъ

---

*) Въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе объ этомъ. «Какъ распалился Грозный и велѣлъ народъ рыть въ Волховъ; царь Иванъ сталъ на башню, стали народъ въ Волховъ рыть: возьмутъ двухъ, сложатъ спина съ спиной, руки свяжутъ да такъ въ воду и бросятъ; какъ въ воду—такъ и на дно. Нарыли народу на 12 верстъ; тамъ народъ остановился, нейдетъ дальше, нельзя Грозному народу больше рыть. Сѣлъ на коня и поскакалъ за 12 верстъ. Смотритъ, мертвый народъ стоитъ стѣной, дальше нейдетъ. Съ тѣхъ поръ Волховъ и не мерзнетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Грозный царь народъ рылъ: со дна Волхова тотъ народъ пышетъ....»

сталъ ѣздить около Новгорода по монастырямъ, и тамъ приказывалъ грабить кельи, служебные домы, жечь въ житницахъ и на скирдахъ хлѣбъ, бить скотъ; пріѣхавши изъ монастырей велѣлъ по всему Новгороду, по торговымъ рядамъ и улицамъ товары грабить, анбары, лавки разсѣкать и до основанія разсыпать; потомъ началъ ѣздить по посадамъ, велѣлъ грабить всѣ дома, всѣхъ жителей безъ исключенія, мужчинъ и женщинъ, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высѣкать; въ тоже время вооруженныя толпы отправлены были во всѣ четыре стороны, верстъ за 200 и за 250, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить. Весь этотъ разгромъ продолжался шесть недѣль. Наконецъ 13-го февраля утромъ государь велѣлъ собрать съ каждой улицы по лучшему человѣку. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изможденные, унылые, какъ мертвецы; но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ окомъ и сказалъ: „Вся эта кровь взыщется на измѣнникахъ; вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно...“ Страхъ, нагнанный этимъ погромомъ на новгородцевъ, былъ ужасенъ. 25 Мая 1571 года въ церкви св. Параскевы у обѣдни было много народу; когда послѣ службы стали звонить въ колокола, вдругъ на всѣхъ напалъ таинственный ужасъ, всѣ побѣжали въ разныя стороны, мужчины, женщины, дѣти толкали другъ друга, не зная, куда бѣгутъ, купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такіе же переполохи въ русскихъ городахъ бывали послѣ Батыева нашествія.

Изъ Новгорода Іоаннъ поѣхалъ въ Псковъ; тамъ погромъ былъ далеко меньше; грабили имѣніе гражданъ, взяли казну монастырскую и церковную, иконы,

кресты, пелены, сосуды, книги, колокола; но преданіе о пріѣздѣ Грознаго до сихъ поръ сохранилось и въ Псковѣ *) Грозный приказалъ псковичамъ и новгородцамъ дѣлать дорогу въ ливонскую землю. Тѣ не имѣли денегъ чтобъ нанять людей, пошли сами и перемерли злою смертью отъ голода и отъ мороза, отъ мостовъ и наряду.

По словамъ лѣтописца, всѣ сѣверовосточныя русскія земли были покорены „съ большимъ насиліемъ московскимъ;“ вслѣдствіе этого-то и сложились старинныя пословицы: „живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала.“ „Московская правда (т. е. ложь, обманъ)!“ „Москва слезамъ не вѣритъ.“ „Въ Москву идти — голову нести.“ Прежніе общительные нравы псковичей стали становиться испорченными. Не стало прежней искренности, добродушія, простоты. Стали они много-словить на торгу и надувать покупателя, а прежде бывало довольно одного слова псковича, чтобъ объяснить дѣло, да и торговали-то какъ они, такъ и новгородцы честно. „Новгородская честь, новгородская душа!“ говорятъ старинныя пословицы.

*) „Грозный пріѣхалъ прямо къ собору, Микола христоюродливый заѣхалъ на палочкѣ верхомъ. Только царь съ копя, а Микола: „царь Иванъ Васильевичъ! не побрезгай моими хоромами: зайди ко мнѣ хлѣба-соли кушать“ — а у него была подъ колоколенкой маленькая келейка. Царь пошелъ къ нему въ келью. Микола посадилъ царя, накрылъ столъ, да и положилъ кусокъ сыраго мяса. „Чѣмъ ты меня подчуешь! крикнулъ Грозный царь. Ты подаешь мясо да еще сырое! Теперь постъ. Развѣ я собака?“ — „Ты хуже собаки! Собака не станетъ ѣсть живаго человѣческаго мяса, а ты ѣшь! Хуже ты, царь Иванъ Васильичъ, хуже собаки! Хуже ты, Ивашка, хуже собаки!“—Царь затрепепулся, испугался и уѣхалъ изъ Пскова никакого зла не здѣлавши!“

Но, несмотря на соединеніе всѣхъ русскихъ земель около Москвы, областная жизнь не уничтожилась. Каждая русская земля, каждая область имѣла свои нравы, свои понятія, своихъ святыхъ. Въ одной рукописи XVI вѣка говорится: „Кіевъ блажитъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ чудотворцевъ; Московское царство блажитъ Петра, Алексѣя, и Іону и Максима; Псковъ же и Великій Новгородъ блажитъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ князя Ѳеодора; Постовъ – Леонтія, Игнатія, Исайю, Вассіана а и Ефрема; Вологда преподобнаго Дмитрія. Каждая область своихъ блажитъ. Сѣверная страна по Двинѣ рѣкѣ, Вага рѣка (Шенкурскъ) — тѣ блажатъ Георгія юродиваго Христа ради, Соловецкій же островъ и все поморье блажатъ Севватія и Зосиму. И мы, юстюжане, Прокопія (юстюжскаго) имѣемъ у себя стражемъ храпителя отчизны нашей, Устюга. Пермь имѣла Стефана Пермскаго, Вятка Николая Великорѣцкаго, Казань Гурія, Варсонофія и Германа, и т. д. Нравы разныхъ областей тоже были различны; такъ жители Московской области отличались смиреніемъ и упованіемъ на Бога; рязанцы, у которыхъ долго сохранялось вѣчевое устройство, были, какъ говоритъ, лѣтопись XIV в., „суровы, свирѣпы, высокоумны, горды и отважны;" поморскія и новгородскія земли отличались любовью къ вольномыслію и самоуправленію, при первой возможности сельскія общины этихъ земель выпрашиваютъ у московскихъ царей право судиться самимъ своимъ судомъ. По этимъ областямъ нерѣдко ходили „безлѣпичныя рѣчи" про государей. Въ Пермской землѣ народъ жилъ „по ветхому и по татарскому обычаю." Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорили испорченнымъ русскимъ

языкомъ. Жители Вычегодской области (обрусѣлые зиряне), до сихъ поръ называются слѣпыми.

Народная пѣсня говоритъ:

Зачиналась бѣлокаменна Москва,
Зачинался въ ней и грозный царь.

По мѣрѣ усиленія Москвы, усиливалась и власть московскаго князя. Уже Іоаннъ III велѣлъ посадить въ темницу за непокорность своего брата (Андрея Большаго) и отобралъ у него удѣлъ. Передъ смертью своей хотя Іоаннъ и не уничтожилъ окончательно древній обычай наслѣдованія, отдѣлилъ младшимъ сыновьямъ особыя волости, но волости эти были слишкомъ слабы, да кромѣ того младшіе сыновья не имѣли права ни чеканить монеты, ни входить въ сношенія съ иноземными государствами; они называютъ уже великаго князя своимъ „государемъ“; такимъ образомъ единодержавіе все болѣе и болѣе утверждалось въ Москвѣ.

Надо сказать, что Іоаннъ III былъ женатъ на Софьѣ, племянницѣ послѣдняго греческаго императора, которая, послѣ взятія Константинополя турками, съ отцемъ и братьями нашла убѣжище въ Римѣ и уже оттуда, чрезъ посредство папы, вышла за Іоанна. Папа надѣялся съ ея помощью подружиться съ Москвою и подчинить себѣ русскую церковь; но обманулся сильно... Москва напротивъ, послѣ паденія Константинополя, считала себя главою всѣхъ православныхъ городовъ, главнымъ независимымъ представителемъ православія... Вообще ни крестовые походы шведовъ, ни политическія сношенія, ни езуиты въ Малороссіи не помогли папѣ обратить Россію въ латинство. „Вѣра латинянъ (т. е. католиковъ)—какъ говорилъ еще первый митро-

полить Іоаннъ Ѳеодосій — злая, и законъ не чистъ, потому что они не цалуютъ иконъ, въ постъ ѣдятъ мясо, служатъ на опрѣснокахъ.“ „Папа волкъ, а не пастырь“ — сказалъ Іоаннъ IV папскому послу Поссевину. „Ну коли папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить.“ И впослѣдствіи при Романовыхъ русское правительство смотрѣло на католиковъ подозрительно. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ посолъ, отправлявшійся за границу, получилъ наказъ: „нанимать солдатъ шведскаго государства и иныхъ государствъ, а французскихъ людей и иныхъ, которые римской вѣры, никакъ не нанимать.“

Говорятъ, что греческая царевна имѣла большое вліяніе на Іоанна III. Ей не нравилась простота жизни московскихъ князей и она побудила Іоанна окружить себя большимъ блескомъ и величіемъ. При предкахъ Іоанна, при Дмитріѣ Донскомъ и другихъ, бояре были думцами великаго князя; съ ними онъ совѣщался о всѣхъ дѣлахъ; бояре имѣли право отъѣзжать къ другимъ князьямъ, а великій князь обязывался не сердиться на нихъ, не захватывать ихъ селъ и домовъ, оставшихся во владѣніяхъ великаго князя. Старые бояре привыкли за-просто обходиться съ великимъ княземъ, но скоро замѣтили, что онъ сталъ меньше съ ними разговаривать, сдѣлался „грознымъ государемъ.“ Такую перемѣну бояре, конечно, приписали Софьѣ и возненавидѣли ее. При первомъ же удобномъ случаѣ они успѣли такъ настроить Іоанна, что онъ совсѣмъ было удалилъ отъ себя Софью, а сына ея отдалъ подъ стражу. Но вскорѣ обнаружились ихъ происки, Іоаннъ помирился съ Софьей, а бояръ Патрикѣевыхъ приказалъ постричь въ монахи, и одному изъ Ряполовскихъ

отрубить голову. Великій князь теперь былъ слишкомъ богатъ и силенъ, чтобъ заискивать расположенія бояръ. Сынъ же Іоанна, Василій, еще болѣе не допускалъ какого бы то ни было противорѣчія и только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярской думы: всѣ же дѣла рѣшалъ „заперпись самъ-третей у постели“, съ любимцами своими: дворецкимъ Поджогинымъ и однимъ дьякомъ. Когда боярин Бересень сталъ громко жаловаться на это, то ему отрубили голову; дьякъ Ѳедоръ Жареный осмѣлился тоже жаловаться, но за это его били кнутомъ и отрѣзали языкъ; третій боярин князь Холмскій, женатый на сестрѣ государя, былъ отправленъ въ заточеніе. Даже митрополитъ Варлаамъ, осуждавшій Василья, былъ лишенъ сана и заточенъ въ монастырь. Посолъ германскаго императора Герберштейнъ говоритъ о Васильѣ, что онъ властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ государей въ свѣтѣ. Бояре въ отпискахъ своихъ стали писать такъ: „государю великому князю такому-то всея Руси холопъ твой такой-то челомъ бьетъ.“ Упоминаются имена: Васюкъ, Ѳеодорецъ и проч. При Іоаннѣ Грозномъ власть эта увеличилась еще больше. Потомъ уже стали подписываться Алешка, Ѳедька, Васька и т. п. Уже при Василіѣ III бояре стали давать записи, что имъ „ни въ Литву, ни къ государевымъ братьямъ и никуда не отъѣхать до самой смерти.“ При Іоаннѣ же Грозномъ даже удѣльные князья называютъ себя холопами великаго князя, потому что уже Василій удѣльныхъ князей „слугъ своихъ поукрѣпилъ себѣ гораздо.“

Великіе же князья все увеличивали свои титулы. Уже Іоаннъ Калита первый началъ называться „великимъ княземъ всея Руси“, Іоаннъ III уже именовалъ

себя царемъ, а современники называли его Грознымъ, хотя это прозваніе осталось въ исторіи за однимъ Іоанномъ IV; при Іоаннѣ III былъ составленъ новый государственный гербъ: двуглавый коронованный орелъ съ распростертыми крыльями, а титулъ великаго князя писался такъ: „Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь владимірской и московскій, и новгородскій, и псковской, и тверской, и угорскій, и вятскій, и болгарскій.“ Іоаннъ IV уже торжественно короновался и принялъ титулъ царя: „мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковской и великій князь смоленской“ и т. д. Въ укоръ польскому королю Стефану Баторію Іоаннъ IV говоритъ: „мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію.“ Въ другой разъ Грозный говорилъ полякамъ, что онъ считаетъ себя выше римскаго императора и короля французскаго и ведетъ свой родъ отъ древняго римскаго императора Августа. „Кромѣ насъ да турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ... А мы отъ государства господари, начавъ отъ Августа кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно.“

Надо сказать, что по смерти Василія III сынъ его Іоаннъ IV Грозный остался малолѣтнимъ, и московскимъ государствомъ сперва управляла его мать съ любимцами боярами, а потомъ одни бояре; всякій изъ нихъ заботился о своихъ дѣлахъ, а не о государскихъ и не о земскихъ; были между ними вражды за коры-

сти и за родственниковъ. Такъ напр. бояре Шуйскіе расхищали казну, а всѣ главныя должности раздавали своимъ родственникамъ, позволяли имъ притѣснять и грабить народъ. Они „на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти отъ нихъ были сосѣдямъ, исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами; думали, что править и строять, а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія; плату безмѣрную отовсюду брали, все говорили и дѣлали изъза денегъ“ *). „Намѣстники, говоритъ лѣтописецъ, были свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе, до христіанъ.“ Съ самимъ малолѣтнимъ великимъ княземъ бояре обходились грубо. Подростал среди насилій и жестокостей, самъ Іоаннъ съ дѣтства сталъ обнаруживать большую жестокость; онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ или разъѣзжая иногда съ толпою сверстниковъ по московскимъ улицамъ со смѣхомъ давилъ конями прохожихъ, и т. п. Бояре, конечно, поощряли его къ подобнымъ забавамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ своей выгоды, они не уважали и его просьбъ. Такъ, когда Шуйскіе увидали, что Іоаннъ полюбилъ Ѳедора Воронцова, то боясь, чтобы Воронцовъ не сдѣлался правителемъ государства, вмѣстѣ съ Пронскими, Кубенскими, Палецкимъ и другими, на самомъ совѣтѣ въ столовой избѣ у великаго князя схватили его, стали бить по щекамъ, ободрали на немъ платье и чуть не убили. Іоаннъ послалъ митрополита просить, чтобы его пощадили (впослѣдствіи

*) Письмо Іоанна къ Курбскому.

впрочемъ оказалось, что и Воронцовъ былъ человѣкъ двуличный, и льстилъ Іоанну для того только, чтобъ стать во главѣ думы, такъ что впослѣдствіи великій князь велѣлъ его казнить за крайнее властолюбіе). Іоаннъ просилъ, чтобы его отправить на службу въ Коломну, если нельзя оставить въ Москвѣ. Но Шуйскіе не согласились и приговорили услать Воронцова подальше въ Кострому. Все это сдѣлано съ большими спорами и шумомъ: когда митрополитъ просилъ за Воронцова, то одинъ изъ бояръ наступилъ ему на мантію и оборвалъ ее.

Черезъ три мѣсяца Іоаннъ вдругъ выказалъ свой характеръ; ему было тогда только тринадцать лѣтъ. Онъ вдругъ приказалъ схватить правителя князя Андрея Шуйскаго и отдать псарямъ: псари схватили боярина, поволокли его къ тюрьмамъ и на дорогѣ забили его до-смерти. „Съ этихъ поръ бояре начали имѣть къ государю страхъ и послушаніе“. Въ 1545 году Іоаннъ велѣлъ отрѣзать Бутурлину языкъ за невѣжливыя слова, тогда же подверглись опалѣ и нѣкоторые другіе бояре. Въ борьбѣ противъ бояръ Іоаннъ, конечно, опирался на людей незнатнаго рода. Борьба эта продолжалась всю его жизнь, и съ особенной силой велась подъ конецъ его царствованія. Были люди, которые совѣтами своими усиливали его страсть къ самовластію. Такъ, заѣхавъ въ одинъ монастырь, набожный Іоаннъ зашелъ къ любимцу его отца Вассіану Торопкову и спросилъ его: „какъ долженъ я царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи“? Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: „если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ;

если будешь такъ поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ". Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: „еслибъ и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ". Казни, вызванныя сначала обстоятельствами, вскорѣ обратились для Іоанна въ привычку и даже въ потѣху. Нѣкоторыхъ убивали даже въ церквахъ. Многіе бояре, опасаясь за свою судьбу, вспомнили старинное право перехода и перебѣгали въ Литву. Грозный, конечно, считалъ такой переходъ измѣною.

Съ дѣтства напуганный боярами, Іоаннъ подъ конецъ жизни окружилъ себя опричиною, т. е. особыми людьми, которые немедленно и безмолвно должны были исполнять его волю. Въ опричину и на свой государскій обиходъ, Іоаннъ отдѣлилъ нѣкоторые города (Можайскъ, Вязьму, Суздаль и др.) и волости; доходы съ нихъ онъ назначилъ на жалованье своимъ людямъ; а помѣщиковъ, которые жили въ этихъ волостяхъ, вывелъ и поселилъ въ другихъ мѣстахъ; въ самой Москвѣ онъ отдѣлилъ нѣкоторыя улицы и слободы, гдѣ велѣлъ жить своимъ князьямъ и приказнымъ, а прежнихъ жителей перемѣстилъ въ другія; главнымъ мѣстомъ своего жительства онъ выбралъ Александровскую слободу, которую стража охраняла какъ крѣпость. Съ этаго времени (1564 г.) начались самыя жестокія казни. Черезъ нѣсколько времени Іоаннъ увеличилъ свою опричину до 6,000. Опричники, подобно палачамъ, давали клятву, „отрекаясь отъ отца и матери", служить одному государю. Желая угодить Іоанну, эти люди, отрекшіеся отъ человѣческихъ чувствъ, дѣлали на всѣхъ

ложные доносы, безнаказанно грабили; — и никто не рѣшался быть свидѣтелемъ противъ опричника или обвинить его. Если опричникъ нуждался въ деньгахъ, то подбрасывалъ въ лавку купца какую нибудь вещь: купца обвиняли въ кражѣ и брали съ него огромную пеню. Еще легче были доносы на бояръ: укрываетъ бѣглыхъ, или занимается чародѣйствомъ, входитъ въ тайныя сношенія съ непріятелями, дурно отзывается о государѣ и его опричинѣ. Опричники должны были грызть измѣнниковъ и обметать русскую землю, въ знакъ этаго, каждый изъ нихъ, ѣздя на конѣ, привязывалъ къ сѣдлу собачью голову и метлу. Дѣйствія ихъ вполнѣ соотвѣтствовали этимъ символамъ. Такъ: напр., они донесли на старика Челяднина, будто онъ съ Щенятевымъ, Тургунтаемъ-Пронскимъ и другими замышляетъ даже свергнуть Іоанна съ престола. Грозный въ насмѣшку велѣлъ надѣть на Челяднина царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, снялъ съ себя шапку, низко ему поклонился и сказалъ: „здравствуй, великій царь земли русской“!—и тутъ же ударилъ его ножемъ въ сердце. Опричники схватили тѣло и бросили на съѣденье собакамъ; они убили и жену Челяднина, Марью, а потомъ отправились раззорять его дома и села, мучили и убивали всѣхъ его людей, не щадя ни женщинъ, ни малыхъ ребятъ, сожгли до тла все и даже истребили весь скотъ. Щенятевъ думалъ спастись отъ казни и скрылся въ монастырь; но его взяли и оттуда: жгли на желѣзной, раскаленной сковородѣ и вбивали ему иглы за ногти. Среди этихъ мукъ онъ померъ. Пронскаго утопили. Иноземцы, бывшіе въ то время въ Россіи, говорятъ, что опричники съ ножами и сѣкирами рыскали въ Москвѣ по ули-

цамъ, убивали при всемъ народѣ опальныхъ людей, и никто не смѣлъ хоронить убитыхъ.

У бояръ и народа оставалась одна надежда, что митрополитъ будетъ ходатайствовать за опальныхъ, это было обычное право митрополита. Этимъ правомъ хотѣлъ воспользоваться новый митрополитъ св. Филиппъ, поставленный Іоанномъ въ митрополиты почти силой. Надобно сказать, что въ Александровской слободѣ Іоаннъ выбралъ 300 самыхъ любимыхъ опричниковъ, сдѣлалъ ихъ монахами (они носили черныя рясы и тафьи), а самъ себя обратилъ въ игумена. Самъ Іоаннъ строго соблюдалъ всѣ обряды благочестія, молился горячо, клалъ земные поклоны съ такимъ усердіемъ, что на лбу его оставались кровавые знаки, но вслѣдъ за этимъ слѣдовали самыя жестокія казни. Новый митрополитъ, конечно, былъ недоволенъ и тѣмъ, что опричники носили монашеское платье; и постоянно сталъ увѣщевать Іоанна. Тотъ сталъ избѣгать встрѣчи. Тогда Филиппъ началъ уличать его въ церкви. „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи — говорилъ Іоаннъ, едва удерживая гнѣвъ — молчи и благослови насъ“! — Въ нашемъ молчаніи грѣхъ и смерть для души твоей — отвѣчалъ Филиппъ. „Какое тебѣ дѣло до нашихъ совѣтовъ царскихъ“?— Я пастырь стада Христова! — возражалъ митрополитъ. — „Филиппъ! не иди противъ нашей державы, берегись моего гнѣва, или лучше оставь митрополію“. — Филиппъ отвѣчалъ на это: „Я не просилъ, не подкупалъ никого, чтобъ стать митрополитомъ: зачѣмъ вызвалъ ты меня изъ моей пустыни?... Мы здѣсь приносимъ жертву Богу, а за алтаремъ льется неповинная кровь“!... Опричники, конечно, старались раздуть ссору, и вотъ 8 ноября 1568 г. Филиппу объявили въ церкви

приговоръ, надѣли на него изорванное, монашеское платье, выгнали его метлами изъ церкви и, посадивъ на дровни, повезли изъ Кремля. Народъ шелъ за нимъ и плакалъ. Филиппъ сосланъ былъ въ Тверской—Отрочь монастырь, гдѣ его вскорѣ потомъ задушилъ Малюта Скуратовъ.

Послѣ низверженія митрополита, духовенство замолчало; и Іоаннъ нанесъ боярству самый страшный ударъ; казнилъ своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, съ его семействомъ. Въ это же время произошли и казни новгородцевъ, о которыхъ мы уже говорили. Затѣмъ казни продолжались въ Москвѣ. Сначала обвиненныхъ пытали, тѣ, конечно, клепали другъ на друга; наконецъ ихъ собрали на площади для казни. Думный дьякъ сталъ читать приговоръ боярину Висковатому и, объявляя ту или другую вину его, каждый разъ билъ его по головѣ плетью. Висковатый сталъ было клясться въ своей невинности, но его вздернули за ноги на висѣлицу, раздѣли до нога и изрубили по частямъ. Казначея Фуникова обливали кипяткомъ и холодною водою, и постепенно замучили. Въ продолженіи четырехъ часовъ продолжалась кровавая потѣха Іоанна; казнено было почти 200 человѣкъ. Самымъ неутомимымъ палачемъ былъ Малюта Скуратовъ; онъ совершенно спокойно рѣзалъ людей, выкраивалъ ремни изъ спины осужденныхъ, и даже послѣ казней рубилъ топоромъ мертвыя тѣла на пищу собакамъ. Іоаннъ самъ былъ очень изобрѣтателенъ на казни; людей жгли на сковородахъ, бичевали, рвали острыми ногтями, раскаленными клещами, вонзали иглы за ногти, перетирали веревками пополамъ, и мужчинъ и женщинъ, и проч. Съ тѣхъ поръ все свое царствованіе Іоаннъ оставался

мучителемъ народа. Кромѣ постоянныхъ казней, онъ любилъ и пошутить. Какъ-то разъ одинъ шутъ сказалъ неловкую шутку. Царь вылилъ ему на голову миску щей. Шутъ застоналъ, закричалъ и вздумалъ было бѣжать... Іоаннъ былъ не въ духѣ и ударилъ его ножемъ; но вдругъ опомнился и велѣлъ позвать своего доктора. „Помоги моему вѣрному слугѣ, я пошутилъ съ нимъ неосторожно“. — Да, такъ неосторожно, что онъ ужъ не встанетъ: развѣ Богъ и ты, государь, воскресишь его“! Іоаннъ махнулъ рукой, примолвивъ: „ну, туда ему, псу, и дорога“!

Другой разъ во время обѣда пришелъ къ царю воевода Титовъ и низко поклонился. „Здравствуй, дорогой боярин—отвѣчалъ Іоаннъ — ты заслужилъ наше жалованье“ — и отрѣзалъ ему ухо. Титовъ и не поморщился, началъ только сильнѣе кланяться и говорить: „спасибо, государь, что казнилъ своего раба милостиво; дай Богъ тебѣ царствовать многіе годы“. Подобныя шутки не означали гнѣва, а служили только минути й потѣхой. Іоаннъ не рѣдко пускалъ на гуляющій народъ медвѣдей и забавлялся, глядя, какъ толпа разбѣгалась въ ужасѣ. Тѣхъ, кого медвѣдь исколѣчитъ, онъ вознаграждалъ деньгами. Но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, то ничто не останавливало его. Подъ конецъ жизни онъ убилъ даже своего наслѣдника, любимаго сына Іоанна. Въ завѣщаньи своемъ онъ говоритъ своимъ дѣтямъ: „навыкните, какъ держать и жаловать людей, беречься отъ нихъ, и во всемъ ихъ покорять. Всему учитесь, чтобы люди вамъ не указывали, а вы сами указывали людямъ“. Но, не смотря на всѣ жестокости, Іоаннъ не былъ увѣренъ въ своей безопасности и просилъ у королевы англійской Елизаветы убѣжи-

ща ему и его семейству, въ случаѣ бѣгства изъ Россіи. Въ завѣщаніи своемъ онъ проситъ сыновей молиться за его душу, если бы даже они были на чужой землѣ, въ изгнаніи.

„Близъ царя, близъ смерти“ —говоритъ старинная посл. Казни, конечно,ослабили, но не могли уничтожить боярства; для этого надобно было новое законодательство, которое бы сравняло всѣ сословія и не давало извѣстнымъ лицамъ власти въ ущербъ другимъ; напротивъ Іоаннъ самъ подтвердилъ и ближе опредѣлилъ въ какихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо мѣстничество, т. е. старинный боярскій обычай при занятіи мѣстъ считаться знатностью рода, вслѣдствіе чего опредѣлялись воеводами не самые способные, а самые знатные; кромѣ того этотъ обычай подавалъ поводъ къ постояннымъ ссорамъ. Уже сынъ Грознаго, царь Ѳедоръ, по слабости здоровья и характера, не способенъ былъ къ занятію государственными дѣлами, а заботы правленья всѣ передалъ боярской думѣ. Всѣмъ сталъ заправлять боярин Борисъ Годуновъ, братъ супруги Ѳедора Ирины. Годуновъ былъ очень хитеръ, успѣлъ сослать своихъ главныхъ соперниковъ бояръ Шуйскихъ въ заточенье, обвинивъ ихъ въ измѣнѣ и за тѣмъ все время жизни Ѳедора управлялъ государствомъ. Польскій посолъ Сапѣга такъ описываетъ Ѳеодора: „великій князь малъ ростомъ; говоритъ онъ тихо и очень медленно; разсудка у него мало, или, какъ другіе говорятъ и я самъ замѣтилъ, вовсе нѣтъ. Когда онъ, во время моего представленья, сидѣлъ на престолѣ во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ, то, смотря на скипетръ и державу, все смѣялся.“

13.

ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДА.

„Не Москва государю указъ, а государь Москвѣ" — говоритъ старинная русская пословица. Тѣмъ не менѣе, великіе князья и цари московскіе, при постоянной упорной борьбѣ съ сосѣдями и съ боярами, должны были нуждаться въ усиленной помощи своего народа; поэтому мы видимъ, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ московскіе государи обращаются къ народу, просятъ его помощи и даютъ ему льготы. Такъ въ 1451 году, когда Москву сожгли татары, великій князь Василій II, возвратившись въ Москву, утѣшалъ народъ и говорилъ ему: „эта бѣда на васъ ради моихъ грѣховъ; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ мѣстамъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать." Судебники, т. е. своды законовъ, составленные при Іоаннахъ III и IV (въ 1497 и 1550 годахъ), тоже не нарушали древнихъ правъ сельскаго народа. Судебники впрочемъ имѣли въ виду большею частью не введеніе новыхъ законовъ, а преимущественно утвержденіе верховной властью старыхъ обычаевъ, уже сложившихся на Руси. Съ утвержденіемъ единовластія, государи московскіе стремились только къ тому, чтобы по всей Россіи все истекало изъ ихъ власти; а потому понятно, что для нихъ прежде всего нужно было подтвердить и назвать своимъ закономъ то, что уже прежде выработалось въ жизни. Потому царскій судебникъ признаетъ и утверждаетъ крестьянскую общину; какъ сельская такъ и городская община признавалась первою защитницею своихъ членовъ. Намѣстничьи и

волостелины люди ни по суду ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія общинныхъ выборныхъ начальниковъ, старостъ и цѣловальниковъ, или въ противномъ случаѣ подвергались пени. Крестьянскія общины по судебникамъ нисколько не отличены отъ общинъ городскихъ; въ тѣхъ и другихъ одни и тѣже права и обязанности, одинакіе выборные начальники. Въ города отъ правительства присылались намѣстники, и въ волости волостели; у намѣстниковъ въ судѣ участвовали выборные старосты и цѣловальники изъ городскихъ общинъ, и у волостелей присутствовали на судѣ выборные старосты и цѣловальники крестьянскихъ общинъ; городскія общины какъ и крестьянскія защищали своихъ членовъ и дѣлали между ними раскладки казенныхъ податей и повинностей.... Но, конечно, эти выборные, рядомъ съ намѣстниками самодержавнаго царя, не могли имѣть большаго значенія. А приказные люди, дьяки, которыми московскіе государи хотѣли замѣнить бояръ, не устроили на судѣ правды, и говорили тогда, что они великаго князя „половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ". И такъ какъ правительству крайне были нужны деньги, а приказные только раззоряли народъ, то Іоаннъ Грозный позволялъ многимъ крестьянскимъ общинамъ управляться самимъ, освобождалъ ихъ отъ намѣстниковъ и тіуновъ; и доходъ въ этомъ случаѣ доставлялся вѣрнѣе. Такъ устюжскіе волости были избавлены отъ намѣстниковъ „и велѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ поставить излюбленныхъ старостъ, которымъ между крестьянами чинить управу, сбирать намѣстничьи, волостелины и приветчиковы доходы и привозить къ намъ на срокъ. Крестьяне выберутъ всею землею, кого между собою излю-

бятъ,—людей, которые не причиняли бы обидъ, продажъ и убытковъ, судили бы ихъ въ правду, безпосульно и безволокитно (т. е. безъ взятокъ и безъ замедленія)". Точно такія же права были даны ваганамъ и они обязались за это ежегодно платить въ казну 1500 рублей (около 5000 нынѣшнихъ). Получая право суда, община могло судить своихъ судей и, по суду, даже могла казнить ихъ смертью. Но подобныя грамоты были даны далеко не всѣмъ общинамъ.

Давая подобныя права крестьянамъ для успѣшнаго сбора податей, московское правительство не давало ни одному сословію права участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Еще при Васильи III русскіе избѣгали всякаго сужденія о государскихъ дѣлахъ и привыкли смиренно говорить: „знаетъ то Богъ, да великій князь". Когда послѣ великаго московскаго пожара при Іоаннѣ Грозномъ москвичи пришли къ государю на Воробьевы горы, требуя выдачи ненавистныхъ народу родственниковъ царскихъ бояръ Глинскихъ, Іоаннъ, не смотря на всю свою молодость, приказалъ хватать и казнить народъ. Но потомъ „страхъ вошелъ ему въ душу и трепетъ въ кости", какъ онъ самъ выражался. Онъ оробѣлъ, начиная терять надежду на поддержку народа. Тогда однажды въ воскресный день царь, въ сопровожденіи духовенства, вышелъ на Красную площадь, и съ лобнаго мѣста сказалъ народу рѣчь, что всѣ безпорядки и бѣдствія происходили во время его дѣтства отъ самовластія бояръ и обѣщалъ правосудіе и защиту отъ притѣснителей. Онъ созывалъ нерѣдко и земскіе соборы, т. е. выборныхъ людей изъ разныхъ сословій для рѣшенія государственныхъ дѣлъ; но выборными были преимущественно богатые и знатные люди,

да притомъ никто не смѣлъ и не могъ говорить откровенно съ царемъ, казнившимъ за одно слово противорѣчія и въ тоже время спрашивавшимъ о народномъ мнѣніи. Такъ въ 1566 году былъ собранъ въ Москвѣ земскій соборъ для того, чтобы рѣшить: мириться или нѣтъ съ Литвою. Соборъ, конечно, имѣлъ характеръ совѣщательный; его совѣтъ могъ быть принятъ и отвергнутъ Іоанномъ. Желаніе же Іоанна воевать было извѣстно, и вотъ всѣ сословія дали вполнѣ единодушное мнѣніе, до такой степени сходное въ подробностяхъ, что нельзя не видѣть, что они считали себя не въ правѣ „смѣть свое сужденіе имѣть“. Разница въ заявленіи состояла только въ томъ, что духовенство восхваляло смиреніе государя, что бояре и дьяки сочли для себя замѣтить неприличнымъ. Дворяне, дѣти боярскіе и прочія сословія добавили: „за ливонскіе города стоять государю крѣпко, а мы, его холопы, готовы положить головы за государево дѣло“.... Самъ же Іоаннъ былъ недовѣрчивъ къ земщинѣ. У приговоренныхъ къ смерти онъ истреблялъ жену, дѣтей, даже всѣхъ слугъ, чтобъ не кому было о немъ жаловаться и волновать народъ. Приказные люди и опричина, нѣкоторые иностранцы, искавшіе своихъ выгодъ, поддерживали это недовѣріе къ народу. При Ѳеодорѣ, когда Годуновъ управлялъ именемъ царскимъ, тоже нерѣдко собирались соборы, на которыхъ кромѣ бояръ и думныхъ людей присутствовало и духовенство. Вельможи и епископы выбирались по волѣ царя и патріарха. На соборѣ же духовные лица отвѣчали, что государь и дума его премудры и опытны, гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, и потому просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постано-

вленье, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвами. Польскіе паны говорили московскимъ послamъ: „у васъ такой обычай; что̀ государь и бояре сдумаютъ, то и будетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ“. По свидѣтельству одного иностранца, „каждый новый законъ въ Россіи всегда опредѣляется прежде, нежели собирается по этому случаю какое-либо общее собраніе или совѣтъ:“ На земскій соборъ представителей народа не допускали. Кромѣ того, соборъ могъ говорить только о тѣхъ дѣлахъ, которые ему предложилъ думный дьякъ.

Несмотря на льготы, данныя Іоанномъ нѣкоторымъ общинамъ, положеніе русскихъ крестьянъ было самое незавидное. Собственно названіе крестьянъ въ первый разъ появляется въ XIV вѣкѣ. Такъ какъ въ старину народу было мало, а земли много, то всякій могъ свободно занимать пустую землю, обработывать ее, класть межу; эта земля уже считалась его собственностью и никто не могъ отнимать ее. Землями одинаково владѣли всѣ сословія: бояре, купцы, духовенство и крестьяне. Но бѣдный человѣкъ, чтобъ занять какую-нибудь землю, долженъ былъ имѣть коня, орудія для сельскихъ работъ, сѣмена для посѣва, скотъ и хлѣбъ, чтобъ прожить до новаго урожая. Поэтому бѣдняки охотнѣе селились уже на обработанныхъ земляхъ, принадлежавшихъ богатымъ владѣльцамъ. Нанимая чужую землю, они платили за нее своимъ трудомъ и могли разсчитывать, что, скопивъ деньги, современемъ сами займутъ какую нибудь землю и будутъ владѣть ею совершенно независимо. Въ назначенный срокъ они разсчитывались съ владѣльцемъ и уходили туда, гдѣ имъ казалось жить выгоднѣе. За землю они платили владѣльцу половину дохода; если же брали у него взаймы скотъ, орудія,

сѣмяна, то должны были возвращать и ихъ. Чаще случалось, что крестьянинъ добровольно оставался на чужой землѣ; это было выгоднѣе, потому что владѣльцы всѣми силами старались привлечь къ себѣ свободныхъ людей, давали имъ денежныя пособія и разныя льготы. При постоянной неурядицѣ, грабежахъ и разбояхъ, при насиліяхъ, которыя народъ терпѣлъ отъ сборщиковъ податей, бѣдному человѣку легче было жить даже подъ зависимостью, но и подъ защитою сильнаго господина. Крестьянинъ, поселяясь на чужой землѣ, вступалъ въ договоръ съ владѣльцемъ ея, какъ равный; а владѣлецъ долженъ былъ дорожить имъ, чтобъ земля не осталась пустой. Господинъ владѣлъ только землею; все же, нажитое крестьяниномъ, было неприкосновенно. Судилъ крестьянина не господинъ, а староста, начальникъ общины, къ которой онъ былъ приписанъ; общинѣ же жаловался на крестьянина и господинъ. Крестьянскія общины, владѣвшія своими землями, распоряжались ими точно также, какъ другіе владѣльцы; защищали свою собственность въ судахъ, мѣняли, продавали и покупали землю, старались тоже призвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, давали имъ пособія, взносили за нихъ деньги владѣльцамъ, у которыхъ они жили прежде. Крестьянскимъ или чернымъ землямъ было труднѣе взносить подати; съ нихъ брали въ казну втрое больше нежели съ боярскихъ. Случалось, что крестьяне отъ голоду и разныхъ насилій разбѣгались, а земля по прежнему считалась заселенною и съ нея брали подати какъ и прежде. Чтобы вѣрнѣе получать подати, правительство стало ограничивать переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, для этого назначенъ былъ одинъ срокъ въ году, Юрьевъ день осенній;

такимъ образомъ зависимость крестьянъ отъ владѣльца становилась значительнѣе.

Повинности и подати крестьянскія были громадны и увеличивались все болѣе и болѣе. Такъ напр. въ тверскихъ владѣніяхъ крестьяне платили дань, ямъ, тамгу, осминничее (съ хлѣба), медовое (отъ пчеловодства), кормы начальнымъ людямъ, сторожевое, писчее; кромѣ того на крестьянахъ лежали службы, подвода, ратное дѣло, княжее дѣло. Въ московскихъ владѣніяхъ дань, писчая бѣлка, подвода, ямъ, тамга, мыть, костки, осминничее, вѣсчее, ѣдовое, помѣрное, городъ дѣлати, княжей или намѣстничь дворъ ставить, коня княжаго кормить, княжіе луга косить и многое другое смотря по мѣстностямъ. При Іоаннѣ III брали съ сохи по половинѣ гривны, кромѣ того были пошлины: помѣрное, роговое, искупное, вѣнцы новоженные, скатертная пошлина, розвинское, ваганное, караульное, дѣтяное, дѣлярное. При Іоаннѣ же III право варить медъ и пиво, употреблять хмѣль сдѣлалось исключительной собственностью казны. При Іоаннѣ Грозномъ подати еще увеличились. По случаю постоянныхъ войнъ, число служилыхъ людей все болѣе увеличивались; имъ раздавали земли, чтобы было чѣмъ кормиться, а иногда и въ награду за службу (при взятіи Новгорода Іоаннъ III около трети всѣхъ земель роздалъ въ помѣстья служилымъ людямъ). Такимъ образомъ число помѣщиковъ размножалось; а беззащитные крестьяне, чтобъ не сгинуть съ голоду, искали хлѣба и защиты у сильныхъ людей и все болѣе и болѣе подпадали ихъ власти. При составленіи писцевыхъ книгъ, гдѣ записывали, сколько у кого обработанной земли, бояре умѣли показывать земли меньше дѣйствительнаго, такимъ образомъ

и платили меньше податей и переманивали къ себѣ крестьянъ. А между тѣмъ съ крестьянъ подати взыскивались строго, и если крестьянинъ не платилъ, то и хлѣбъ его на полѣ отбирался въ казну. Вслѣдствіе тяжести податей уже въ XVI вѣкѣ значительно размножается число бобылей, многіе даже продавали себя съ женою и дѣтьми въ вѣчные холопы; и бояре обыкновенно имѣли у себя огромную дворню изъ рабовъ. Сильные помѣщики иногда даже нападали на своихъ сосѣдей, хватали у нихъ крестьянъ, сажали на свой землѣ, держали въ оковахъ, если они думали бѣжать, и брали съ нихъ за пожилое вмѣсто рубля по пяти и по десяти рублей.

При сынѣ Грознаго Ѳеодорѣ крестьяне по прежнему терпѣли крайнее отягощеніе, села и деревни по прежнему все болѣе и болѣе пустѣли, и старались какъ можно болѣе показывать пустѣющихъ земель. По одной дорогѣ отъ Вологды къ Ярославлю, при Ѳедорѣ Іоановичѣ, было около 50 деревень совершенно пустыхъ всѣ жители разбѣжались.... Тогда, для поддержки финансовыхъ обстоятельствъ, московское правительство прибѣгло къ небывалой мѣрѣ — къ общему прикрѣпленію крестьянъ; переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому былъ запрещенъ; чтобы крестьянинъ не уходилъ, жилъ на землѣ и платилъ подать — сдѣлалось государственной повинностью и для него и для господина. Какъ господа, такъ и крестьяне приняли этотъ указъ за явное нарушеніе ихъ исконныхъ правъ; крестьяне, какъ нарушеніе права личности, а землевладѣлецъ, который вслѣдствіе указа не могъ отпускать неугодныхъ и принимать угодныхъ крестьянъ, какъ нарушеніе права собственности. Какъ тѣ, такъ и

другіе, сильно тяготились имъ, старались обойти его. Судамъ, тяжбамъ, обидамъ и притѣсненіямъ не было счету. Цѣлое столѣтіе правительство должно было силой поддерживать этотъ порядокъ, преслѣдовать бѣглыхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, принимавшихъ ихъ. Мало-по-малу вслѣдствіе этаго прикрѣпленія крестьяне стали входить все въ большую и большую зависимость отъ землевладѣльцевъ.... При Ѳеодорѣ же былъ изданъ ужасный указъ (1597 году), по которому вольные слуги служившіе у хозяина полгода, обращены въ полные холопы; это уже было полное рабство, человѣкъ дѣлался домашнимъ животнымъ и цѣнился какъ вещь. Тотъ же указъ говоритъ о кабальныхъ людяхъ (тѣхъ, которые по бѣдности заложили себя за деньги) и о вольныхъ людяхъ, которые служатъ у господина съ полгода и больше, что „челобитья ихъ на господъ не слушать“!... Въ тоже время было постановлено, что “если господа будутъ обвинять на судѣ своихъ крестьянъ, то подвергать пыткамъ (не по обыску), а по одному слову владѣльцевъ.“ Забитость народа доходила до того, что если бѣдный мужикъ встрѣтится съ кѣмъ-нибудь на дорогѣ (приказнымъ или ратнымъ человѣкомъ), то долженъ былъ отвертываться, какъ бы не смѣя смотрѣть ему въ лице, и пасть ницъ, ударяя головою о земь.

Крестьянинъ русскій былъ слишкомъ бѣденъ, не имѣлъ ни умственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ отстоять своего права и потому бѣжалъ и уходилъ въ степи, на края Россіи, въ казаки, чтобы жить тамъ чистымъ грабежемъ на счетъ татаръ, нагаевъ, литвы и даже своихъ русскихъ. Казацкія поселенія начали появляться еще во время татарскаго ига и казаки мало-по-малу составили военныя общины, рѣшали свои дѣла вѣчемъ

или кругомъ, сами выбирали себѣ атамановъ. Казаки селились по берегамъ рѣкъ (Днѣпръ, Донъ, Уралъ) и, по мѣрѣ того какъ орды слабѣли, казачество все болѣе раздвигалось и усиливалось. Малорусскіе казаки, которыхъ называли въ то время черкасами, находились въ зависимости отъ польскаго короля; донскіе и уральскіе отъ московскаго царя. Но все таки тѣ и другіе считали себя вольными людьми и нерѣдко дѣйствовали вопреки царскимъ указамъ тѣмъ болѣе, что понятія ихъ совершенно противорѣчили московскимъ. Когда московскій посолъ привезъ донскимъ казакамъ государево жалованье, сукна, и хотѣлъ раздавать ихъ по наказу лучшимъ хорошія, а рядовымъ похуже, то казаки сказали, что у нихъ большихъ нѣтъ никаго, всѣ равны и раздѣлятъ сами на все войско, почемъ достанется. Кромѣ того, казаки не выдавали никакихъ бѣглыхъ.

Казаки не рѣдко ссорили московское правительство съ турецкими султанами, потому что постоянно ходили на море „зипуновъ добывать“, т. е. пограбить. На всѣ просьбы турецкаго султана, чтобъ царь останавливалъ донскихъ казаковъ, ему отвѣчали, что на Дону живутъ воры и государя не слушаютъ. Для казаковъ же походы на море составляли необходимость. „Хотя мы и ходили на море — отвѣчаютъ они царю — то намъ прокормиться другимъ нечѣмъ, государеваго жалованья не присылывано давно, и теперь не прислано“. А мы, холопы твои, служимъ съ воды да съ травы, а не съ помѣстій и не съ вотчинъ“. Ненавидя московскіе порядки, воспитанные среди разбоевъ и войнъ, казаки постоянно грабили и своихъ русскихъ. “Солнце за лѣсъ-казацкая радость“. „Мѣсяцъ — казацкое солнышко“. „Ночь темнѣй, вору прибыльнѣй“. “Люди молотитъ,

а онъ замки колотитъ". Но какъ всѣ кочующіе народы, послѣ тысящелѣтнихъ грабежей, не нажили себѣ ничего, кромѣ бѣдности, такъ и казаки могли разбогатѣть только обезпеченнымъ трудомъ, грабежъ же былъ очень невѣрнымъ средствомъ, потому-то казаки особенно въ старину были очень не богаты („голытьба"). „У казака только и имѣнья, что пни да каменья" — говоритъ пословица.

14.

УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ.

Грубости общественнаго порядка соотвѣтствовало полнѣйшая грубость и невѣжество народа. Нелѣпое устройство общества, всеобщее напоминаніе обоюдныхъ выгодъ производили постоянные разбои, грабежи и убійства. Вѣковая кровавая борьба Москвы съ другими городами и съ сосѣдями повела еще къ большему огрубенію нравовъ. Пьянство, брань, драки считались удалью („не выругавшись дѣла не сдѣлаешь", „красна брань дракою: за виски да въ тиски" и проч.). При допросахъ употребляли пытки; били по пятамъ, вколачивали за ногти деревянные гвозди, чтобы узнать подноготную, обливали холодной водой, сгибали въ бараній рогъ. „Ребра ломаютъ, какъ татя пытаютъ;" „пытаютъ татя по три перемѣны". Самое слово „подлинная" (правда) произошло отъ длинниковъ, палокъ или прутьевъ, которыми старались вынудить признанье. Люди слабые, не вынося муки, оговаривали другихъ людей, взводили на себя и на нихъ небывалыя преступленія и только запутывали дѣло. „На дѣлѣ правъ, да на дыбѣ вино-

ватъ“ —говоритъ пословица. Воеводы и дьяки пользовались судомъ, для того чтобъ нажиться. „Воевода любитъ приносъ; помути Богъ народъ, накорми воеводъ; дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста“. „Неправдою судъ стоитъ“. „Передъ Богомъ съ правдою, а передъ судьей съ деньгами“.

При такомъ жалкомъ состояніи общественной справедливости, конечно, нельзя ожидать и честности отъ частныхъ лицъ. Такъ многіе занимались поддѣлкою и рѣзаньемъ денегъ; еще незадолго до смерти Василія III въ Москвѣ казнили за порчу денегъ многихъ москвичей, смолянъ, костромичей, вологжанъ, ярославцевъ и другихъ, лили имъ олово въ ротъ, сѣкли руки и пр.— Иванъ IV Грозной, отдавая мастеру англичанину слитки золота, чтобъ сдѣлать изъ нихъ посуду, велѣлъ ему хорошенько смотрѣть за дѣломъ и прибавилъ: „мои русскіе — всѣ воры“. Мастеръ улыбнулся, царь спросилъ его „чему онъ улыбается“.—Ваше величество забыли— отвѣчалъ англичанинъ—что вы сами русскій. „Я не русскій; предки мои—германцы“ —отвѣчалъ Грозный.

Знаніе того вѣка, конечно, по прежнему имѣло религіозный характеръ, и представителемъ его было духовенство. Его вліяніе помогло усилиться Москвѣ и единодержавію; вслѣдствіе этаго московскіе государи въ свою очередь щедро награждали его землями и богатыми вкладами. Но бывали и столкновенія духовной власти со свѣтской; въ этихъ случаяхъ свѣтская власть всегда одерживала верхъ. Во время дѣтства Іоанна Грознаго, бояре сослали даже митрополита. Грозный лишилъ духовенство право печаловаться и, вопреки церковнымъ уставамъ, вѣнчался семь разъ, а духовенство должно было, во время его походовъ, держать за него эпитимью. Духов-

ныхъ подвергали даже телѣснымъ наказаніямъ. Такъ въ 1488 году чудовскаго архимандрита били на торгу кнутомъ за то, что онъ съ товарищами составилъ подложную грамоту. Когда въ 1495 году псковичи требовали съ духовенства ратниковъ, а тѣ не соглашались, то посадники хотѣли двоихъ священниковъ обезчестить кнутомъ, и тѣ стояли на вѣчѣ въ одинхъ сорочкахъ. Въ 1570 году, во время новгородскихъ казней, Грозный началъ тѣмъ, что игуменовъ и монаховъ, стоявшихъ на правежѣ, приказалъ бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенья. Владыку новгородскаго Леонида Грозный велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Подчиняя духовенство свѣтской власти, Іоаннъ IV говорилъ папскому послу Поссевину: „говоришь про папу слова хвастливыя, что онъ сопрестольникъ Христу и Петру апостолу, говоришь это мудрствуя о себѣ, а не по заповѣдямъ господнимъ. Насъ пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ всѣмъ, апостольскимъ ученикомъ, должно смиреніе показывать, а не возноситься превыше царей гордостью“.... При Ѳеодорѣ московскій митрополитъ поставленъ былъ въ московскіе патріархи заѣхавшимъ константинопольскимъ патріархомъ Іоакимомъ, но это мало увеличило духовную власть, потому что въ патріархи могъ ставиться только человѣкъ, назначенный царемъ. При избраніи епископа писалось: „повелѣньемъ царя, по благословенію и рукоположенію митрополита и по совѣту освященнаго собора“. Кромѣ того, чтобы остановить увеличеніе церковныхъ имуществъ, еще при Грозномъ было постановлено, чтобы никто не защищалъ вотчинъ монастырямъ.

Въ самомъ духовенствѣ грамотность была въ плохомъ состояніи; вновь посвященныхъ поповъ спрашивали (въ 1551 году): отчего они плохо знаютъ грамотѣ? Они отвѣчали: „мы учимся у своихъ отцевъ и мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ“ (школъ не было).... Распространителями религіознаго знанія должны были быть монастыри, которые иногда усердно собирали и переписывали книги. Но общая безурядица того времени отразилась и на монастыряхъ. Примѣръ Сергія, питавшагося трудами своихъ рукъ, носившаго одежду простаго работника, у котораго самыя книги были писаны на берестѣ, вызывалъ очень мало подражателей. Въ монастыряхъ завелась роскошь, тунеядство и лѣность. На соборѣ духовныхъ, собранномъ Грознымъ въ 1551 году, найдены были слѣдующія злоупотребленія и безпорядки въ церкви:

По церквамъ звонили и пѣли не по уставу; иконы писались неприлично; священныя книги переписывали небрежно, съ плохихъ переводовъ, и не исправляли; въ церквахъ стояли въ тафьяхъ и въ шапкахъ, съ палками, разговаривали и бранились; попы и дьяконы служили безъ рясъ; христіане на великъ день вносили въ олтарь пасху, сыры, яица, рыбу печеную, а въ иные дни калачи, пироги, блины, короваи и всякія овощи. Попы и дьяконы пьютъ безчинно; въ церквахъ и монастыряхъ церковные причетники всегда пьяны; вдовые попы вводятъ въ соблазнъ своею жизнью. Старецъ поставитъ въ лѣсу келью, да пойдетъ съ иконою просить на построеніе церкви, а что соберетъ, то пропьетъ: чужеземцы дивятся, что монахи и монахини ходятъ просить съ образами; въ городахъ изъ казны дается годовой кормъ и платье на богадѣльныя избы, а въ

нихъ вкупаются здоровые мужики съ женами, тогда какъ убогіе и больные скитаются по міру; монастыри отдаютъ деньги въ ростъ, собираютъ богатства, а строенія въ нихъ никакого не прибыло; монахи, монахини и міряне живутъ въ монастыряхъ вмѣстѣ; все богатство монастырское держатъ власти со своими родственниками, боярами, гостями и пріятелями: игумены и архимандриты не соблюдаютъ братства, пируютъ въ своей кельѣ съ гостями, своихъ племянниковъ держатъ въ монастыряхъ и по селамъ; въ кельи женки и дѣвки приходятъ, живутъ въ нихъ молодые ребята, а бѣдная братія голодаетъ; у владыкъ всякіе распорядители: бояре, дьяки, тіуны, десятники судятъ неправо, волочатъ и продаютъ вмѣстѣ съ лебедниками, а десятники по селамъ продаютъ поповъ безъ милости, взводя на нихъ всякія срамныя дѣла.

Соборъ занялся церковнымъ строеніемъ и издалъ правила, въ ста статьяхъ, подъ именемъ Стоглава. Соборъ постановилъ между прочимъ выбирать женатыхъ и благочестивыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, и устроивать у нихъ въ домахъ школы; носить тафьи признано тяжкимъ грѣхомъ, потому что это обычай безбожнаго Магомета; запрещено вообще брить бороду и голову и одѣваться въ иноземное платье. Духовный судъ предоставленъ святителямъ; они судятъ соборно по церковнымъ правиламъ.

Но Стоглавъ, конечно, не уничтожилъ злоупотребленій. Господство грубой силы, царствовавшее во всемъ народѣ, не могло не проявляться и среди духовнаго сословія. Сильные и богатые люди, постригаясь въ монахи, распоряжались въ монастыряхъ совершенно самовольно. Кирилло-бѣлозерскій монастырь такъ жаловался

царю на одного старца Александра: „живетъ, государь, тотъ Александръ не по монастырскому чину: въ церковь не ходитъ, а строитъ пустыню и опустошаетъ монастырь; всякіе запасы изъ погребовъ, изъ казны, изъ селъ беретъ къ себѣ въ пустыню. Держитъ онъ своихъ слугъ и лошадей, ѣздитъ съ саблями и ружницами, торгуетъ на себя солью. Пріѣдетъ онъ въ монастырь, начнетъ бранить дурными словами игумена и братью: однихъ выгоняетъ и разсылаетъ въ дальнія земли; другихъ колетъ остномъ и бьетъ плетьми безъ совѣта игумена и старцевъ, на цѣпь и въ желѣза сажаетъ!“

Грамотность по прежнему развивалась туго; грамотѣи съ жадностью читали такъ называемыя отреченныя книги (въ которыхъ религіозные вымыслы смѣшивались съ языческими преданіями), разныя сказочныя повѣсти и гадательныя книги: алманахи, звѣздочетьи, аристотелевы врата и проч. Вѣрованіе въ волхвовъ и чародѣйство распространено было между всѣми; по погостамъ и селамъ ходили лживые пророки, мужики, женщины, дѣвицы и старыя бабы, нагія и босыя, отростивъ и распустя волосы и говорили народу разныя нелѣпости...

Но какое бы ни было невѣжество въ тогдашней Руси, а движеніе европейской мысли отражалось и на ней. Движеніе религіозной мысли, т. е. ереси мало-по-малу стали проникать и на Русь. Прежде всего они появились въ Псковѣ и Новгородѣ, гдѣ народъ отличался книжностью и привыкъ свободно обсуждать всѣ дѣла. Такъ тамъ появилась ересь стригольниковъ, которые учили, что духовные недостойны своего сана, потому что поставляются на мздѣ, стараются пріобрѣтать имѣнье и неприлично ведутъ себя, что не должно

принимать отъ нихъ таинствъ, что міряне могутъ учить народъ вѣрѣ, что не должно ни отпѣвать умершихъ, ни поминать ихъ, ни служить заупокойныхъ обѣденъ, ни приносовъ приносить, ни пировъ учреждать, ни милостыню раздавать по душѣ умершаго, что въ причащеніи для человѣка нѣтъ надобности, что всѣ церковные обряды и таинства не нужны, довольно только читать св. книги или слушать начетниковъ; что всѣ церковные уставы излишніе вымыслы, чтобы собирать съ людей деньги, и вовсе ненужны для спасенія души; ходили даже слухи, что они отвергали будущую жизнь. По увѣщанію новгородскаго владыки, народъ возсталъ на главнаго еретика Карпа и сбросилъ его съ моста. Но казнь Карпа не искоренила ереси; онъ оставилъ послѣ себя сочиненіе, въ которомъ объяснялъ и доказывалъ свое ученіе. Ученики и послѣдователи его дѣйствовали успѣшно и увлекали народъ своимъ словомъ и строгой жизнью. „Что это за учители? — говорили они о святителяхъ и монахахъ — пьютъ съ пьяницами, взымаютъ съ нихъ золото и серебро и порты отъ живыхъ и мертвыхъ!“ Народъ указывалъ на стригольниковъ: „вотъ эти не грабятъ имѣнья, не собираютъ.“ Въ XV вѣкѣ ересь стригольниковъ распространилась по всей псковской и новгородской области. По увѣщаніямъ константинопольскихъ патріарховъ и московскихъ митрополитовъ, послѣдователей ереси убивали или заключали въ тюрьмы; многіе изъ нихъ разбѣжались и разнесли свое ученіе по остальной Руси.

Умственное движеніе продолжалось; въ противоположность общему уваженію къ наружнымъ обрядамъ появлялись поученія другаго рода. „Что пользы отъ того, что ты не ѣшь мяса и не пьешь питій? Вѣдь и

скотъ не ѣстъ мяса и не пьетъ питій! Зачѣмъ хвалишься, что лежишь на голой землѣ безъ постели? Скотъ также безъ постели спитъ и никто ему не стелетъ! ты хуже скота, когда, при всемъ этомъ, злобу держишь и зло мыслишь.“ Въ концѣ XV вѣка религіозные споры сдѣлались въ Новгородѣ публичнымъ препровожденіемъ времени. Въ это время тамъ появилась новая ересь жидовствующихъ, которые отвергали иконы, храмы, почитаніе святыхъ, монашество, всѣ обряды и таинства. Замѣчательно, что духовенство, какъ болѣе грамотное и склонное къ религіознымъ умствованіямъ, скорѣе мірянъ подчинилось новому ученію. Изъ Новгорода эта ересь проникла въ Москву; въ нее перешелъ любимецъ государя дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и, невѣстка Іоанна III, Елена. Въ это время въ Новгородѣ новый архіепископъ Геннадій успѣлъ напасть на слѣды ереси: нѣсколько поповъ, принятыхъ въ общество жидовствующихъ, въ пьяномъ видѣ ругались надъ иконами. Іоаннъ III позволилъ тогда Геннадію розыскивать еретиковъ; тотъ съ ревностью занялся этимъ дѣломъ, самъ судилъ ихъ и сожигалъ на кострахъ на Духовскомъ полѣ, иныхъ предавалъ торговой казни, другихъ сослалъ въ заточенье, нѣкоторые сами бѣжали въ Литву и къ нѣмцамъ. Геннадій даже потѣшался надъ еретиками; велѣлъ посадить ихъ на лошадей, лицемъ къ хвосту, въ вывороченныхъ платьяхъ, въ остроконечныхъ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями, какъ тогда изображали бѣсовъ; кромѣ того, на нихъ надѣли вѣнцы изъ сѣна и соломы съ надписью: „се есть сатанино воинство!“ Въ этомъ шутовскомъ убранствѣ возили ихъ по улицамъ Новгорода, и многіе изъ православныхъ плевали имъ въ глаза. Наконецъ,

чтобы довершить сходство съ бѣсами, на нихъ зажгли шлемы.

Въ Москвѣ не было такихъ жестокостей, потому что московскій митрополитъ Зосима былъ тайнымъ приверженцемъ ереси; это сильно раздражало ревнителей вѣры. Прошелъ 1492 годъ; съ концемъ его христіане ждали свѣтопреставленія, такъ какъ, по старинному счету, исполнилось 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра. Но міръ стоялъ по прежнему и еретики начали трунить надъ православными: послѣднихъ еще болѣе ожесточило. Новымъ суровымъ обличителемъ ереси явился Іосифъ Волоколамскій. По его настоянію, былъ собранъ духовный соборъ (1504 года), на которомъ еретики были осуждены. Начались казни. Братъ Курицына, архимандритъ Кассіанъ и многіе другіе сожжены на кострахъ; инымъ вырывали и рѣзали языки, третьихъ сажали въ смрадныя темницы или разсылали по монастырямъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ приносили покаяніе; но Іосифъ требовалъ казни, говоря, что покаяніе вынуждено страхомъ. Но сверхъ ожиданія онъ встрѣтилъ въ самомъ духовенствѣ неодобреніе своихъ поступковъ. Старцы Кириллова и всѣхъ вологодскихъ монастырей (старецъ Вассіанъ), не менѣе Іосифа вѣрные православію, стали упрекать его въ жестокости, въ недостаткѣ христіанскаго смиренія. Они отправили къ нему посланіе, въ которомъ такъ разбирали его мнѣнія: „что ты, господинъ старецъ Іосифъ, писалъ, что Моисей скрижали руками разбилъ, то такъ; но когда Богъ захотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господу и сказалъ Ему: „если ихъ погубишь, то меня прежде ихъ погуби;“ и Богъ не погубилъ Израиля изъ-за Моисея. Видишь ли, господинъ,

какъ любовь Моисеева къ согрѣшившимъ превозмогла самый гнѣвъ божій... Но тогда еще былъ вѣтхій законъ; намъ же въ новой благодати Владыко явилъ христолюбивый союзъ: не осуждать брату брата, а только единому Богу судить согрѣшенія человѣческія... Петръ апостолъ Симона волхва молитвой разбилъ; и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ, или грѣшниковъ. Если же Богъ приметъ еретика или грѣшника на покаяніе, то не услышана будетъ отъ Бога молитва твоя... Левъ, епископъ катанскій, Ліодора волхва епитрахилью связалъ и сжегъ при греческомъ царѣ, это такъ. А ты, господинъ Іосифъ, зачѣмъ не испытаешь своей святости, зачѣмъ не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею? Пока бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, и мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, изъ пламени вышедшихъ, да и приняли. Поразумѣй, господинъ Іосифъ, какъ много разницы между Моисеемъ и Иліею, Петромъ и Павломъ, и тобою въ сравненіи съ ними. Кто бы, господинъ, вѣдалъ многое божіе милосердіе, если бы не самъ Господь показалъ его людямъ надъ грѣшниками... Вспомни, какъ апостолъ Петръ спросилъ Господа: „Господи, аще братъ согрѣшитъ въ мя до семи разъ въ день, прощю ли его?“ Что отвѣчалъ ему Господь? „Не говорю тебѣ до семи разъ, семдесять седмерицею прости его.“

При преслѣдованіи еретиковъ, конечно, сильно замѣшивались житейскія страсти, личныя выгоды: многіе были засажены въ тюрьмы, какъ еретики, по одной враждѣ или зависти. Въ то время обыкновеннымъ средствомъ уничтожить умнаго врага было обвинить его въ

ереси. Такъ напр. Вассіанъ и Максимъ Грекъ были самые ученые люди своего времени, крѣпко стояли за христіанскую нравственность — послѣдній даже много писалъ противъ ересей и суевѣрій — но когда они не одобрили развода Василія III съ Соломоніей, ихъ обоихъ обвинили въ ереси, и сослали. Ересь ихъ заключалась въ томъ, что они возставали противъ монастырскаго владѣнія селами, тогда какъ противъ этаго еще въ XIV вѣкѣ возставалъ митрополитъ св. Кипріанъ, говоря: „пагуба чернецамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ.“ При Іоаннѣ Грозномъ заведена была въ Москвѣ первая типографія (1563 г.): два мастера, дьякопъ Ѳедоръ и Петръ Мстиславцевъ напечатали „Дѣянія апостольскія и соборныя посланія съ посланіями апостола Павла“ и Часовникъ, но, обвиняемые въ ереси, оба бѣжали за границу. Ѳедоровъ въ 1581 году напечаталъ въ Литвѣ въ Острогѣ всю славянскую библію. Такимъ образомъ преслѣдованіе ересей постоянно лишало московское государство умныхъ людей.

Несмотря на то, что казалось подавлены были ереси стригольниковъ и жидовствующихъ, но въ половинѣ XVI вѣка оказались новые вольнодумцы; между духовенствомъ сдѣлалась тревога: „прозябе ересь и явися шатаніе въ людехъ.“ Такъ около Матвѣя Башкина составился кружокъ; Башкинъ, какъ видно, много думалъ надъ писаніемъ, искалъ въ немъ чистой христіанской правды, доходилъ до такихъ мыслей, какія немногимъ были доступны въ его время. О Башкинѣ такъ разсказывалъ Семенъ, священникъ благовѣщенскаго собора: „пришелъ ко мнѣ сынъ духовный необычайный и крѣпко умолялъ меня принять его къ себѣ на духъ въ великій постъ; предлагаетъ мнѣ многіе

вопросы недоумѣнные, отъ меня требуетъ поученія, а то и самъ меня поучаетъ. Онъ просилъ истолковать ему многія вещи въ апостолѣ, и самъ толкуетъ ихъ, да не по существу, развратно... Въ другой разъ онъ послалъ за мною, и когда я къ нему пріѣхалъ, онъ началъ говорить: въ апостолѣ сказано: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе; а мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ называетъ братіею, а у насъ на иныхъ кобалы, на иныхъ бѣглыя, на иныхъ полныя грамоты; я благодарю Бога: у меня, что было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ, и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему — и онъ живетъ, не хорошо иди, куда хочешь. Вамъ, отцамъ, пригоже посѣщать насъ часто, научать, какъ намъ самимъ жить и людей держать, не томить; я видѣлъ это въ правилахъ и мнѣ показалось это хорошо...“

На соборѣ 1554 года, при допросахъ, Башкина и нѣкоторыхъ другихъ нашли еретиками. Послѣдователи Башкина считали тѣло и кровь Христову простымъ хлѣбомъ и виномъ, образа называли идолами; о покаяніи говорили: кто перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ грѣха, хоть бы не каялся у священника; житія святыхъ называли баснословіемъ, про вселенскіе соборы толковали: все это они для себя писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ. Матвѣй Башкинъ признался еще въ томъ, что молился одному Богу Отцу, а Сына и св. Духа отставилъ. Въ дѣло Башкина замѣшанъ былъ Артемій, бывшій троицкій игуменъ. Артемія болѣе всего укорялъ игуменъ Ѳерапонтовскаго монастыря Нектарій. „Артемій — показывалъ Нектарій — не проклинаетъ новгородскихъ еретиковъ, хвалитъ латынь, не хранитъ поста, во всю че-

тыредесятницу ѣлъ рыбу; на воздвиженьевъ день за столомъ у царя и великаго князя ѣлъ рыбу.“ Какъ видно, Некторій усердно подглядывалъ за Артеміемъ. Правда — сказалъ Артемій — я ѣлъ рыбу, но только тогда когда случилось мнѣ быть у христолюбцевъ, и у царя за столомъ рыбу ѣлъ. — „Не гораздо ты чинилъ это — сказалъ ему митрополитъ отъ всего собора —это тебѣ вина.“ „Артемій—продолжалъ Нектарій — когда былъ во Псковѣ, то ѣздилъ изъ Печерскаго монастыря въ нѣмецкій Новый городъ и тамъ хвалилъ нѣмецкую вѣру, говорилъ тамъ съ нѣмецкимъ княземъ.“ —Я тогда ѣздилъ и говорилъ съ нѣмецкимъ княземъ— сказалъ Артемій — и спрашивалъ, не найдется ли у нихъ человѣка, кто бы поговорилъ со мной книгами. Хотѣлось мнѣ узнать, у нихъ христіанской законъ таковъ, какъ у насъ; но мнѣ тогда не указали такого книжнаго человѣка. „А зачѣмъ тебѣ— строго замѣтили ему на соборѣ—ты вѣдаешь самъ, что наша вѣра греческаго закона сущая православная, а латинская вѣра святыми отцами отъ православной вѣры отречена и проклятію предана. Это ты чинилъ не гораздо. Это тебѣ вина.“ Хотя свидѣтели и не подтвердили самыхъ главныхъ обвиненій, Артемій все-таки былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ его посадили въ молчальную келью: онъ не могъ ни съ кѣмъ говорить или имѣть какія либо сношенія, долженъ былъ сидѣть и каяться и только въ случаѣ смертной болѣзни позволено было ему причаститься, если онъ исправится. Слѣдовало наблюдать даже за тѣмъ сторожемъ, который будетъ приставленъ къ нему чтобы обвиненный не совратилъ его. Даже и надъ священникомъ, который будетъ приставленъ для его обращенія, игуменъ долженъ былъ над-

зирать, чтобы онъ не увлекся еретическими убѣжденіями. Артемію удалось однако уйти изъ монастыря въ Литву: здѣсь онъ сошелся съ Курбскимъ и помогалъ ему въ переводѣ книгъ св. писанія.

Вскорѣ послѣ заточенія Артемія, привезли съ Бѣла озера (изъ Новгородской земли) новаго еретика Ѳеодосіл Косаго. Косой былъ рабомъ, но бѣжалъ отъ своего господина и, поселившись въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, сталъ проповѣдывать свое ученіе, которое называли „новымъ.“ Это ученіе нѣсколько сходно съ нынѣшней сектой молокапъ; Косой отвергалъ иконы, таинства, отвергалъ божественное происхожденіе Христа, какъ единороднаго сына Божія, толковалъ, что человѣкъ созданъ смертнымъ, какъ и прочія животныя. Когда Косаго заключили въ московскомъ монастырѣ, онъ довелъ сторожей, которымъ поручено было его беречь, до того, что они наблюдали за нимъ очень слабо, и онъ убѣжалъ съ своими товарищами въ Литву. Тамъ онъ женился и сталъ распространять свое ученіе съ успѣхомъ. Трое послѣдователей Косаго (два монаха и одинъ мірянинъ) пришли однажды къ Зинавію, монаху Отенскаго монастыря (близъ Новгорода), стали жаловаться на невразумительность отческихъ книгъ („книжное писаніе закрыто“) и хвалить Косаго, который училъ ясно и открыто для всѣхъ, держалъ передъ слушателями раскрытую книгу, объяснялъ въ ней мѣста и давалъ каждому читать и размышлять по произволу. „Что за учители епископы и попы — говорили его послѣдователи — учатъ, а книгъ въ рукахъ не держать; а Косаго такъ сразу видно, что истинный учитель: въ рукахъ книгу держитъ, разогнетъ и прочтетъ и каждому самому дастъ прочитать!“ „Кто такой Косой?“ спро-

силъ Зиновій.—Онъ былъ рабъ—отвѣчали ему. Зиновій начинаетъ опровергать, ссылается на законы греческихъ царей, что рабамъ не слѣдуетъ довѣрять ни въ чемъ и допускать ихъ къ свидѣтельствамъ на судъ. Приверженцы Косаго въ оправданіе его говорили, что онъ уже не рабъ, освободился посредствомъ ума своего и мужества: обокралъ своего господина и убѣжалъ отъ него. Зиновій говорилъ, что взять коня и имѣнье было уже преступленьемъ, а послѣдователи Косаго находили, что онъ взялъ только свое и ссылались на примѣръ израильтянъ, бѣжавшихъ изъ Египта. Но, не смотря по видимому на успѣшную проповѣдь еретиковъ, ересь охватила очень немногихъ; большинство же оставалось строго-православно, говорило, что „тяжелѣе всего на свѣтѣ прародительскую старину нарушить,“ что въ дѣлахъ вѣры не должно и существовать чего бы то ни было новаго. Зиновій оставилъ сочиненіе, въ которомъ подробно опровергаетъ ученіе Косаго, говоря что косое не можетъ быть прямо (Еретикъ Лютеръ — какъ выразился Грозный — „и по жизни и, по имени былъ лютъ“); что еретики своимъ лукавымъ умышленіемъ ввели въ свою проповѣдь простую народную рѣчь и тѣмъ стали всѣмъ понятны, тогда какъ слѣдовало бы книжными рѣчами исправлять общ народныя рѣчи.

Будучи очень строго къ своимъ еретикамъ, московское правительство не доходило до того, чтобы дѣлать правильные крестовые походы и силой обращать инородцевъ въ православную вѣру. Правда, архіепископъ казанскій обязанъ былъ приглашать къ себѣ обращенныхъ татаръ, поить ихъ у себя квасомъ, а на загородномъ дворѣ медомъ, — защищать ихъ, избавляя отъ наказанія и даже отъ смертной казни, если они согла-

шались креститься. Но между этимъ и рвеніемъ испанскаго духовенства, изгнавшаго изъ Испаніи всѣхъ мавровъ, не принявшихъ христіанства, большая разница. Въ письмѣ къ астраханскому хану Іоаннъ Грозный писалъ: „у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано, не велѣно силою приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судитъ въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право или неправо, а людямъ того судить не дано. Это не мѣшало однако русскимъ иногда насильно крестить плѣнныхъ. Такъ однажды въ Москвѣ было насильно окрещено 300 человѣкъ татаръ: ихъ били по головамъ и бросали въ воду.

Какъ религіозныя ереси приходили къ намъ изъ Ливоніи и Литвы и распространялись преимущественно въ новгородскихъ и псковскихъ владѣніяхъ, такъ и практическія знанія тоже приходили изъ Западной Европы. Русскій народъ—по выраженію иностранцевъ—не зналъ ни земли, ни воды. Въ этомъ отношеніи Россія была такъ бѣдна, что русскіе не умѣли даже строить порядочныхъ зданій. Такъ въ 1417 году псковичи наняли мастеровъ, чтобы выстроить каменную стѣну; въ петровъ постъ работа была кончена, а въ успѣнскій стѣна упала. Въ Коломнѣ церковь разрушилась сейчасъ-же по окончаніи постройки. Въ Новгородѣ случилось тоже самое. Строеніе во всѣхъ городахъ было почти все деревянное; а дерево сухое и смолистое, которое при первомъ случаѣ пылало очень быстро; потому всѣ старинные города горѣли очень часто; при Іоаннѣ III весь Кремль погорѣлъ до четырехъ разъ; при Грозномъ Москва нѣсколько разъ погорѣла до тла. Во время пожаровъ погибало много людей; такъ во время великаго пожара въ Москвѣ при Грозномъ сгорѣло 1700 человѣкъ. Противъ пожаровъ стали принимать разныя мѣры: мастеровъ, которые постоянно об-

ращались съ огнемъ, помѣщали въ дальныхъ частяхъ города; сторожа по почамъ наблюдали какъ за тѣмъ, чтобъ не было разбоевъ, такъ и за поджигателями; въ Новгородѣ предписано было ставить на кровляхъ подлѣ трубы бочки и кади съ водою и метлы. Въ 1571 году по всему Новгороду было запрещено лѣтомъ топить избы, а жители должны были строить печки въ огородахъ и тамъ печь хлѣбы и калачи.— Для постройки каменныхъ зданій стали выписывать нѣмецкихъ мастеровъ. Такъ, по совѣту Софьи, Иванъ III отправилъ въ Италію Семена Толбузина, чтобы пріискать тамъ архитектора. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву. Наконецъ согласился Аристотель Фіоравенти. Посмотрѣвъ русскую работу, онъ похвалилъ ее за чистоту, но замѣтилъ, что извѣсть жидка. Аристотель выстроилъ въ 1479 году новый Успѣнскій Соборъ; кромѣ того, лилъ колокола, пушки, стрѣлялъ изъ нихъ и чеканилъ монету.

Посылая къ императору посла Трахоніотова, Иванъ III поручилъ ему „добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлить золото и серебро; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ.“

Но, вызывая хитрыхъ людей изъ-за границы, въ Москвѣ съ ними обходились совершенно по московски.

Такъ нѣмецъ, лекарь Леонъ, пріѣхавшій изъ Венеціи, обѣщалъ вылечить сына Іоанна III, по больной померъ и великій князь велѣлъ отсѣчь лекарю голову; другой лекарь нѣмецъ Антонъ лечилъ одного служилаго татарскаго князя и „уморилъ его смертнымъ зельемъ на смѣхъ,“ какъ говоритъ лѣтописецъ. Великій князь и этого приказалъ убить. Антона отвели зимой подъ мостъ на Москву рѣку и зарѣзали ножами, какъ овцу. Аристотель, видя все это, испугался и сталъ проситься домой; но великій князь велѣлъ его за это схватить и, ограбивъ, посадить на Антоновомъ дворѣ...

Посольства и торговыя сношенія мало-по-малу увеличивали знакомство русскихъ съ сосѣдними землями. Нѣкоторые даже оставляли описанія своихъ путешествій, напримѣръ Симеонъ Суздальскій, ѣздившій въ Италію, и Аѳанасій Никитинъ, бывшій въ Индіи. Хотя торговлѣ съ иноземцами и мѣшали постоянныя войны, однако со временъ Грознаго началась довольно значительная торговля съ англичанами (въ Новгородѣ, Псковѣ и Холмогорахъ). Долгое время англичане всю торговлю держали въ своихъ рукахъ: они скупали кожи, мѣха, воскъ, сало, пеньку и ленъ, и не только для одной Англіи, но и для всей Европы. Свои же товары имъ удавалось продавать въ Россіи почти втрое дороже противъ того, что они стоили на мѣстѣ. Въ свою очередь и русскіе точно также наживались на счетъ сибирскихъ дикарей, покупая за безцѣнокъ дорогіе мѣха. Въ политическихъ сношеніяхъ и посольствахъ, русскіе и сосѣди старались по возможности обмануть другъ друга. Въ день представленія значительныхъ пословъ въ Москвѣ запирались всѣ лавки и мастерскія, жители толпились по дорогѣ, по которой проѣзжали послы;

толпы увеличивались еще дворовыми людьми, боярскими и ратными людьми, которыхъ собирали къ этому случаю изъ окрестныхъ волостей: это дѣлалось для того, чтобы дать посламъ высокое понятіе о многочисленности населенія и могуществѣ московскаго государя. При заключеніи мира или перемирья „толковали долго, рѣчей спорныхъ и бранныхъ говорили много...“ Іоаннъ IV отвѣчалъ, напр., хану крымскому на его просьбу о дани: „мы, государи великіе, бездѣльныхъ рѣчей говорить и слушать не хотимъ.“ Всего презрительнѣе относился Іоаннъ къ шведскому королю; въ Швеціи жаловались, что онъ „писалъ къ королю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человѣку.“ Въ договорахъ со Швеціей писалось, что шведскій король билъ челомъ московскому царю... Пословъ теперь не убивали, какъ въ домонгольское время, но нерѣдко задерживали ихъ, если они говорили непріятныя рѣчи. Послы сами иногда позволяли себѣ насилія. Такъ когда одинъ литовскій посолъ ѣхалъ въ Москву, то слуги его били въ Вязьмѣ дѣтей боярскихъ; въ Москвѣ при встрѣчѣ приставовъ безчестили, въ одного камнями бросали и носъ ему перешибли; сыну боярскому давали пить зелья, а тотъ и умеръ отъ него: у лошади хвостъ отсѣкли; проѣзжаго царскаго духовника протопопа безчестили, ругали и били... Въ свою очередь литовскіе паны жаловались русскимъ посламъ: „король къ государю вашему пословъ своихъ слать не хочетъ, потому: государя нашего посолъ Левъ Сапѣга и теперь у государя вашего на Москвѣ, а тѣснота ему великая: гдѣ стоитъ, тотъ дворъ огороженъ высоко, и малыя щели позадѣланы, не только что человѣка нельзя видѣть, и вѣтру провѣять некуда; съ двора литовска-

го человѣка никакого не спустятъ, кормъ даютъ дурной; что литовскаго посла держатъ хуже всѣхъ другихъ.“ Русскіе отвѣчали, что „послы разныхъ государствъ стоятъ въ Москвѣ по разнымъ дворамъ, и береженье къ нимъ крѣпкое для того, чтобъ между ними ссоры не было; такъ и крымскіе послы стоятъ на особомъ дворѣ, и съ двора ихъ никуда не спускаютъ.“ Самыя торговыя сношенія вели часто къ непріятностямъ между сосѣдями; московскіе купцы жаловались на притѣсненія въ Литвѣ, литовскіе на притѣсненія и разбои въ московскихъ областяхъ. Внутренняя торговля была стѣснена множествомъ налоговъ и таможенныхъ сборовъ, которые еще больше увеличились при опричинѣ. При Грозномъ брали доходъ не только съ кабаковъ, но и съ бань. Пока пьяницы гуляютъ въ кабакѣ, никто ни подъ какимъ предлогомъ не смѣлъ вызывать ихъ оттуда, потому что этимъ можно помѣшать приращенію царскаго дохода. Кромѣ того при опричинѣ всѣ постоянно боялись не только за свое имущество, но и за жизнь; потому и купцы и крестьяне мало заботились о бережливости и ничѣмъ не занимались. Притомъ тогда былъ вредный обычай давать монастырямъ право на безпошлинную торговлю, чѣмъ сильно подрывалась торговля частныхъ лицъ. Иногда захватывали цѣликомъ какой нибудь товаръ и потомъ продовали по высокой цѣнѣ какъ своимъ такъ и иноземнымъ купцамъ, а если они отказывались отъ покупки, то принуждали силой. Также дѣлали, когда какой нибудь товаръ (парча, тонкое сукно), захваченный въ казну, испортился отъ долгаго лежанья или по другой причинѣ: испорченное заставляли купцевъ покупать волею или неволею по цѣнѣ, назначенной царемъ. Въ 1589 г.

былъ забранъ весь воскъ въ государствѣ такъ, что никто не имѣлъ права торговать имъ, кромѣ царя. По временамъ такая же монополія простиралась на мѣхъ, хлѣбъ и лѣсъ, и никто не смѣлъ продавать этихъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока не распродастся весь товаръ царскій. Точно также старались дѣйствовать и земледѣльцы; дороговизна хлѣба происходила не столько отъ голода, сколько отъ того, что землевладѣльцы сильно возвышали цѣны. Даже самыя ярмарки вели не къ обогащенію, а къ большему угнетенію беззащитнаго народа. „У Пречистой на Киржачи три раза въ съѣзжаются торговать многіе люди съ всякимъ товаромъ, и отъ этого монастырскимъ крестьянамъ обиды великія, бьютъ ихъ и грабятъ, хлѣбъ и сѣно косятъ..:“

15.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Мы говорили, что Грозный, не смотря на все свое желаніе перевести непокорныхъ бояръ, не вполнѣ достигъ своей цѣли. Правда, онъ сломилъ тѣхъ бояръ, которые помнили свое княжеское происхожденіе и хотѣли удержать старинныя отношенія къ великому князю, людей иногда рѣзко и открыто противившихся самовластной волѣ. Но за то при царствованіи Грознаго воспиталось новое поколѣніе бояръ, не могшихъ безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, которые могли сохранить свою жизнь и свое значеніе около царя, только заботливо наблюдая за каждымъ движеніемъ вокругъ себя. Новые бояре сдѣлались подозрительнѣе, хитрѣе, скрытнѣе, подлѣе прежняго, но

желаніе обогатиться, даже желаніе сѣсть на престолъ оставалось у нихъ по прежнему. Представителемъ такого поколѣнія былъ боярин Борисъ Годуновъ, который, не смотря на слабости своего характера, былъ далеко умнѣе многихъ другихъ. Годуновъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, поступившаго въ московскую службу (еще въ XIV в.). Сестра его была за сыномъ Грознаго, Ѳедоромъ, который, какъ мы видѣли, былъ человѣкъ „кроткій, но слабый, болѣе склонный къ иноческой жизни, нежели къ дѣламъ государственнымъ.“ Понятно, что при царствованіи его хитрый Борисъ отъ имени его сталъ заправлять всѣмъ. Но партія старыхъ знаменитыхъ бояръ (князья Шуйскіе) старалась помѣшать его возвышенью. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ Шуйскіе отъ всего народа составили челобитную грамоту царю о томъ, чтобъ онъ развелся съ своей бездѣтной супругой Ириной (сестрой Бориса Годунова) и женился на другой. Но Борисъ перехитрилъ ихъ: онъ сначала уговорилъ Діонисія не подавать челобитной, а потомъ сдѣлалъ такъ, что Шуйскихъ обвинили въ измѣнѣ и вмѣстѣ съ друзьями отправили въ дальніе города въ заточенье. Вскорѣ затѣмъ былъ низверженъ и митрополитъ Діонисій, а на мѣсто его поставили преданнаго Годунову епископа Іова. Этотъ Іовъ впослѣдствіи поставленъ былъ въ первые русскіе патріархи. Годуновъ оставался правителемъ, „великимъ человѣкомъ“ во все время царствованія Ѳедора.

Но у Ѳедора былъ младшій братъ, который воспитывался въ своемъ удѣлѣ въ Угличѣ подъ надзоромъ матери своей Маріи Нагой. Маленькій Дмитрій былъ дѣйствительный сынъ царя Грознаго; въ дѣтствѣ онъ

находилъ удовольствіе смотрѣть, какъ убиваютъ овецъ и вообще домашній скотъ, видѣть перерѣзанное горло когда изъ него течетъ кровь, и бить палкой гусей и куръ до тѣхъ поръ, пока они не издохнутъ. Народъ смотрѣлъ на него, какъ на преемника Ѳеодору. Годунову, конечно, очень хотѣлось удалить Димитрія отъ престола и вотъ подосланные убійцы зарѣзали девятилѣтняго царевича (1591 г.). Узнавъ объ этомъ, угличане перебили убійцъ. Слѣдователи, посланные Годуновымъ, донесли царю, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни самъ закололъ себя ножемъ. Угличанъ за самоуправство нѣкоторыхъ казнили, многихъ сослали въ Сибирь, а царицу Марью Нагую постригли въ монахини. Народъ однако продолжалъ говорить, что убійцъ подославъ самъ Годуновъ... Черезъ семь лѣтъ померъ и Ѳедоръ. При смерти его бояре и патріархъ спрашивали, кому онъ поручаетъ царство: Ѳедоръ отвѣчалъ, что „во всемъ воленъ Богъ.“

По смерти Ѳедора, Москва тотчасъ же присягнула его супругѣ Иринѣ, но та уѣхала въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась въ монахини. Патріархъ Іовъ, приверженецъ Годунова, прямо объявилъ народу, что слѣдуетъ просить на царство Годунова. „Другіе его агенты тоже усердно дѣйствовали въ народѣ; самъ же Борисъ упорно отказывался, говоря, что „ему этаго и въ умъ не приходило.“ Земскій соборъ подтвердилъ избраніе патріарха; и когда Борисъ во второй разъ отказался отъ престола, патріархъ съ крестнымъ ходомъ отправился въ монастырь къ царицѣ, и народъ долго со слезами и земными поклонами умолялъ ее благословить брата на царство. Объ этомъ ходѣ сохранилось такое преданіе: „народъ неволею былъ пригнанъ при-

ставами; не хотѣвшихъ идти велѣно было даже бить; приставы понуждали людей, чтобъ съ великимъ вопленіемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно!... вмѣсто слезъ глаза слюнами мочили. Тѣ, которые пошли въ келью просить царицу, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ туже минуту весь народъ падалъ на колѣна; не хотящихъ бити безъ милости." Наконецъ Годуновъ согласился принять царство. Тогда патріархъ издалъ соборное опредѣленіе объ избраніи его въ цари; въ немъ Іовъ уже прямо объявляетъ, что еще Іоаннъ Грозный приказалъ Годунову царство, по смерти сына, и, послѣ большаго многословія, оканчиваетъ словами: „да не скажетъ кто-нибудь: отлучимся отъ нихъ, потому что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются, а если кто скажетъ такое слово, то не разуменъ есть и проклятъ...." Ясно, что Борисъ не всѣмъ народомъ былъ выбранъ на царство.

Царствованіе Бориса сначала ничѣмъ не отличалось отъ царствованія Ѳедора; въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ Борисъ по прежнему выказывалъ большую осторожность и даже нерѣшительность. Не смотря на усердіе и заботы Годунова, народъ не любилъ его: онъ былъ слишкомъ мелочный и подозрительный царь. Ещо при Ѳедорѣ одинъ юродивый ходилъ голый по Москвѣ и возстановлялъ всѣхъ противъ правительства, особенно противъ Годуновыхъ (а юродивые вообще были въ большомъ уваженіи въ древней Руси, Никола псковскій и московскій Василій Блаженный обличали даже Грознаго) „Дьяволъ — говоритъ лѣтописецъ — вложилъ Борису мысль знать все, что ни дѣлается въ московскомъ государствѣ; ду-

малъ онъ объ этомъ много, какимъ образомъ и отъ кого бы все узнавать и рѣшилъ, что кромѣ холоповъ боярскихъ узнавать не отъ кого.“ Такимъ образомъ было учреждено шпіонство; „доносчиковъ Борисъ жаловалъ много помѣстьями и деньгами.“ Страсть къ доносамъ развилась въ москвичахъ еще при Грозномъ; теперь всѣ, кому захотѣлось денегъ и наградъ, кинулись въ шпіонство и доносы: „доносили другъ на друга попы, черницы, пономари, просвирни: жены доносили на мужей, дѣти на отцевъ; отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились и въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось неповинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами раззорили.“ Между прочими, братьевъ Романовыхъ (племянниковъ царицы Анастасьи) обвинили въ намѣреньи отравить царя и сослали въ дальнія мѣста, а старшаго брата Ѳедора Никитича постригли въ монахи подъ именемъ Филарета. По словамъ одного иностранца, въ Россіи при Борисѣ Годуновѣ „во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товаровъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты больше жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ притѣсняли вездѣ.“ Русскій современникъ говоритъ: „впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое, и въ лихвы и въ неправды, и во всякія злыя дѣла.“ Крестьяне, недовольные закрѣпленьемъ, все продолжали бѣгать; ихъ хватали и возвращали назадъ помѣщикамъ; это не останавливало побѣговъ, но произвело то, что бѣглый крестьянинъ и холопъ становился совершенно враждебенъ всему государству, жившему на его счетъ и отнимавшему у него права, онъ становился разбойникомъ.

Въ концѣ царствованія Бориса такихъ разбойничьихъ шаекъ особенно много появилось на юго-западной (или сѣверской) украйнѣ. Атаманъ ихъ Хлопка Косолапъ подошелъ было подъ Москву, сразился даже съ царскими войсками, однако былъ разбитъ и казненъ вмѣстѣ съ товарищами. Но волненіе продолжалось; стала ходить молва, что царевичъ Дмитрій, спасшись еще въ дѣтствѣ отъ убійцъ, живъ и потребуетъ отъ Бориса царство.... При легковѣріи того времени и при напряженномъ состояніи всего общества, подобный слухъ пріобрѣталъ вѣру у многихъ.

И дѣйствительно, въ Польшѣ появился молодой русскій выходецъ, искренно убѣжденный, что онъ царевичъ Дмитрій. Полагаютъ, что этотъ юноша нарочно былъ воспитанъ въ этомъ убѣжденіи подручниками Богдана Бѣльскаго, бывшаго воспитателя царевича Дмитрія и врага Годунова. Какъ бы то ни было, новый выходецъ вскорѣ объявилъ польскимъ панамъ, что онъ сынъ Ивана Грознаго, спасшійся отъ убійцъ, посланныхъ Годуновымъ, которые вмѣсто него, царевича, убили другаго ребенка. Польскіе паны приняли большое участіе въ судьбѣ царевича. Всѣхъ больше хлопоталъ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, въ дочь котораго Марину Лжедимитрій влюбился, и Мнишекъ обѣщалъ отдать свою дочь за будущаго царя; этимъ онъ надѣялся поправить свои денежныя дѣла. Іезуиты также стали содѣйствовать самозванцу, съ помощью его они надѣялись обратить русскихъ въ католицизмъ. При посредствѣ папскаго посла Лжедимитрій видѣлся съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III. Король призналъ его истиннымъ царевичемъ, назначилъ ему де-

нѣчное вспоможеніе и позволилъ набирать армію изъ польской шляхты.

Съ тѣхъ поръ, какъ пошли слухи, что Димитрій живъ, Борисъ занимался только истязаніями и пытками. Но слухи все усиливались такъ, что самъ Борисъ сталъ сомнѣваться, что можетъ быть это и правда. Въ грамотѣ къ польскому королю было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Дмитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Но въ Москвѣ мало было сказать, что это Лжедимитрій, надо было непремѣнно объявить кто же это. И вотъ объявили что это бывшій бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ; патріархъ и проклялъ самозванца, назвавъ его Гришкой, но, какъ говоритъ лѣтописецъ, никто не вѣрилъ этому. Самъ Борисъ былъ твердо убѣжденъ, что самозванецъ подставленъ боярами; узнавъ о немъ, онъ сказалъ боярамъ: „вотъ наконецъ что̀ вышло! я вижу, откуда онъ идетъ; вотъ она измѣна и крамола князей и бояръ; знаю, это ваше, ваше дѣло: вы хотите погубить меня!“

Между тѣмъ къ самозванцу собралось до 1600 польскихъ шляхтичей, хотѣвшихъ нажиться, да нѣсколько тысячъ „воровскихъ“ казаковъ; и въ октябрѣ 1604 г. Лжедим трій перешелъ за Днѣпръ и вступилъ въ русскія области. Сѣверскіе города сдавались довольно скоро, притомъ самъ царь Борисъ вдругъ померъ (13 апрѣля 1605 г.). Народъ присягнулъ его сыну; но главный начальникъ царскаго войска перешелъ на сторону Лжедимитрія вмѣстѣ съ своими воинами, у которыхъ уже давно „не было рукъ для сѣчи противъ прирожденнаго царя. Приверженцы самозванца

явились въ Москвѣ и вмѣстѣ съ москвичами задушили жену и сына Борисова. Лжедимитрій съ торжествомъ вступалъ въ Москву. Приверженца Годуновскаго патріарха Іова низвергнули и на мѣсто его поставили грека Игнатія.

Лжедимитрій, воспитанный въ Польшѣ подъ вліяніемъ европейскаго образованія, обѣщалъ быть Петромъ Великимъ, только цѣлымъ столѣтіемъ раньше. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, и во многихъ случаяхъ обнаруживалъ свою находчивость и добродушіе. Не проходило дня, чтобы онъ не присутствовалъ въ боярской думѣ. Иногда, слушая долговременные безплодные споры думныхъ людей о дѣлахъ, онъ смѣялся и говорилъ: „столько часовъ вы разсуждаете и всѐ безъ толку! такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ!“ — и въ минуту, къ удивленію всѣхъ, рѣшалъ дѣла, надъ которыми бояре долго и долго думали. Лжедимитрій любилъ и умѣлъ поговорить; нерѣдко въ ласковыхъ словахъ онъ упрекалъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, обѣщалъ позволить имъ ѣздить въ чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образоваться. Когда пріѣхавшіе съ нимъ поляки совѣтовали ему принять строгія мѣры противъ подозрительныхъ людей, то онъ отвѣчалъ имъ, что далъ обѣтъ Богу не проливать христіанской крови, что есть два средства удерживать подданныхъ въ повиновеніи: одно быть мучителемъ, другое — расточать награды, не жалѣя ничего, и онъ выбралъ послѣднее. Когда князь Василій Шуйскій сталъ разглашать о немъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, онъ не судилъ его самъ, а отдалъ его дѣло, т. е. дѣло о себѣ самомъ, на судъ собора и соборъ единогласно приговорилъ Шуйскаго къ смертной казни.

Но молодой царь простилъ его на мѣстѣ казни. Все это показываетъ, до какой степени Лжедимитрій былъ увѣренъ въ своемъ царскомъ происхожденіи... Неизвѣстно, долго-ли бы продолжались медовые мѣсяцы лжедимитріевскаго царствованія, потому что ему пришлось недолго царствовать. Уже на Бориса въ Москвѣ сильно жаловались за его пристрастіе къ иноземцамъ. Тѣмъ болѣе должно было раздражать москвичей поведеніе Лжедимитрія. Молодой царь ввелъ у себя за обѣдомъ музыку, пѣнье, не молился передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ въ концѣ стола, ѣлъ телятину, не ходилъ въ баню, не спалъ послѣ обѣда, а ходилъ въ это время осматривать мастерскихъ, и при этомъ выходилъ изъ дворца самъ другъ, безъ всякой пышности; самъ пробовалъ новыя пушки, стрѣлялъ изъ нихъ чрезвычайно мѣтко; самъ училъ ратныхъ людей, въ примѣрныхъ приступахъ къ земляным крѣпостямъ, лѣзъ въ толпѣ на валы, причемъ его иногда палками сшибали съ ногъ, давили. Онъ хотѣлъ даже называться императоромъ. Все это должно было раздражать бояръ, окружавшихъ царя, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые знали хорошо его самозванство. Къ тому же царь женился на Маринѣ Мнишекъ, пріѣхавшей изъ Польши и оставшейся католичкой; а пріѣхавшіе съ ней польскіе шляхтичи стали нагло обходиться съ москвичами (первый колючій терній во время Лжедимитроваго царствованія). Между тѣмъ бояре Шуйскіе, имѣвшіе сами притязаніе на престолъ, распускали слухи о самозванствѣ царя, наконецъ Василій Шуйскій, уже разъ прощенный царемъ, составилъ заговоръ. 17 мая 1606 г. рано поутру въ Москвѣ зазвонили набатъ; заговорщики обезоружили царскихъ тѣлохранителей, а стрѣльцамъ объявили, что

мать Димитрія Марѳа отрекается отъ самозванца; самаго Лжедимитрія убили, но Марина спаслась. Въ тоже время черпь бросилась на квартиры поляковъ и и перебила ихъ до полутора тысячъ. Заговорщики объявили царемъ Василія Шуйскаго, а мѣсто патріарха занялъ казанскій митрополитъ, твердый и суровый Гермогенъ.

Провозглашенный боярами (а не народомъ) Шуйскій пошелъ въ Успѣнскій соборъ и началъ говорить, какъ выражается лѣтописецъ, чего искони вѣковъ въ московскомъ государствѣ не важивалось: „цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору (бояръ), и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ виновенъ, то отцу ничего дурнаго не дѣлать, а которая была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, то никому за нее мстить не буду.“ Всякіе люди возражали ему, чтобы онъ креста не цѣловалъ, потому что въ московскомъ государствѣ того не повелось, но онъ никого не послушалъ и цѣловалъ крестъ. Это произвело неблагопріятное впечатлѣніе на народъ; къ тому же Василій Шуйскій былъ скупой, некрасивый старикъ, нерѣшительный и мало способный къ управленію государственными дѣлами. И ужь на слѣдующій годъ снова пошелъ слухъ, что будто Лжедимитрій спасся отъ смерти и находится въ Литвѣ. Василій велѣлъ торжественно принести мощи царевича изъ Углича въ Москву, но народъ не вѣрилъ Шуйскому, тѣмъ болѣе, что онъ и прежде не разъ кривилъ душой по поводу смерти маленькаго царевича;..

Мало-по-малу стала выказываться рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго мос-

ковскаго царствія. Народъ, жившій въ разныхъ областяхъ, разрознился, забунтовалъ, потому что Шуйскаго избрали царемъ одною Москвою, безъ совѣта съ прочими областными городами. Патріархъ Гермогенъ такъ взывалъ ко всему русскому народу, увѣщевая его присягнуть царю Шуйскому: „на царя возстаніе такое было: начали читать грамоту, писанную ко всему міру изъ литовскихъ полковъ отъ русскихъ людей: „князя-де Василія Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а другіе-де города того не вѣдаютъ, и князь Василій-де Шуйскій намъ на царствѣ не любъ. И мы (Гермогенъ) противъ того имъ говорили: дотолѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ.“ Въ 1606 г. уже Вятская Область и Пермская земля измѣнили Шуйскому, не дали ратныхъ людей, стали говорить измѣнное слово и царское имя поносить и начали величать вора, который назывался Димитріемъ царевичемъ за то, что онъ Москву взялъ, и въ кабакѣ за него чаши пили. На югѣ возстали противъ Шуйскаго рязанцы (Прокопій Ляпуновъ). Въ Тулѣ заперся самозванецъ Лженетръ, и хотя Василью и удалось его казнить, но напрасно онъ спѣшилъ торжествовать свою побѣду. Въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился Лжедимитрій, будто бы царевичъ Дмитрій спасшійся изъ Москвы. Къ нему явились на помощь сѣверскіе мятежники и польскіе паны. Лжедимитрій II подошелъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ 12 верстахъ отъ Москвы, такъ что Василій былъ отрѣзанъ отъ всей остальной Россіи. Новгородцы

со всѣми городами и пригородами *), казанцы и всѣ южныя и восточныя общины рѣшительно измѣнили Шуйскому, цѣловали крестъ тушинскому самозванцу. Между тѣмъ появлялись еще новые самозванцы. Въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился третій самозванецъ Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана. Въ степныхъ юртахъ явились: царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка, все сыновья царя Ѳедора Ивановича. По всей великорусской землѣ, на площадяхъ главныхъ областныхъ городовъ, собирались земскіе люди, горожане и волостные крестьяне со всего уѣзда, всею своею землею, и думали думу земскую объ интересахъ своей области. Дѣйствуютъ пермяки, вятчане, устюжане, вологодцы, костромичи, ярославцы, рязанцы, государство Владимірское, государство Новгородское, государство Псковское, польскіе и литовскіе люди, малорусскіе казаки. Нѣтъ царскихъ приказовъ изъ Москвы, слышенъ только вѣчевой шумъ на городскихъ площадяхъ. Пользуясь смутой и розныо русскихъ областей, поднялись всевозможные инородцы, нарушая свою шерть (присягу) царю московскому. „И тѣ люди, которые въ московскомъ госу-

*) Въ Псковъ „воеводы, исчитые мздоимствомъ и грабежомъ, посколебали міръ великими неправдами, всякую правду взвели изъ Пскова, всякій порядокъ добрый погоняли, умножили воронъ кормильцевъ своихъ обманщиковъ, подметчиковъ, поклепщиковъ, людямъ праведнымъ не оставили мѣста гдѣ прожить.“ И когда стрѣльцы стали хвалить псковичамъ царя Дмитрія за добродѣтель и милость, народъ всталъ „какъ ньянай“ и цѣловалъ крестъ самозванцу.

дарствѣ, и татары, и черемисы, и ногаи, и чуваши, и вотяки, и мордва, и сибирцы, и остяки и многіе невѣрные народы и дальнія государства, которыя въ царской державѣ Василья Ивановича Шуйскаго, инѣ забывъ страхъ божій, отложились, скопясь разбойнически, напали на русскіе города." Луговые черемисы громили Вятскую Область, распространяли между инородцами бунтовскіе листы, безпощадно воевали города и волости, осквернили и разорили церкви, обдирали окладные образа и колокола, мужчинъ били, а женъ и дѣтей позорили (ноябрь и декабрь 1609 г.) и проч. Всѣ эти народцы еще прежде ненавидѣли Москву и русскихъ (у нѣкоторыхъ карелъ въ Тверской губерніи бранятся словомъ „рушкій"); московское правительство насильно переводило татаръ и ихъ мурзъ на новыя поселенія, въ срединныя и сѣверныя области, обращало татаръ и черемисъ въ служенныхъ людей въ вожей, пушкарей, затинщиковъ и т. п., отбирало татарскія и чувашскія земли, поселяло тамъ русскихъ ратныхъ людей, обременяло инородцевъ налогами, оброками и повинностями; наконецъ русскіе служилые люди обращались съ инородцами большею частью безчеловѣчно; иногда наконецъ обращали ихъ силой въ православную вѣру.

Между тѣмъ самозванецъ изъ Тушина держалъ Москву въ осадѣ. Въ самой Москвѣ играли царемъ (Васильемъ), какъ дѣтищемъ, какъ говоритъ очевидецъ. Шуйскій вѣрилъ не тѣмъ, кто носилъ службу на лицѣ и на тѣлѣ, а тѣмъ, кто носилъ ее на языкѣ. Многіе, ради денегъ или повышенья, переходили изъ Москвы на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ подъ видомъ раскаянія снова являлись къ Василью и по нѣскольку разъ повторяли свою измѣну (такихъ людей

тогда называли „перелётами“). Между тѣмъ литовскіе люди, пришедшіе съ самозванцемъ, желая нажиться, стали осаждать Троицкую Лавру, но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ успѣшно выдержали шестнадцатимѣсячную осаду. Надо сказать, что сперва самозванецъ разсылалъ къ городамъ, присягнувшимъ ему, похвальныя грамоты, въ нихъ обѣщалъ дворянамъ и всѣмъ служилымъ людямъ царское жалованье, деньги, сукна, помѣстья; духовенству же и остальнымъ жителямъ тарханныя грамоты, по которымъ съ нихъ не будутъ собираться никакія царскія подати. Но шайка „тушинскаго вора“, конечно, прежде всего думала о наживѣ. Тотъ просилъ, чтобы они подождали, но напрасно: тѣ взяли у него разряды и вотъ пошли по городамъ грамоты, требующія сильныхъ ноборовъ; съ этими грамотами отправили въ каждый городъ по поляку и по русскому. Когда въ Вологдѣ прочли эти грамоты передъ всѣмъ народомъ, то вологжане противъ грамотъ ничего не сказали, только многіе заплакали и тихонько говорили другъ другу: „хотя мы ему и крестъ цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду государю Василію Ивановичу, то мы всею душею рады головами служить, пусть только другіе города — Устюгъ, Усолье и Поморскіе намъ помогутъ“. Ярославцы послали въ Тушино 30,000 рублей, обязались содержать 1,000 человѣкъ конницы, но этимъ не избавились отъ притѣсненій: поляки врывались въ домы знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Русскіе тушинцы и козаки не только равнодушно смотрѣли на осквернніе церквей, на поруганіе священническаго и иноческаго сана, но сами по-

могали иновѣрцамъ, да вообще свирѣпствовали далеко больше иноземцевъ. Жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей; медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ, и птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, непроходимыхъ кустарникахъ, искали темноты, желали, чтобы скорѣе наступила ночь; но и ночи были ясны; вмѣсто луны пожарное зарево освѣщало поля и лѣса, охота за звѣрьми смѣнилась теперь охотою за людьми, слѣды которыхъ теперь отыскивали гончія собаки. Если гдѣ нельзя было истребить сельскихъ запасовъ, казаки сыпали ихъ въ воду и грязь и топтали лошадьми; жгли дома, съ неистовствомъ истребляли всякую домашнюю рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкали двери и ворота... Къ тушинскому царю поступали такія челобитныя отъ его подданныхъ: „царю государю и великому князю Дмитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются сироты твои государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ людей, лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣба ржанаго, и тотъ хлѣбъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли; мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью; да насъ же просятъ твои сотныя деньги и панской кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правдѣ, а денегъ намъ взять негдѣ“. И отъ великихъ денежныхъ поборовъ произошла смута большая, мужики снова заворовались

и цѣловали крестъ Василію Шуйскому. Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ отложились отъ Тушина. Возставшіе города, озлобленные на тушинцевъ, мучили и били ихъ; тушинцы не оставались у нихъ въ долгу. Каждый городъ имѣлъ своихъ ратныхъ людей и заботился объ обереганіи своихъ мѣстъ. Наказавшись своей рознью, земскіе областные совѣты стали сноситься другъ съ другомъ; посылая къ сосѣдямъ, міръ извѣщалъ о здоровьѣ жителей своей области и спрашивалъ совѣта у сосѣдней: „что ея мысль“. Вычегодцы пишутъ пермичамъ: „слухомъ мы слышали, что въ верховьѣ, которые города, Переяславль, Ростовъ и Ярославль, и рязанскіе города, и сѣверская Украйна межь собой не совѣтовались и другъ за друга не стояли, и вотъ они сами въ раззореньѣ стали. Надо смотрѣть, чтобъ всѣмъ намъ, господамъ, своею оплошкою тоже отъ воровъ въ разореньи не быть, какъ и верховскіе города“. Шуйскій, запертой въ Москвѣ, не могъ помогать областямъ, переходившимъ на его сторону, и прислалъ только грамоту съ увѣщаніемъ сохранять единство, собираться всѣмъ вмѣстѣ: „А если вскорѣ не соберутся, а станутъ всѣ врозь жить, и сами за себя не станутъ, то увидятъ отъ воровъ конечное раззоренье, домамъ запустѣнье, женамъ и дѣтямъ поруганье“.

Дѣло это по немногу подвигалось. Нижегородцы, постоянно тянувшіе къ Москвѣ, увѣщевали Балахонцевъ признавать государемъ того, кого признаетъ Москва. Балахонцы не послушались, и нижегородцы силой завладѣли городомъ; къ Нижнему присоединился Муромъ, а потомъ и Владиміръ. Полки, собранные сѣверными областями, пошли воевать съ тушинцами. Ка-

ждый городъ, отправляя своихъ людей въ походъ въ чужіе мѣста, выдавалъ своимъ ратникамъ жалованье за мѣсяцъ впередъ, а черезъ мѣсяцъ тотъ же городъ посылалъ своему ратнику деньги въ то мѣсто, гдѣ онъ находился. Ополченіе сѣверныхъ городовъ разбило тушинцевъ, опустошившихъ сѣверные города, взяло Романовъ, Пошехонье, Ярославль и Угличъ; Молога и Рыбинскъ присягнули тоже царю Василью. Между тѣмъ Василій, осажденный въ Москвѣ, обратился за помощью къ шведскому королю. Тотъ былъ врагомъ поляковъ и опасался, что они усилятся, завладѣвъ Россіей, потому онъ охотно прислалъ Василью 5000 шведскихъ наемниковъ. Эти войска соединились съ ополченьемъ сѣверозападныхъ русскихъ земель и двинулись къ Москвѣ. Тушинцы старались остановить ихъ на дорогѣ, но были разбиты.

Между тѣмъ польскій король Сигизмундъ III узналъ о союзѣ Василья съ шведскимъ королемъ и поспѣшилъ завоеваніемъ Россіи: онъ далъ въ этомъ обѣщаніе сейму. Перейдя границу, Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Онъ отправилъ тотчасъ же пословъ въ Тушинъ, чтобы поляки оставили самозванца и соединились съ королевскимъ войскомъ. Въ Тушинѣ произошло волненье; когда Лжедимитрій спросилъ у своего гетмана Рожинскаго, о чемъ идутъ у нихъ переговоры съ королевскими комиссарами, то пьяный гетманъ отвѣчалъ ему: „а тебѣ что за дѣло, зачѣмъ комиссары пріѣхали ко мнѣ? Чертъ знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ“, и грозился даже побить его. Панъ Тишкевичъ тоже ругалъ его въ глаза обманщикомъ и мошенникомъ. Тогда тушинскій воръ, переодѣвшись мужикомъ, бѣжалъ изъ лагеря и былъ ра-

душно принятъ Калугой. Поляки сожгли лагерь и ушли на западъ, а казаки и русскіе измѣнники опять пристали къ самозванцу. Тогда ополченіе сѣверныхъ областей безпрепятственно вступило въ Москву, освобожденную отъ осады. Но радоваться было еще рано. Польскій король имѣлъ рѣшительное намѣреніе завоевать русскія земли и, осадивъ Смоленскъ, разослалъ грамоты къ патріарху и всему духовенству, къ боярамъ и всѣмъ людямъ московскимъ такого содержанія: „такъ какъ въ государствѣ московскомъ съ давняго времени идетъ большая смута и разлитіе крови христіанской, то мы, сжалившись, пришли сами своею головою не для того, чтобъ желали большей смуты и пролитія крови христіанской въ вашемъ государствѣ, но для того, чтобъ это великое государство успокоить". Царь Василій выслалъ противъ короля войско подъ предводительствомъ царскаго брата, Димитрія Шуйскаго, человѣка очень неискуснаго въ военномъ дѣлѣ. Это войско было на голову разбито королевскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Тогда Захарій Ляпуновъ (братъ Прокопія) возмутилъ москвичей противъ Василія; онъ первый подступилъ къ царю съ большею толпою и сталъ говорить: „долго-ль за тебя будетъ литься кровь христіанская? земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленье, сжалься надъ гибелью нашей, положи посохъ царскій, а мы о себѣ какъ-нибудь промыслимъ". Съ Шуйскимъ бывали уже такіе случаи, онъ не испугался и отвѣчалъ бранными словами Ляпунову. Но народъ собрался на площадяхъ и, послѣ совѣщаній, бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ царю Василью Иванычу, чтобъ онъ государь царство оставилъ. Шуйскій долженъ былъ переѣхать изъ дворца въ свой

прежній боярскій домъ; но старикъ еще сталъ пытаться снова перейти во дворецъ, тогда его постригли въ монахи (1610 г.)

Управлять государствомъ стала верховная дума, состоявшая изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (семибоярщина); изъ нихъ самое видное мѣсто занималъ князь Мстиславскій. Немедленно поднялся вопросъ объ избраніи царя. Но тутъ обнаружилось сильное разногласіе. Нѣкоторые хотѣли, чтобы царь былъ избранъ изъ русскихъ вельможъ; этой партіи держался патріархъ и она имѣла въ виду двухъ кандитовъ: князя Василья Галицына и 14-лѣтняго Михаила Романова. Но другія двѣ партіи были сильнѣе; низшее народонаселеніе (Ляпуновъ) хотѣло Лжедимитрія, но бояре и всѣ лучшіе люди московскіе никакъ не могли согласиться принять вора, который приведетъ въ думу своихъ тушинскихъ и калужскихъ бояръ, окольничихъ и дворянъ думныхъ, который имѣнье богатыхъ людей отдастъ на разграбленіе своимъ казакамъ и шпынямъ городскимъ, своимъ давнимъ союзникамъ. Бояре, составлявшіе верховную думу (Милославскій), пожелали возвести сына польскаго короля Владислава. Патріархъ все настаивалъ на избраніи русскаго православнаго царя и захотѣлъ убѣдить народъ примѣромъ изъ исторіи: „Помните, православные! что Карлъ въ великомъ Римѣ сдѣлалъ?“ — Но народу было не до Карла и не до великаго Рима. „Всѣ люди посмѣялись, говоритъ современникъ, заткнули уши чувственныя и разумныя и разошлись“. Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ и партія Владислава взяла верхъ. Бояре вступили въ переговоры съ гетманомъ, согласились присягнуть Владиславу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе и кромѣ того было прибавлено: „москов-

скихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и чести не тѣснить и не понижать". Этотъ договоръ опять былъ сдѣланъ одной Москвой, безъ вѣдома другихъ городовъ, и потому нѣкоторые города (Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичъ и Ростовъ) стали снова пересылаться съ самозванцемъ, изъявляя готовность передаться ему. Между тѣмъ московскіе бояре отправили для окончательныхъ переговоровъ къ Сигизмунду торжественное посольство, во главѣ котораго стояли Василій Галицынъ и митрополитъ московскій Филаретъ (отецъ Михаила Романова). Жолкѣвскій получилъ отъ этого двойную выгоду: во первыхъ, это удаляло изъ Москвы главнаго кандидата на престолъ (14-лѣтній Михаилъ не казался опаснымъ), во вторыхъ вліятельнаго и умнаго боярина (Василья Галицына). Съ остальными ему легко было управиться. Онъ повелъ дѣло такъ ловко, что бояре сами впустили въ Москву польское войско, а патріархъ и народъ очень полюбили его. Но когда Жолкѣвскій узналъ, что Сигизмундъ не согласенъ отпустить Владислава и хочетъ московскаго царства для себя самаго, то онъ счелъ неудобнымъ оставаться въ Москвѣ, оставилъ тамъ польскій гарнизонъ, подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, и уѣхалъ. Бояре провожали его далеко за городъ, даже простой народъ платилъ ласкою за ласку; когда Жолкѣвскій ѣхалъ по улицамъ, то москвичи забѣгали впередъ и желали ему счастливаго пути.

Между тѣмъ Сигизмундъ прежде всего требовалъ отъ пословъ сдачи Смоленска. Послѣ упорныхъ и безполезныхъ переговоровъ, король отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго и показывали народу, какъ примѣръ превратности судьбы. Въ тоже время тушинскій

самозванецъ былъ убитъ крещенымъ татариномъ Урусовымъ. Такимъ образомъ положеніе партій измѣнилось; тушинская не имѣла своего кандидата на престолъ, владиславская видѣла, что Владислава ей не дадутъ, да кромѣ того все болѣе и болѣе усиливались вѣсти о желаніи Сигизмунда завоевать Россію; въ самой Москвѣ, послѣ отъѣзда Жолкѣвскаго, поляки поступали совершенно иначе: Гонсѣвскій сталъ жить въ царскомъ дворцѣ, у воротъ стояла польская стража, уличныя рѣшетки были сломаны; русскимъ людямъ запрещено было ходить съ саблями; топоры отбирались у купцевъ, которые выносили ихъ на продажу, у плотниковъ, шедшихъ на работу, запрещено было носить и ножи; боялись, что за недостаткомъ оружія народъ вооружится кольями— и запретили крестьянамъ возить мелкія дрова на продажу. Жолкѣвскій не позволялъ полякамъ буйствовать; теперь же пошло совсѣмъ иначе: жены и дѣвицы подвергались насиліямъ, по вечерамъ побивали людей, которые шли по улицамъ изъ двора во дворъ; къ заутренѣ не только мірскимъ людямъ, но и священникамъ не давали ходить. Москвичи въ свою очередь не оставались въ долгу. „Вездѣ заманя поляковъ на посадъ, въ Деревянный городъ и въ иныя тѣсныя мѣста, или позвавъ въ честь давили и побивали, а пьяныхъ — извощики, приманя на сани, давили и въ воду сажали.“ За поляковъ стояла только одна семибоярщина.

Народъ уже давно смотрѣлъ на борьбу съ поляками съ религіозной точки зрѣнія. Такъ когда еще въ 1608 году поляки нападали на Устюжну, то городъ былъ спасенъ только чудотворной иконой Богородицы. Теперь слухи о желаніи Сигизмунда ввести въ Россіи католичество стали распространяться очень сильно; патріархъ

Гермогенъ сталъ призывать народъ къ защитѣ православія. Политическая дѣятельность земель русскихъ сдѣлалась очень значительна. Города сознали вполнѣ необходимость любви, союза, совѣта и соединенія, извѣщали другъ друга о положеніи дѣлъ, начали переписываться о томъ, чтобы составить общій единомысленный земскообластной совѣтъ. Всѣ главные областные города именуютъ другъ друга братьями, мысль о господствѣ одного города надъ другимъ отброшена. Такъ смольняне пишутъ къ братьямъ своимъ москвичамъ: „гдѣ наши головы? гдѣ жены и дѣти, братья, родственники и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ христовымъ именемъ окупъ, и то все разграблено! Если кто хочетъ изъ васъ помереть христіанами, пусть начнутъ великое дѣло душами своими и головами, чтобъ быть всѣмъ христіанамъ въ соединеніи. Неужели вы думаете жить въ мирѣ и покоѣ? Мы не противились, животы свои всѣ принесли — и всѣ погибли; въ вѣчную работу и латинство попли. Если не будете теперь въ соединеніи, обще со всею землею, то будете горько рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ.“ Москвичи разослали эту грамоту въ разные города, къ господамъ братьямъ, съ приложеніемъ своей увѣщательной грамоты: „смольняне пишутъ, какъ бы намъ видя наконецъ погибель, постигшую всѣхъ насъ, утвердить совѣтъ, какъ бы намъ, всѣмъ православнымъ крестьянамъ, не погибнуть отъ враговъ всего православнаго крестьянства, литовскихъ людей. Бога ради, не презрите нашего рыданія: будьте съ нами обще, за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ за

одно, помните одно: только корепью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только корепья не будетъ, къ чему прилѣпиться"? Такъ какъ въ областяхъ большое значеніе имѣли Повгородъ Великій, Вологда и Нижній Новгородъ, какъ сосредоточіе колонизаціи всѣхъ тамошнихъ земель, то въ грамотахъ своихъ къ господамъ братьямъ москвичи пишутъ: „Бога ради, положите крѣпкій совѣтъ между собою: пошлите въ Новгородъ и въ Вологду и въ Нижній нашу грамоту списавъ, и свой совѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо всею землею — обще стать, покамѣстъ еще свободны". Ляпуновъ отъ имени всей Рязанской и Сѣверской Украйны взывалъ въ „преименитый Новгородъ Нижній всему христіанскому народу. Мы, господа, про то знаемъ подлинно, что въ Москвѣ всему народу гоненіе и тѣснота большая отъ бояръ (семибоярщина), и отъ польскихъ и литовскихъ людей... Да бояре, господа, пишутъ изъ Москвы въ Тулу, чтобъ туляне къ намъ не приставали, и туляне боярамъ потому же отказали и ту боярскую грамоту къ намъ прислали." На это воззваніе рязанскаго и украинскаго народа, областныя общины мало по малу отозвались единогласно отказывать боярамъ, противъ бояръ всѣмъ стоять другъ за друга; креста не цѣловать польскому и литовскому королю, противъ польскихъ и литовскихъ людей стоять за одно, не дѣлать никакихъ сколовъ и заговоровъ, которые бы могли нарушить спокойствіе всѣхъ областныхъ общинъ. И вотъ земскіе люди 25 городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова; къ нимъ присоединились служившіе

прежде у тушинскаго вора казаки подъ начальствомъ Трубецкаго.

Между тѣмъ въ Москвѣ даже почти безоружный народъ сталъ биться съ поляками, такъ что тѣ спаслись только тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ; пожаръ обратилъ въ пепелъ почти всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай городъ, въ которомъ засѣлъ польскій гарнизонъ; его осадили 100,000 русскаго войска. Но предводитель земскихъ дружинъ, Прокопій Ляпуновъ, человѣкъ очень даровитый и энергичный, сдѣлался сильно ненавистенъ казакамъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за буйства и грабежи. Этимъ воспользовался Гонсѣвскій и переслалъ къ казакамъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. Казаки собрались въ кругъ, призвали Ляпунова, и, когда онъ сталъ отказываться отъ грамоты, изрубили его саблями. Со смертью его, земское ополченье растроилось и разошлось по домамъ; а казаки хотя и продолжали осаду, но занимались больше грабежемъ сосѣднихъ областей. Между тѣмъ Смоленскъ былъ наконецъ взятъ Сигизмундомъ, Новгородъ захваченъ шведами, во Псковѣ явился третій Лжедимитрій, а нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины Мнишекъ (жены Лжедимитрія 1)...

Но стремленіе русскихъ людей стоять за одно, быть въ любви, совѣтѣ и въ соединеніи продолжалось. Ярославцы пишутъ въ царствующій преславный градъ Казань ко всѣмъ людямъ казанскаго государства: „казанскому народу ничего того невѣдомо, что здѣсь, подъ Москвою, дѣлается, потому что Казань отъ Москвы мѣсто дальнее“ и извѣщаютъ казанцевъ, что бояре прельстились для удѣ-

ловъ, хотятъ раздѣлить русскую землю на удѣлы. Костромичи тоже писали къ казанцамъ. Писалъ къ нимъ и келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ: „хотя буде и есть въ вашихъ предѣлахъ которые недоволы, Бога ради, отложите то на время, чтобь обь одномъ всѣмъ вамъ съ нами положить подвигъ свой“... Получивъ столько увѣщательныхъ грамотъ, казанцы наконецъ послушались, рѣшили на своемъ земскомъ совѣтѣ присоединиться къ общему союзу и совѣту. Въ крестоцѣловальной записи своей казанцы, мурзы, служилые новокрещены, и татары, и чуваши, и черемисы, и вотяки и всѣ люди казанскаго государства обязывались въ своемъ совѣтѣ всѣ за одно стоять противъ бояръ. Въ свою очередь теперь казанцы пишутъ пермичамъ, приглашая ихъ къ общему совѣту: „мы, господа, выслушавъ съ патріаршей грамоты списокъ, приговорили со всею землею казанскаго государства, что отнюдь не хотѣть на царство проклятаго маринкина сына; а буде казаки станутъ выбирать на московское государство того маринкина сына, или кого другаго, по своему произволу, не согласясь со всею землею, и намъ того государя на московское государство не хотѣть, и противъ него стоять всѣмъ казанскимъ государствомъ, а выбрать бы на московское государство, сославшись со всею землею... И вамъ бы, господа, быть съ нами въ совѣтѣ и въ соединеніи и въ любви, и стоять бы намъ за такое великое дѣло всѣмъ за одно“... Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря грамотамъ архимандрита Троицкой Лавры Діонисія и келаря Палицына, въ народѣ усиливалось религіозное настроеніе и готовность къ защитѣ православной вѣрѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ было ви-

дѣніе одному благочестивому человѣку Григорію; видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдью о покаяніи и очищеніи всего государства; во Владимірѣ тоже было видѣнье. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздерживаться три дня даже и съ грудными младенцами: и по приговору, православные христіане постились; три дня (въ понедѣльникъ, вторникъ и среду) ничего не ѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Въ Нижнемъ, по голосу мясника Козьмы Минина, собралось новое ополченье; начальство надъ нимъ принялъ князь Пожарскій, раненый еще въ первомъ походѣ земскихъ людей подъ Москву. Со всѣхъ сторонъ къ нижегородцамъ стали сходиться служилые люди; составилось многочисленное ополченіе, которое наконецъ двинулось на освобожденіе столицы.

Походъ Пожарскаго испугалъ находившихся въ Москвѣ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Послѣдніе потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ уговорилъ нижегородское ополченье воротиться назадъ. Тотъ въ отвѣтъ только благословилъ русскую рать и проклялъ измѣнниковъ. Тогда, какъ говорятъ, его уморили голодомъ. Казаки, остававшіеся подъ Москвою, чуть было не рушили земскаго дѣла; къ счастью одинъ изъ нихъ, хотѣвшій убить Пожарскаго, промахнулся ножемъ и убилъ другаго. Атаманъ Заруцкій, подославшій убійцу, утелъ съ своими шайками на юго-востокъ. Подойдя къ Москвѣ, Пожарскому удалось, послѣ трехдневной битвы, отбить гетмана Ходкѣвича, шедшаго на

помощь къ польскому гарнизону. А вслѣдъ за тѣмъ и польскій отрядъ, засѣвшій въ Кремлѣ, долженъ былъ сдаться отъ ужаснаго голода. Король Сигизмундъ, шедшій къ нему на помощь, дорогою узналъ объ этой сдачѣ и воротился назадъ.

Теперь въ Москвѣ собрался наконецъ великій Земскій Соборъ, и, послѣ долгихъ разсужденій, выбрали наконецъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова; онъ жилъ въ то время съ матерью своею инокинею Маѳою въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, а отецъ его (митрополитъ Филаретъ) былъ въ плѣну у поляковъ. Выбравъ царя, выборные земскіе люди дали ему запись, какая уложена была по совѣту всей земли; по этой записи онъ не могъ, безъ совѣта всей земли, ни начать войны, ни назначить сбора на ратныхъ людей и пр. Великій земскій соборъ 1613 года былъ весьма-родимымъ земскимъ правительствомъ, продолженіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ (съ февраля до половины іюня)... Такимъ образомъ не бояре, а земскіе люди были освободителями отечества; даже совокупившись съ поляками, бояре не могли одержать побѣды, потому что не были въ совѣтѣ не только со всею землею, но и другъ съ другомъ, не могли сдѣлать ни одного дѣла, не поссорившись изъ-за мѣста. Когда нужно было дѣйствовать, каждый изъ нихъ толковалъ только о томъ, что „ниже такого-то ему быть не вмѣстно“...

16.

НОВОЕ УСИЛЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА: ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ.

(Цари: Михаилъ Ѳеодоровичъ, Алексѣй Михайлычъ и Ѳедоръ Алексѣичъ, братъ Петра I-го) (1613—1682 годъ).

Московское государство не съ разу оправилось, послѣ такихъ долговременныхъ смутъ. Воровскіе казаки, оказавшіеся въ смутное время „грубѣе Литвы и нѣмцевъ“, продолжали грабить народъ. По причинѣ разбойническихъ шаекъ, новоизбранный царь ѣхалъ отъ Костромы до Москвы цѣлыхъ полтора мѣсяца. На дорогѣ въ Троицѣ и въ другихъ мѣстахъ царь и мать его говорили всякихъ чиновъ людямъ, съ большимъ гнѣвомъ и со слезами, что воры кровь христіанскую льютъ безпрестанно. И дѣйствительно, казацкія шайки грабили Россію на всемъ протяженіи; къ тому же новгородская область находилась въ рукахъ шведовъ, смоленскую занимали поляки, псковскую разоряли литовскіе наѣздники Лисовскаго, въ поволжскихъ странахъ русскихъ жителей грабили инородцы. Казна была совершенно пуста. Отъ имени царя, духовенства и всего земскаго собора посланы были въ главные города (между прочимъ къ богатымъ купцамъ Строгановымъ) грамоты съ просьбою о присылкѣ въ Москву денегъ, хлѣба и разныхъ запасовъ на жалованье войску.

Главныя силы были отправлены противъ Заруцкаго; этотъ атаманъ вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ засѣлъ въ Астрахани; онъ заставилъ народъ присягнуть ея маленькому сыну отъ Лжедимитрія II и объявилъ себя

правителемъ государства, созывалъ къ себѣ на службу казаковъ, ногайскихъ татаръ и просилъ помощи у персидскаго шаха. Но сами астраханскіе жители возстали противъ него, и царскимъ ратнымъ людямъ удалось захватить его въ плѣнъ на Яикѣ (1614 г.). Заруцкій и сынъ Марины были казнены, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ; такъ погибъ „воръ съ ворухой и воренкомъ", какъ ихъ называли тогда. Но казаковъ еще много оставалось внутри государства; воеводы постоянно доносили: „тамъ и тамъ стояли казаки, пошли туда-то, села и деревни раззорили и повоевали до основанія, крестьянъ сженныхъ видѣли мы больше семидесяти человѣкъ, которые померли отъ мученья и пытокъ, кромѣ замерзшихъ". Но мало по малу шайки были разбиты, наконецъ и неутомимый литовскій разбойникъ Лисовскій внезапно померъ (1616). Россія была совершенно разграблена, на громадныхъ разстояніяхъ путешественники не находили ни одного селенья, или же совершенно опустѣлыя деревни; прежде чѣмъ войти въ избу, они должны были вытаскивать изъ нея трупы мужиковъ, убитыхъ казаками; но скоро невыносимый смрадъ выгонялъ путниковъ изъ избы и заставлялъ ихъ ночевать на ужасномъ морозѣ, который такъ удивлялъ иностранцевъ. Медвѣди и волки цѣлыми стаями бродили по дорогамъ и нерѣдко нападали на деревни и разгоняли жителей...

Разграбленной Россіи предстояли еще тяжелыя войны съ Швеціей и Польшей. Шведы принудили новгородцевъ присягнуть на подданство своему королю. Московское войско, посланное противъ нихъ, было разбито, но когда шведы хотѣли продолжать завоеванья и король ихъ Густафъ Адольфъ осадилъ Псковъ, то осада

не удалась. Поэтому наконецъ при посредничествѣ торговыхъ народовъ (англичанъ и голландцевъ) удалось заключить миръ въ Столбовѣ (1617 г.); шведы возвратили Москвѣ Новгородъ, Ладогу и нѣкоторые другіе города; но обязали русскихъ заплатить 20,000 рубл. и удержали за собою все захваченное ими прибрежье Финскаго залива. Шведскій король хорошо понималъ важность этаго: „слава Богу — сказалъ онъ шведскимъ государственнымъ людямъ—Россія теперь отрѣзана отъ Балтійскаго моря, и есть надежда, что русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“.

Теперь Россіи оставалась одна, но самая опасная война съ Польшей. Королевичъ Владиславъ, все еще считавшій себя московскимъ царемъ, нѣсколько разъ подступалъ даже къ самой Москвѣ (къ нему присоединился еще малорусскій гетманъ Сагайдачный). Къ тому же надъ Москвой появилась страшная комета: „быть Москвѣ взятой Владиславомъ“ — думалъ Михаилъ. Тѣмъ не менѣе онъ созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и „всякихъ чиновъ людей“; всѣ они единодушно дали обѣтъ крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего государя. Приступы поляковъ къ воротамъ столицы были отбиты; нападенье на Троицкую Лавру тоже не удалось. Тогда Владиславъ началъ переговоры и наконецъ заключено было перемирье на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (1618 г.): Смоленскъ и часть Сѣверской земли осталась за Польшей. Плѣнные были размѣнены и въ Россію возвратился отецъ государя митрополитъ Филаретъ. Не смотря на перемиріе, отношенія между Москвою и Польшей были враждебны; поляки по прежнему не признавали Михаила царемъ, а Владиславъ именовался царемъ и великимъ княземъ

московскимъ. Кромѣ того, московское правительство не могло забыть потери Смоленска и другихъ русскихъ городовъ, и мало-по-малу готовилось къ войнѣ, наняло нѣсколько тысячъ иноземныхъ солдатъ, выписало изъ-за границы большіе запасы оружія и поручило даже иностранцамъ учить русскихъ ратныхъ людей, и наконецъ, когда послѣ смерти Сигизмунда III въ Польшѣ настало междуцарствіе, поспѣшило воспользоваться этимъ и начало войну. Но война была неудачна и кончилась ничѣмъ; Смоленскъ опять остался за Польшей, да кромѣ того русскіе заплатили 20,000 р., однакожъ Владиславъ на этотъ разъ отказался отъ своихъ правъ на польскій престолъ (1634 г.). За то Москва съ лихвой вознаградила себя тридцать лѣтъ спустя, при сынѣ Михаила, Алексѣѣ Михайловичѣ, когда къ Москвѣ былъ присоединенъ не только Смоленскъ, но и часть Малороссіи.

Мы говорили, что вся югозападная Русь (Кіевъ) подпала, послѣ монгольскаго нашествія, частью подъ власть Литвы, частью подъ власть Польши. Польша постоянно стремилась соединиться съ Литвою, и это соединеніе окончательно постановлено на люблинскомъ сеймѣ 1569 года; но это было только внѣшнимъ соединеніемъ; тѣсному сближенію русскаго и польскаго населенія мѣшало различіе въ религіи, и главное стремленіе поляковъ вытѣснить греческую вѣру католической. Сначала эти попытки были довольно слабы тѣмъ болѣе, что въ это время въ Польшѣ распространялся протестантизмъ, подкапывавшій католицизмъ и вообще всякій авторитетъ. Послѣдователи его заступались и за простой народъ. А такъ какъ паны имѣли всю политическую власть въ своихъ рукахъ, то они и призвали къ

себѣ на помощь противъ протестантовъ езуитовъ (въ концѣ XVI в.) Первымъ дѣломъ ихъ было ослабленіе протестантизма, заведеніе своихъ школъ, въ которыхъ съ раннихъ лѣтъ пріучали къ аристократизму, къ различію сословій. Прямымъ послѣдствіемъ іезуитскаго воспитанія была страшная порча вкуса и ничтожество литературы; духъ изслѣдованія былъ подавленъ; наука превратилась въ не пригодную ни къ чему школьную ученость. И чѣмъ безплоднѣе становилась литература, тѣмъ она становилась педантичнѣе и недоступнѣе для народа. Ослабивъ протестантовъ, іезуиты обратились теперь противъ православныхъ, стараясь всѣми силами обратить ихъ въ католицизмъ. Русскіе паны мало-помалу стали принимать католицизмъ и совершенно ополячивались; только немногіе изъ нихъ явились усердными защитниками православія, подобно князю Константину Острожскому. За то простопародье крѣпко держалось православія. Для борьбы съ католицизмомъ помогли русскимъ много различныя б р а т с т в а, которымъ восточные патріархи предоставили многія права и привилегіи (напр. право обличать отступавшихъ отъ православія и даже отлучать отъ церкви). Братства заводили на свой счетъ православныя школы и типографіи для печатанія славянскихъ и греческихъ книгъ.

Но медленныхъ успѣховъ іезуитамъ было мало; чтобъ католизировать средній и низшій классъ, они стали хлопотать объ у н і и, т. е. о соединеніи русской и латинской церкви подъ верховной властью папы. Такъ какъ польское правительство покровительствовало уніи, то тѣ православные епископы, которымъ хотѣлось такихъ же правъ, которыя имѣло католическое духовенство (напр. право засѣдать въ польскомъ сенатѣ вмѣ-

стѣ съ магнатами), согласились на унію и отъ имени всѣхъ епископовъ просили папу принять русскую церковь подъ свою власть (1595 г.). Съ тѣхъ поръ русскій народъ въ Западной Руси раздѣлился на уніатовъ и православныхъ; правительство помогало первымъ и притѣсняло послѣднихъ. Это усилило дѣятельность православныхъ; они еще болѣе старались заводить свои школы (Кіевская Академія), издавать книги и пр.

Рядомъ съ угнетеніемъ религіи шло угнетеніе простаго народа. Польская шляхта поступала съ нимъ точно также, какъ и русскіе бояре въ московскомъ государствѣ, но отличалось отъ бояръ бо́льшими правами и бо́льшимъ политическимъ образованіемъ, потому и власть короля въ Польшѣ была почти ничтожна. Притѣсняемые іезуитами и панами, крестьяне бѣжали частью въ сосѣднія московскія земли, частью шли въ казаки. Къ притѣсненіямъ езуитовъ и пановъ стали присоединяться притѣсненія отъ жидовъ желавшихъ нажиться на счетъ народа (жиды брали на откупъ даже церкви православныхъ), отдавая населенныя имѣнья жидамъ въ аренду, паны нерѣдко передавали имъ даже право казнить смертью тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали отъ ихъ насилій; кромѣ того крестьяне терпѣли разныя насилія отъ жолнеровъ (польскихъ наемныхъ войскъ), которыхъ ставили по областямъ и тѣ должны были содержать ихъ.

Бѣглые крестьяне югозападной Руси сильно содѣйствовали развитію малороссійскаго казачества, жившаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Малороссійскіе казаки (черкасы) раздѣлялись на „городовыхъ“, жившихъ осѣдло и семьей, и „низовыхъ“ или „запорожскихъ“, которые уже жили однимъ грабежемъ турецкихъ владѣній и крымскихъ татаръ. Такимъ образомъ воинственные ка-

заки служили польскому государству защитой отъ опасныхъ ордъ. Но такъ какъ вслѣдствіе побѣговъ крестьянъ, казачество постоянно усиливалось, то польскіе короли старались его ослабить: раздѣлить на „реестровыхъ“ казаковъ съ гетманомъ во главѣ (съ тѣмъ чтобъ ихъ было только 6000 ч), а остальныхъ обратить въ крестьянъ. Но гетманы часто обходились безъ согласія короля и даже дѣйствовали противъ его воли. Запорожскіе же казаки составляли совершенно вольное сословіе, принимали всѣхъ бѣглыхъ, рѣшали всѣ дѣла радой (вѣчемъ), которая на случай войны выбирала главнаго атамана („кошеваго“) и во время похода онъ пользовался неограниченной властью. Запорожцы находились въ тѣсной связи съ донскими и малороссійскими казаками, и постоянно ходили на Черное море „добывать зипуновъ“.

Польша, угрожаемая Турціей, старалась силою удерживать казаковъ отъ этихъ походовъ, и даже строила свои крѣпости около пороговъ. Это только усиливало неудовольствіе казаковъ; когда же къ этому присоединилось преслѣдованіе православія *) и угнетеніе простаго народа, тогда впродолженіи пятидесяти лѣтъ (1594—1638 г.) казаки постоянно дѣлали возстанія. Каждое возстаніе велось съ страшною жестокостью съ обѣихъ сторонъ. Но регулярныя польскія войска обыкновенно одерживали верхъ надъ казаками, и смѣлые атаманы ихъ

*) Малороссы не любили уніи, и уніатскимъ священникамъ сильно доставалось отъ нихъ и въ мирное время. Такъ въ Кіевѣ митрополита кіевскаго Потея хватили саблею по шеѣ, убить не удалось, но отрубили два пальца. Въ Видубецкомъ монастырѣ православные схватили уніатскаго архимандрита и утопили въ Днѣпрѣ. Въ Шарогородѣ убили протопопа уніата, и т. д.

(Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ, Остраница) подвергались лютымъ казнямъ и Малороссія подпадала еще большему гнету. При возстаніи Павлюка, казаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпѣли пораженіе: около 3000 ихъ пало въ таборѣ; ни одинъ не просилъ помилованья, былъ слышенъ только голосъ, что надо умереть всѣмъ; если полякъ падалъ съ лошади, то казаки сбѣгались и рвали трупъ на куски. „Съ этого времени (1638 г.) всякую свободу у казаковъ отняли, тяжкія и необычайныя подати наложили, церкви и обряды церковные жидамъ запродали, дѣтей казацкихъ въ котлахъ варили, женамъ груди деревомъ вытискивали.“ Крымцы, не останавливаемые казаками, теперь безпрепятственно опустошали польскія владѣнія. Къ Москвѣ перебѣгало много не только запорожцевъ, но и пашенныхъ мужиковъ „невольниковъ.“ Польскій посолъ жаловался Алексѣю Михайловичу: „теперь у Конецпольскаго, Вишневецкаго и другихъ перебѣжало въ царскую сторону съ 1000 человѣкъ, а у насъ трехъ тысячъ съ 15.“ Въ мятежахъ Тараса, Павлюка и Остраницы участвовалъ, между прочимъ, Богданъ Хмельницкій, человѣкъ воспитанный езуитами, любившій свою родину, но не такъ самоотверженно преданный ей, какъ Тарасъ и другіе; Богданъ помогалъ имъ, но не стоялъ во главѣ возстанія, и когда зачинщики расплачивались за свою смѣлость на плахѣ или на колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. При случаѣ онъ даже дѣйствовалъ противъ своихъ соотечественниковъ. Этого Хмельницкаго обстоятельства поставили во главѣ новаго движенья.

Недалеко отъ Чигирина у Хмельницкаго былъ хуторъ Суботово; по сосѣдству жилъ польскій шляхтичъ,

который „гдѣ случится ему видѣться или говорить съ православнымъ священникомъ, то никогда не оставитъ его не обезчестивши, волосъ и бороды не вырвавши и палкою реберъ не пересчитавши.“ Этому-то шляхтичу захотѣлось завладѣть Суботовымъ и однажды со слугами своими напалъ онъ на него, пожегъ на гумнѣ хлѣбъ, овладѣлъ женою Богдана и такъ высѣкъ его сына, что тотъ вскорѣ померъ. Самъ Хмельницкій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ жаловался сначала въ Чигиринѣ, потомъ въ Варшавѣ, но не нашелъ защиты. Хмельницкій обратился къ королю Владиславу. Тотъ хотѣлъ при помощи казаковъ усмирить шляхту и увеличить свою власть. Король сказалъ Хмельницкому, что онъ безсиленъ и посовѣтовалъ казакамъ отыскивать свои права саблею. Хмельницкому даны были отъ короля привиллегіи, возвращавшія казакамъ прежнія права — свободный судъ, право избранія чиновниковъ и увеличеніе реестроваго войска до 12000 человѣкъ. Кромѣ того, король дозволилъ казакамъ плавать по Днѣпру и Черному морю и поручалъ имъ немедленно построить 600 чаекъ и напасть на Турцію. Подъ предлогомъ войны съ Турціей король хотѣлъ создать преданное себѣ войско. Но замыслы Владислава рушились въ томъ же году. Хмельницкій между тѣмъ, благодаря этимъ обстоятельствамъ, сдѣлался гетманомъ и началъ возстаніе противъ пановъ. Онъ не имѣлъ какого-нибудь опредѣленнаго плана, онъ не былъ полнымъ представителемъ своего народа, который въ то время готовъ былъ умереть, но не мириться съ ляхами.

Возстаніе началось блестящимъ образомъ для казаковъ; польскія войска дважды были совершенно разбиты (1648 г.). Вслѣдъ за тѣмъ поднялась вся Ук-

райна, хлопы составили множество гайдамацкихъ отрядовъ („загоновъ“), стали въ свою очередь грабить и разрушать господскіе замки, жечь католическія церкви и замучивать до-смерти жидовъ-арендаторовъ. Паны должны были бѣгствомъ спасаться отъ смерти; а самые богатые съ своими отрядами отплачивали народу тѣмъ же. Такъ богатый панъ Іеремія Вишневецкій поступалъ съ народомъ со всей ненавистью новаго отступника къ старой вѣрѣ и притомъ вѣрѣ хлопской. Напавши въ расплохъ на мѣстечко Погребище, онъ перемучилъ его жителей, особенно православныхъ священниковъ; оттуда онъ пошелъ къ принадлежавшему ему городу Немирову. Жители затворились было отъ своего пана, но онъ взялъ городъ приступомъ, виновники возстанія погибли въ ужаснѣйшихъ мукахъ: „мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ!“ кричалъ Вишневецкій палачамъ. „Людей (Вишневецкій) сталъ мучить, головы отсѣкать, на колъ сажать, въ каждомъ городѣ среди рынка висѣлица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попамъ нашимъ глаза просвѣрливалъ буравомъ“. Въ это время король Владиславъ померъ; во время междуцарствія въ Польшѣ произошли новыя смуты и время для освобожденія Малороссіи было самое удобное...

Къ несчастью, отсутствіе опредѣленнаго плана у Хмельницкаго, его желаніе не раздражать Польши, чтобы въ случаѣ неудачи все таки получить „старовство черниговское“ всего болѣе повредили дѣлу. У него подъ рукою было многочисленное войско, горѣвшее нетерпѣньемъ кончать ляхівъ; у поляковъ же войска вовсе не было, потому что старое войско было истреблено, а собрать новое было трудно и оно собиралось

очень лѣниво. „Если нѣсколько тысячъ казаковъ— пишетъ Кисель —уничтожили наше войско (при Корсунѣ), то чего ждать теперь, когда ихъ 100,000, а послѣ будетъ и вдвое больше?“ Изъ польскаго лагеря писали своимъ: „иностранное наше войско сильно уменьшается; ратныхъ людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостью, а только деньгами.... Между этою Русью трудно достать шпіона: все измѣнники! а ежели добудутъ языка (плѣннаго), то хоть жги, правды не скажетъ!“ Вся Польша трепетала. Казаки требовали, чтобъ ихъ вели подъ Варшаву. Этотъ походъ могъ навсегда освободить Малороссію, но Хмельницкій не рѣшился на это, а пошелъ нехотя на Волынь и Полѣсье. Между тѣмъ въ Польшѣ былъ избранъ новый король Янъ Казиміръ, который —какъ надѣялся Хмельницкій —могъ замѣнить для него Владислава. Притомъ же у самаго Хмельницкаго не было ничего твердо-рѣшеннаго. Подъ вліяніемъ минуты онъ думалъ о союзѣ съ Польшей, съ Москвой и Турціей, иногда мечталъ о самостоятельной Малороссіи. Когда Казиміра выбрали въ короли, Хмельницкій вдругъ, по одному письму короля, отступилъ отъ Замостья; этому внезапному отступленью удивились поляки, а еще больше татары, союзники казаковъ. Но Хмельницкій отвѣчалъ: „я подданный и слуга короля, а потому повинуюсь его повелѣнію.“ Но, возвратившись въ Малороссію, Хмельницкій нашелъ тамъословъ къ нему изъ Москвы, Крыма, Турціи, Молдавіи и Трансильваніи. Успѣшная война казаковъ обратила на нихъ вниманіе всѣхъ сосѣдей. “Хмельницкій гуллялъ на радостяхъ, пировалъ день и ночь, какъ подопьетъ—пѣсню затянетъ. Безпрестанно мѣнялся; то ласковъ, то вдругъ суровъ; то

со всѣми за панибрата, то вдругъ никого къ себѣ не подпускаетъ; усердно молился Богу, раздавалъ богатые дары по церквамъ и въ тоже время ежедневно разспрашивалъ колдуновъ и колдуней о будущемъ." Пріѣхали и польскіе коммисары объявить казакамъ прощенье, вручить „благородному Богдану Хмельницкому, вѣрпому слугѣ короля и рѣчи посполитой" знаки гетманскаго достоинства и заключить миръ. Но гетманъ принялъ ихъ сурово. Въ пьяномъ видѣ онъ сказалъ имъ: „ничего изъ этаго не выйдетъ; война должна начаться недѣли черезъ три или четыре: поверну васъ всѣхъ ляховъ вверхъ ногами и потопчу такъ, что будете подъ моими ногами, и на послѣдки отдамъ васъ царю турецкому въ неволю".... Янъ Казиміръ самъ выступилъ на казаковъ съ войскомъ, казаки разбили его, завладѣли всѣмъ польскимъ лагеремъ, разсѣяли наконецъ охранительную стражу короля; оставалось только взять короля въ плѣнъ. Вдругъ Хмельницкій приказалъ остановить битву; „онъ не хотѣлъ, чтобы монархъ христіанскій достался въ бусурманскую неволю." Заключенъ былъ Зборовскій договоръ, и на довольно жалкихъ условіяхъ. Число казаковъ ограничено до 40,000 ч.; всѣ же остальные хлопы, бывшіе въ войскѣ, должны были снова сдѣлаться крѣпостными и опять работать на тѣхъ пановъ, которыхъ они прогнали и побѣдили. Хмельницкій присягнулъ королю, извинялся передъ нимъ за казаковъ; что у него самаго „и въ мысляхъ не было поднимать оружія противъ его величества, государя милостиваго и невиннаго въ страданіяхъ казаковъ," а что казаки сами—собой такъ пошутили немножко.

Но ни хлопы, ни паны, ни самъ король не думали

исполнять Зборовскаго договора. Казиміръ впослѣдствіи самъ объявилъ московскимъ посламъ: „ему, королю, какъ стерпѣть, что подданный его, самый худой человѣкъ, хлопъ, пишетъ, чтобъ сдѣлать по его хотѣнью?“ — Чтобъ принудить казаковъ исполнять ненавистный миръ, Хмельницкій долженъ былъ принимать противъ народа самыя строгія мѣры, казнить, вѣшать, сажать на колъ и пр. „И чрезъ это имя его стало для многихъ предметомъ омерзенія.“ Сладить съ народомъ не было возможности; нѣкоторые даже прислали къ Хмельницкому депутацію, что если онъ будетъ еще казнить народъ, то они выберутъ другаго гетмана, „который лучше постоитъ за нихъ.“ Такимъ образомъ Хмельницкій вовлеченъ былъ народомъ въ новую войну. На этотъ разъ поляки разбили казаковъ, но самая побѣда показала имъ, что имъ никогда не покорить Малороссіи. Въ глазахъ поляковъ казаки потопили золото, и серебро. „Знайте, что свобода для казака всего дороже.“ Когда король приказалъ сказать одному казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь. „Я гнушаюсь жизнью (отвѣчалъ тотъ) — хочу умереть, какъ истинный казакъ!“ Нѣкоторые отряды русскихъ силились бѣжать, но „подламывались ихъ ноги и, спасаясь отъ враговъ, они заползали въ кусты какъ подстрѣленныя птицы, желая по крайней мѣрѣ умереть не въ рукахъ непріятеля. Король приказалъ подбирать ихъ и кормить изъ состраданія, „потому что хотя они были и не дворяне, но все таки подданные, годные для того, чтобы служить дворянству, „но русскіе съ омерзеніемъ отворачивались отъ собственнаго хлѣба, который теперь предлагали имъ побѣдители, и разбивали головы о пни и камни“.

Несмотря на пораженье, народъ готовъ былъ геройски вести войну; а Хмельницкій снова вступилъ въ переговоры съ поляками и заключилъ при Бѣлой церкви миръ еще позорнѣе зборовскаго. Народъ выразилъ самое ожесточенное негодованіе на этотъ договоръ. Напрасно посолъ Кисель, выглядывая изъ своего экипажа, говорилъ толпѣ съ кротостью: „мы не ляхи, друзья мои; я русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши.“ „Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ!“ отвѣчали ему казаки. Они чуть не перебили всѣхъ пословъ такъ, что самъ Хмельницкій съ немногими приверженцами долженъ былъ день и ночь охранять ихъ. Народъ могъ помириться съ поляками только на условіяхъ „искренняго и братскаго мира“. По бѣлоцерковскому же договору число реестровыхъ казаковъ было уменьшено до 20,000, и вообще положеніе Малороссіи сдѣлалось такое же, какъ до возстанія. Казаки и особенно крестьяне стали толпами перебѣгать въ сосѣднія московскія украйны, такъ что пустынныя до тѣхъ поръ мѣста заселены были малорусскими выходцами (Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др.). Самъ Хмельницкій, еще прежде переговаривавшійся съ московскимъ дворомъ, послѣ бѣлоцерковскаго трактата началъ еще сильнѣе просить царя принять Малороссію въ свое подданство. Точно также въ Смоленскѣ, Оршѣ, Минскѣ, Могилевѣ и въ другихъ городахъ православные готовы были отдѣлиться отъ Польши и говорили: „когда у поляковъ съ черкасами (казаками) будутъ бои и станутъ поляки черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, поднимемся на поляковъ и сдѣлаемъ у себя такихъ Хмельницкихъ десять человѣкъ, а войска 100,000 и станемъ Польшу и Литву воевать для того: если

поляки черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ поляковъ стоять и биться, пока нашей мочи будетъ." Московскіе послы приняли на себя роль посредника между казаками и Польшей, и потребовали отъ поляковъ подтвержденія зборовскаго договора; тѣ, разумѣется, отказали. Кромѣ того, послы требовали у короля смертной казни виновнымъ въ умаленіи титула и приводили въ примѣръ персидскаго шаха, который прислалъ царю на смертную казнь виновнаго въ прописке титула. Тѣ отвѣчали, что пускай прежде царь казнитъ патріарха за то, что ставилъ поповъ въ королевскую сторону.... Тогда Алексѣй Михайловичъ собралъ въ Москвѣ земскій соборъ и на немъ рѣшено было объявить войну Польшѣ и принять Малороссію (1653 г.). На слѣдующій годъ торжественное московское посольство отправилось въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада и, по предложенію Хмельницкаго, присягнула московскому царю. Главныя условія присоединенія были слѣдующія: число постояннаго войска назначено въ 60,000 ч.; казаки сами выбираютъ себѣ гетмана, который имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ; въ городахъ правители должны быть изъ малороссіянъ, они же собираютъ доходы и пр. Впрочемъ многіе въ Малороссіи и не желали союза съ Москвою; такъ напр. тамошнее духовенство, которое было совершенно самостоятельно, а теперь должно было подчиниться московскому патріарху; другіе боялись въ московскихъ боярахъ найти новыхъ пановъ; не нравилось также преслѣдованіе брадобритія и табаку. Но какъ бы то ни было, украйнскіе города и всѣ малороссійскія полки присягнули московскому царю.

Теперь Москва начала войну съ Польшей. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, взялъ Смоленскъ; и другіе города сдавались ему одинъ за другимъ. Главной причиной успѣха былъ то, что онъ велъ войну по новому образцу, бралъ земли милостью и жалованьемъ царскимъ: даже тѣ, которые не хотѣли сдаваться, отпускались безпрепятственно. Не только простой народъ, но и шляхта переходила къ нему, даже служилые люди, которые не надѣялись получить своего жалованья отъ Рѣчи Посполитой. Завоеваннымъ городамъ давались льготныя грамоты: могилевцамъ жить подъ магдебурскимъ правомъ, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, не выселять ихъ въ другіе города; дворы ихъ освобождены отъ военнаго постоя; позволено было выбирать изъ черни людей для завѣдыванія приходами и расходами городскими; обѣщено не допускать поляковъ ни къ какой должности въ городѣ; казаки могли жить только по дѣламъ службы. Подобныя грамоты даны и другимъ покорившимся городамъ.... Однако вскорѣ оказалось обратное явленье: населенье стало говорить: „жаль, вмѣсто воли въ пущую неволю попали;“ русскіе ратные люди свирѣпствовали подъ Смоленскомъ и въ другихъ мѣстахъ, насиливали женщинъ, убивали мужчинъ, чтобъ не было на нихъ челобитчиковъ. Пашенные крестьяне въ Литвѣ, чтобъ не платить податей, записывались въ казаки, а воеводы „выгоняютъ ихъ насильно изъ домовъ, требуютъ податей, рѣжутъ чупрыны, бьютъ кнутами и грабятъ.“ Алексѣй Михайлычъ старался унять эти своеволья и потому ему удалось захватить всю Бѣлую Русь, Вильну, Ковно и Гродно, Волынь и Подолію. Все это онъ хотѣлъ присоединить къ Москвѣ; но московскій патріархъ Никонъ

былъ еще властолюбивѣе Алексѣя Михайловича. „Великій государь патріархъ“ желалъ, чтобъ Алексѣй доискивался еще Варшавы, Кракова и всей Польши. Къ довершенью несчастій, на Польшу съ сѣвера напали шведы, завладѣли Познанью, Варшавой и Краковомъ. Тогда между русскими и шведами началось соперничество изъ за будущей добычи, а поляки постарались воспользоваться этимъ, и при посредствѣ австрійскаго двора, подали Алексѣю Михайловичу надежду, что, послѣ смерти бездѣтнаго Казиміра, они выберутъ московскаго царя на свой престолъ и такимъ образомъ Польша соединится съ Москвою. Тогда царь согласился на перемирье, но удержалъ за собой Малую и Бѣлую Русь. Теперь онъ сталъ воевать со шведами надѣясь захватить прибалтійскіе берега, но война была неудачна и окончилась миромъ, не принесшимъ никакой пользы.

Между тѣмъ въ Малороссіи, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, начались новыя смуты, по поводу выборовъ гетмана; и притомъ же, старшины казацкіе и чиновные люди тянули къ Польшѣ. Надо сказать, что интересы старшины и гетмановъ сильно расходились съ интересами народа; они думали только о наживѣ и власти; Богданъ Хмельницкій боялся собирать раду, которая могла стѣснить его произволъ, даже взялъ съ казаковъ слово, чтобъ сына его сдѣлали гетманомъ... Новый гетманъ, хитрый писарь Виговскій (сенаторъ и гетманъ русскій, а не запорожскій) тоже не довѣряетъ казакамъ, окружаетъ себя иноземцами, даже желаетъ стѣснить казачество... Виговскій передается Польшѣ, но новый гетманъ Брюховецкій опять держится Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается московскимъ боляриномъ и подписывается уже „вѣрнымъ холопомъ и нижайшей

подножкой пресвѣтлаго трона“... Его спрашиваютъ: „чѣмъ успокоить шатость въ малорусскихъ городахъ, которые приняли къ себѣ полковъ“? — На это онъ отвѣчаетъ: „когда эти города будутъ взяты государевыми ратными людьми, то надобно всѣ ихъ высѣчь и выжечь и всячески разорить, также и села около нихъ, чтобъ впредь въ этихъ городахъ и селахъ жителей не было“... Причиной того, что народъ выбиралъ гетманами такихъ людей, которые не вполнѣ сочувствовали ему, былъ конечно недостатокъ образованія въ народѣ, а такъ какъ образованіе — сила, то и гетманами дѣлались люди, воспитанные въ другой средѣ; такъ Хмельницкій былъ воспитанъ езуитами, а Виговской былъ чистый шляхтичъ и пр. Кромѣ того, освобожденію независимой Малороссіи много вредила вражда между казаками и мѣщанами. „Теперь во всѣхъ малороссійскихъ городахъ казаки на мѣщанъ злятся за то, что мѣщане всякія подати въ государеву казну хотятъ давать съ радостью, а казацкихъ старшинъ и казаковъ ни въ чемъ не слушаютъ, говорятъ имъ: „теперь Богъ избавилъ насъ отъ васъ, впередъ вы не будете грабить и домовъ нашихъ раззорять“... Къ тому же присоединялась вражда богатыхъ и чиновныхъ казаковъ съ простыми. Пользуясь самовластіемъ гетмановъ они все болѣе и болѣе пріобрѣтали вліянія на дѣла. Цѣлыя рады составлялись изъ однихъ чиновныхъ. Запорожье соперничало съ городовыми казаками (гетманщиной). Такимъ образомъ, не имѣя достаточно умственныхъ силъ, раздѣленная неравенствомъ сословій, Малороссія, не смотря на свою энергію и мужество, не могла остаться самостоятельной и колебалась между Москвою и Польшей. Московскіе грамотѣи такъ писали о казакахъ: „хотя черкасы исповѣдуютъ вѣру право-

славную, но обычаи и нравы звѣриные имѣютъ; причиною тому одна ересь, не духовная, а политическая, начальники этой ереси — ляхи, а отъ нихъ научились держать ее крѣпко и черкасы и мало не всѣ европейскіе народы; забрали себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы". Въ свою очередь малороссіяне жаловались, что всѣ доходы царь беретъ на себя, что установили новыя пошлины, учредили кабаки, бѣдному казаку нельзя уже водки, меда или пива выпить, а про вино ужъ и не вспоминаютъ! Но до чего дошла московская жадность? Велятъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти"! Въ Малороссіи оказалось раздвоеніе; на лѣвой сторонѣ брали верхъ приверженцы Москвы, а на правой сторонѣ — приверженцы Польши.

Между тѣмъ вторая война Алексѣя Михайловича съ поляками была для него неудачна. Когда Виговской поддался полякамъ, литовскіе города тоже стали переходить въ ихъ руки: рейтары и донскіе казаки, не смотря на приказы воеводъ, не выступали противъ поляковъ „отяжелѣвъ награбленными пожитками, которые нахватали у людей, присягнувшихъ царю". Притомъ долговременная война совершенно истощила силы московскаго государства; ратные люди въ Быховѣ „ѣли траву и лошадей". Русскій воевода въ Вильнѣ защищался очень мужественно, но „былъ большой тиранъ, многихъ людей невинно покаралъ и, на части разсѣкши, изъ пушекъ ими стрѣлялъ, иныхъ на колъ сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рождали младенцевъ". Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ,

большая часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи снова перешли къ полякамъ. Утомленныя войной, Польша и Россія заключили наконецъ перемирье на 13 лѣтъ, по которому Смоленскъ и лѣвый берегъ Малороссіи, Кіевъ — остались за Москвою; западная Украйна перешла къ полякамъ.

Послѣ окончанія войны малороссы стали опасаться, что теперь оба государства Польша и Россія соединятся вмѣстѣ на Малороссію. Гетманъ западной стороны Дорошенко задумалъ было составить изъ Малороссіи особое владѣнье и отдался подъ покровительство Турціи. Лѣвая сторона осталась вѣрна Москвѣ и выбрала своимъ гетманомъ Самойловича. Между тѣмъ султанъ нѣсколько разъ съ огромнымъ войскомъ подступалъ, желая забрать Малороссію, но поляки и русскіе соединились, такъ что турки послѣ долгой войны должны были возвратиться ни съ чѣмъ. Украйна и Запорожье остались за Москвою (1681 г. при Ѳедорѣ Алекс.).. Дорошенко же кончилъ тѣмъ, что взялъ отъ царя вятское воеводство.

17.

ПОЛОЖЕНІЕ НАРОДА. БУНТЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Мы видѣли, въ какомъ раззоренномъ состояніи осталась Россія послѣ смутнаго времени. Въ это время въ два года погибло на войнѣ 300,000 дѣтей боярскихъ, не говоря о разбояхъ и убійствахъ. Воеводы доносили царю Михаилу въ такомъ родѣ: „на Угличѣ ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ; всѣ посланы на твои государевы службы, стрѣльцевъ и воротниковъ нѣтъ ни одного человѣка, только шесть

пушкарей, да и тѣ голодны и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ углицкаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; пороховой казны мало; посадскіе люди отъ кабацкаго недобора и отъ великой дороговизны хлѣба съ женами и дѣтьми побрели розно"!... Поэтому, для облегченія народа, давалось нѣкоторымъ мѣстамъ право выбирать судей всѣмъ посадомъ, какъ при Грозномъ. Такъ въ 1622 г. жители устьяновскихъ волостей били челомъ, что въ прежніе годы у нихъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; а послѣ московскаго раззоренья, какъ начали у нихъ быть прикащики, и имъ отъ этихъ прикащиковъ чинятся налоги и убытки, и отъ этихъ прикащиковыхъ налоговъ и насильствъ и посуловъ они, крестьяне, оскудѣли и подати имъ платить нечѣмъ, хотятъ брести въ розь: пожаловать бы ихъ, впередъ прикащикамъ быть не велѣть, а велѣть быть у нихъ выборнымъ мірскимъ судейкамъ по прежнему, и за то бы ихъ оброкомъ обложить, сверхъ стараго оброка, чтобъ имъ отъ прикащиковыхъ насильствъ, посуловъ и продажъ въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись." Государь исполнилъ ихъ просьбу. Такъ дмитровцы просили, чтобы у нихъ не было воеводы, а одинъ выборный староста. Царь позволилъ. Въ 1641 г. угличане били челомъ: „по твоему государеву указу Угличъ велѣно принять губному старостѣ Павлу Ракову безъ выбору; но этотъ Павелъ молодъ и окладомъ малъ, многія дѣла дѣлаетъ не по уложенью для своей бездѣльной корысти и бражничаетъ: вели государь его отставить и вели быть на Угличѣ бѣжичанину Игнатію Мономахову". Позволено. Въ 1644 г. кашинцы били челомъ: „по твоему госу-

дареву указу велѣно быть у насъ въ губныхъ старостахъ Саввѣ Спѣшиневу: но онъ сраменъ и увѣченъ, руками и ногами не владѣетъ; теперь у насъ въ Кашинѣ воровство, грабежи и убійства многія, насильства великія, а расправы дѣлать некому. Пожалуй, государь, вели быть воеводою Лазареву.“ Дозволено. Царская грамота 1639 г. говоритъ: „вѣдомо учинилось: въ городахъ, приписанныхъ къ приказу Новгородской чети (т. е. четверти, было четыре приказа на всю Россію), въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага, ботвинье, хмѣльное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь, чѣмъ кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; теперь отъ нихъ посадскіе и всякіе люди оскудѣли, и государь указалъ всѣ эти новоприбылые откупа въ городахъ оставить“. Но вѣрно и эти льготы мало помогали; въ 1648 г. новгородцы снова жаловались, что въ Новгородѣ людей осталось немного, иные разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человѣка; изъ оставшихся выбраны къ денежнымъ сборамъ, въ таможенную избу, въ царскія службы, а люди все бѣдные и скудные и впредь къ царскимъ дѣламъ выбрать будетъ изъ нихъ некого“. Челобитныя оканчивались обыкновенно: „пожалуй насъ, сиротъ бѣдныхъ, чтобъ намъ въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись.“ Но и выборные старосты въ XVII в. сдѣлались не лучше прикащиковъ и дьяковъ; потому что выборы производились только богатыми и подъ вліяніемъ воеводъ. Притомъ выборныхъ нельзя было смѣнить раньше срока, и они, стакнувшись съ воеводами и дьяками, собирали съ жителей разные поборы не по закону, а лишнее дѣлили съ приказными людьми. Иногда

даже воеводамъ поручалось защищать народъ отъ выборныхъ („богатыхъ мужиковъ горлановъ“).

Такимъ образомъ и послѣ самозванцевъ положеніе парода было такое же какъ и до нихъ. Великій земскій соборъ съ 1613 г., собранный для „любви, совѣта и соединенія“, былъ собранъ чисто вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, войны литовскихъ и польскихъ людей; волненіе по областямъ произошло не вслѣдствіе распространенія новыхъ знаній, не вслѣдствіе желанія пересоздать весь строй прежней жизни; напротивъ всѣ области, не имѣя лучшаго идеала, крѣпко держались стараго; поэтому и понятно, что послѣ окончанія собора 1613 г. все пошло по прежнему. Правда, нуждаясь въ содѣйствіи крайне раззореннаго народа, правительство давало ему иногда льготы, иногда созывало земскіе соборы, особенно тогда, когда надо было собирать пятую, десятую или двадцатую деньгу. Но на соборахъ простыхъ людей было вчетверо меньше противъ богатыхъ. Духовенство по прежнему говорило, что разсуждать о государскихъ дѣлахъ ему не за обычай. Однажды казаки захватили у крымцевъ Азовъ и били челомъ государю, чтобъ принялъ его „подъ свою высокую руку“. Москвѣ предстояла трудная война съ турецкимъ султаномъ. По этому царь Михаилъ указалъ быть земскому собору (1642 г.). Выборные люди не навыкли смѣло выражать свои мысли. Головы и сотники стрѣлецкіе отвѣчали, что „во всемъ государева воля, а мы холопы его служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ.“ Владимірскіе выборные люди отвѣчали тоже, но прибавили: „а бѣдность нашего города вѣдома ему государю и его боярамъ“. Купцы говорили въ свою очередь: „а торжишки у насъ стали гораздо худы.“ Всѣ

твердили, что они холопы государевы, но вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне и дѣти боярскіе, собранные изъ 16 городовъ, прибавляли: „твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, покупили многія вотчины и построили себѣ много домовъ, палаты каменныя такія, что неудобосказаемыя; при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало; вели, государь, съ ихъ вотчинъ и помѣстій взять ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, а соотвѣтственно ихъ домамъ и пожиткамъ вели съ нихъ взять денегъ ратнымъ людямъ на жалованье... А будетъ тебѣ, государь, казны надобно будетъ скоро, вели, государь, взять патріархову казну и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и епископовъ, и въ монастыряхъ лежачую домовую казну, для такой скорой твоей государевой службы.“ Большинство на соборѣ составляли одни дворяне; изъ 182 ч. однихъ дворянъ было 137 чел., затѣмъ 39 торговыхъ людей, 12 жильцевъ, 10 стольниковъ, 4 стрѣлецкіе головы. Такимъ образомъ самые земскіе соборы и послѣ самозванцевъ не имѣли представителей всего народа, а только купцевъ и дворянъ, а интересы послѣднихъ были очень различны съ интересами народа. Такъ при Михаилѣ же они просили царя окончательно закрѣпить крестьянъ. Торговое сословіе нѣсколько поднялось со временъ Грознаго; въ борьбѣ Шуйскаго съ Годуновымъ московскіе купцы принимали сторону перваго, и когда онъ объявилъ о перемирьи съ Годуновымъ, тѣ отвѣчали: “ты помирился нашими головами“. Тѣмъ не менѣе не только

купцы, но и горожане отдѣляли свои интересы отъ интересовъ крестьянъ. „Уложеніе“ Алексѣя Михайловича составлено подъ вліяніемъ страха городскаго возстанія, съ явными уступками горожанамъ и противъ выборныхъ сельскихъ обычаевъ. Вражда между посадскими людьми и крестьянами доходила иногда до кровопролитья. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича устюжскіе крестьяне жаловались ему, что они „крестьяне у посадскихъ людей во всемъ порабощены, и посадскіе земскіе люди насъ крестьянъ тѣснятъ и вмѣняютъ себѣ вмѣсто рабовъ“. Впрочемъ на земскіе соборы иногда не приглашались даже и горожане изъ областей, а только одни московскіе гости. Соборы имѣли характеръ совѣщательный. Тѣмъ не менѣе, не смотря на отсудствіе представителей отъ крестьянъ, они были полезны; такъ и въ 1842, слыша общія жалобы на бѣдность, царь рѣшилъ не начинать войны и возвратить Азовъ...

Но уже съ сына Михаилова Алексѣя не брали и записи; „письма онъ на себя никакого не давалъ, потому что какъ говоритъ современникъ его разумѣли гораздо тихимъ, потому онъ пишется самодержцемъ и и править по своей волѣ.“ Алексѣй Михайлычъ дѣйствительно былъ человѣкъ довольно мягкій, но все-таки самовластіе не рѣдко должно было высказываться довольно рѣзко. Такъ однажды великій государь отворилъ себѣ кровь, почувствовалъ облегченье и предложилъ тоже сдѣлать и придворнымъ. Всѣ волей-неволей согласились. Не согласился одинъ родственникъ царскій по матери, Родіонъ Сѣшневъ и отказался подъ предлогомъ старости. Алексѣй Михайлычъ вспылилъ: „развѣ твоя кровь дороже моей? Что ты считаешь себя лучше всѣхъ?“

Положеніе крестьянъ со времепъ самозванцевъ тоже нисколько не улучшилось. Напротивъ ихъ закрѣплили за землевладѣльцами все больше и больше. При Михаилѣ русское общество уже до того свыклось съ мыслью о прикрѣпленіи крестьянъ, что указомъ 1640 г. велѣно было возвращать бѣглыхъ къ старымъ землевладѣльцамъ вмѣсто пятилѣтняго срока, въ продолженіи десяти и пятнадцати. Если по суду были на господинѣ какіе иски, и онъ ихъ не платилъ, то взыскивали съ его крестьянъ (указъ 1628 г.). Пока землевладѣльцы не могли еще лишать крестьянъ земли, переводить ихъ во дворъ и обращать въ холопы; не могли продавать одного крестьянина, а только всю деревню; тѣмъ не менѣе, съ каждымъ десяткомъ лѣтъ произволъ помѣщиковъ увеличивается все болѣе и болѣе, они получаютъ право тѣлесныхъ наказаній надъ крестьянами хотя въ жалованныхъ грамотахъ и говорилось, чтобъ „имъ крестьянъ своихъ отъ обидъ и налоговъ остерегати, а подати съ нихъ имати по силѣ, а не черезъ силу“... При Алексѣѣ урочные годы для возвращенія крестьянъ были совершенно отмѣнены: крестьянинъ долженъ всегда возвращаться землевладѣльцу. Это дѣлалось, конечно, по казенной надобности собирать подати, чтобы не было бѣглыхъ, уклоняющихся отъ платежа. „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) говоритъ: „а которые мурзы и татарове въ своихъ помѣстьяхъ начнутъ пустошить и грабить крестьянъ, и налоги и насилія чинить, и отъ ихъ налоговъ, тѣ крестьяне разбѣгутся и тѣмъ мурзамъ и татарамъ за то чинить наказанье, что государь укажетъ.“ Но крестьяне продолжали бѣгать, а землевладѣльцы продолжали ихъ принимать, потому что за бѣглыхъ они не платили податей. Нѣкоторые

помѣщики принимали очень сильныя мѣры для удержанія у себя крестьянъ, крестьяне отвѣчали тѣмъ же: „животы ихъ грабятъ, и дома пожигаютъ, а иныхъ и женъ ихъ и дѣтей до смерти побиваютъ, а раззоря помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, бѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ“; поэтому государь указалъ: „сыскивать бѣглецовъ всякими обычаи, чинить наказанье, бить кнутомъ нещадно, а тѣхъ которые бѣжавъ отъ помѣщиковъ женъ и дѣтей ихъ побили или домы сожгли, казнить смертью и вѣшать, чтобъ впредь инымъ такъ воровать было неповадно“. хотя строгости увеличивались съ каждымъ годомъ, но они не помогали. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича землевладѣльцы стали продавать крестьянъ уже безъ земли. Сначала это было просто злоупотребленьемъ, но потомъ любимецъ царскій боярин Матвѣевъ выхлопоталъ указъ. По уложенію помѣщичьи крестьяне сами распоряжались своею землею, дѣлили ее между собой, могли входить въ сношенія съ казной помимо землевладѣльца; но мало-помалу владѣльцы уже сами стали, черезъ своихъ приказныхъ людей, распоряжаться развыткой крестьянской земли и тяголъ; зависимость крестьянъ дошла до того, что даже на вступленіе въ бракъ крестьяне спрашивали дозволенія у владѣльца. Если помѣщица въ чемъ нибудь провинилась противъ правительства, то вмѣсто нея наказывали ея людей и крестьянъ. Самъ же господинъ имѣлъ возможность наказывать ихъ, когда угодно. Безъ всякаго суда и слѣдствія виновнаго привязывали; онъ самъ снималъ съ себя платье и ложился на брюхо; двое садились ему на голову, двое на ноги и иногда били прутьями до того, что разсѣкалась кожа.

Господинъ даже убивалъ до смерти людей своей дворни; все сходило съ рукъ.

Одинъ изъ современниковъ XVII в. говоритъ, что въ Россіи господа своихъ холоповъ не кормятъ, а даютъ имъ деньги, но такъ мало, что люди, для того чтобъ не умереть съ голоду, должны отважиться на рѣшительныя средства; отъ этого въ Москвѣ частыя убійства и воровство. Богатые жили въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь и имущество. Къ тому же, съ легкой руки Бориса, доносы развились очень сильно. Чтобы отомстить недругу, стоило только подать ябеду, судъ уже окончательно раззорялъ подсудимаго. Иногда же подбрасывали къ недругу вещь, и потомъ подавали челобитную о ея пропажѣ, по обыску находили вещь и подсудимый не только раззорялся отъ суда, но и подвергался пыткамъ. Всего выгоднѣе для ябедника было обвинить своего врага въ нерасположеніи царю. Шпіоновъ было чрезвычайно много, потому что правительство поощряло ихъ и отдавало имъ помѣстья тѣхъ самыхъ людей, которыхъ они уличали. Они вторгались всюду на свадьбы, на похороны и на пиры — иногда даже въ видѣ богомольцевъ и нищей братьи. Такимъ образомъ царь зналъ очень многое, что говорилось его подданными. Общее недовѣріе царствовало всюду. Такъ и въ царскомъ быту передъ каждымъ обѣдомъ каждое кушанье прежде всего долженъ былъ отвѣдывать поваръ; дворецкій приносилъ кушанье къ крайчему, тотъ снова отвѣдывалъ и тогда только царь рѣшался обѣдать. Всякое лекарство прежде отвѣдывалъ докторъ; потомъ правитель аптеки, а послѣ него дядьки государевы. „А что послѣ пріема оставалось, допивалъ опять онъ же Мотвѣевъ на глазахъ государя.“ При-

дворные происки дѣйствительно были дѣломъ не рѣдкимъ. Когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ хотѣлъ жениться на дѣвицѣ Хлоповой и взялъ ее во дворецъ, придворные при первомъ же случаѣ объявили ее неизлечимо больной. Тоже было съ невѣстой Алексѣя Михайловича.

Все управленіе основывалось на страхѣ и насильи. Холопъ служилъ господину, потому что боялся побоевъ, а господинъ въ свою очередь потому же служилъ царю. Воеводы доносятъ о сборѣ податей такимъ образомъ: „я правилъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивая на смерть.“ Народъ, не имѣя возможности стянуть, протестовалъ противъ угнетенія побѣгами, а правительство для прекращенія ихъ все увеличивало наказанія. „Если пѣтчики (люди не явившіеся въ воины) станутъ скрываться, сыскивать ихъ накрѣпко, бить батогами, сажать въ тюрьму на время“ и т. п. Къ тому же люди, посланные для управленія и суда, дѣлали еще большую безурядицу. Сборщики податей, собравъ деньги, пропивали ихъ, и потомъ правежемъ выжимали ихъ съ крестьянъ снова. Воеводы поступали не лучше. Въ Сибири они отбирали у служилыхъ людей жалованье за себя и приказывали имъ роспысываться въ полученіи, а въ случаѣ сопротивленія били. Въ 1649 г. одинъ воевода постоянно ходилъ съ батогомъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая; „я воевода такой-то всѣхъ изподтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать.“ Воеводы ѣздили съ своими людьми по волостямъ, подвергали крестьянъ разнымъ истязаньямъ и вымучивали у нихъ деньги.

Начать дѣло значило давать взятки воеводѣ и приказнымъ, да вдобавокъ быть битому для того, чтобъ дать больше. Не даромъ сложились старинныя пословицы: „судиться — не Богу молиться, поклономъ не отдѣлаешься“. „У нашихъ судей много затѣй“. „Не великъ клочекъ, да въ судъ волочетъ (бумага)“. „Вора ловили, да себя сгубили.“ „Въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму татары, въ Москвѣ бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки“. „Плохо овцамъ, коли волкъ пастухъ“. „Править какъ чертъ болотомъ“. „Судить-рядить не умѣетъ, а бить разумѣетъ“. „Не поятъ, не кормятъ, а спину порютъ.“ Правительство дѣлало иногда безуспѣшные попытки прекратить взяточничество. Такъ при Борисѣ Годуновѣ нѣкоторыхъ дьяковъ возили по городу и сѣкли; причемъ у обвиненнаго висѣлъ на шеѣ мѣшокъ со взяткою (какъ бы съ деньгами), или мѣхъ, или соленая рыба; потомъ преступника ссылали. Искоренить взяточничество могло только совершенное преобразованіе государственнаго устройства, и потому такія мѣры, если онѣ были искренны, помогали очень мало, и судъ оставался въ такомъ видѣ, какъ его характеризуетъ старинная пѣсня:

Онъ (воевода) и судъ даетъ
Все по правдѣ-то:
Онъ и съ правова
Беретъ сто рублей,
Съ виноватова
Беретъ тысячу.
А съ допощика
Что и смѣты нѣтъ!

Судъ по областямъ былъ такъ тяжелъ, что правительство, въ видѣ льготы, давало иногда грамоты, которыя дозволяли имъ судиться не иначе, какъ въ

Москвѣ. Города, ближайшіе къ Москвѣ, еще могли рисковать жаловаться, а остальнымъ оставалось только одно— „брести розно.“ — „Удивительно, замѣчаетъ иностранецъ, какъ люди могутъ выносить такой порядокъ?“ Подати были дѣйствительно тяжки; въ 1646 г. прибавлена пошлина на соль, на каждый пудъ по 2 гривны. Необходимость заставила брать пошлину и съ англійскихъ купцовъ, даже съ табаку, за употребленіе котораго сначала отрѣзывали носы, разрѣшено было и курить его, лишь бы пошлина шла. Избывая податей, многіе таились отъ переписчиковъ и крестьяне съ нѣсколькихъ домовъ собирались въ одинъ; средствомъ избыть повинностей для грамотныхъ тяглыхъ людей былъ переходъ въ подъячіе, чѣмъ увеличивался классъ приказныхъ и еще болѣе отягощался народъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ притѣсненій народъ находился въ очень напряженномъ состояніи. Достаточно было ничтожнаго слуха, чтобы вызвать возстаніе. Безвредные бродяги, бродившіе и жившіе по лѣсамъ, сдѣлались разбойниками, когда ихъ стали насильно ловить и возвращать господамъ. Мало-по-малу „весь міръ закачался“; „уничилась на Москвѣ и по городамъ брань междоусобная и мятежъ.“ Въ 1648 г. былъ мятежъ въ Москвѣ, вслѣдствіе крайняго лихоимства чиновниковъ, назначенныхъ царскими любимцами и родственниками; это, конечно, была просто вспышка народа выведеннаго изъ терпѣнья, но не имѣющаго никакого сознательнаго плана. Убили Плещеева, Чистова, Траханіотова; сдѣлался пожаръ, который скоро дошелъ до главнаго кабака... Народъ бросился туда толпою; всѣ спѣшили черпать вино шапками, сапогами; всѣмъ хотѣлось напиться даровaго вина; забыли и мятежъ, за-

были и тушить пожаръ; народъ взялся пьяный мертвецки и такимъ образомъ мятежъ прекратился, а большая часть столицы превратилась въ пепелъ. Около того же времени вспыхнулъ мятежъ противъ чиновниковъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ; а спустя два года произошло возстаніе въ Новгородѣ и Псковѣ. Псковскій мятежъ продолжался дольше новгородскаго. „Псковичи, выходя изъ города, раззоряютъ домы дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются; груди вытискиваютъ и, горла прорѣзавъ, языки вытаскиваютъ, въ уѣздѣ бьютъ помѣщиковъ“ и пр. Псковичей усмирили силою.

Въ 1662 г. въ Москвѣ былъ новый мятежъ по случаю финансоваго кризиса. 30-лѣтняя война съ Польшей окончательно истощила денежныя силы народа и правительства. Въ 1656 г. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, давъ имъ цѣну серебряныхъ. Но черезъ два года эти деньги стали падать въ цѣнѣ, и дѣло дошло до того, что въ 1663 году за одинъ серебряный рубль давали уже 12 мѣдныхъ! Конечно, по мѣрѣ того, какъ деньги падали въ цѣнѣ, дорожали и товары... А во время крайней дороговизны, отсутствія заработокъ и напряженнаго состоянія народа, всегда появляется множество фальшивыхъ или воровскихъ денегъ. Такъ въ Москвѣ поддѣлкой монеты занимались денежные мастера. Преступниковъ казнили смертью, отсѣкали имъ руки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ. домы и имѣнья брали въ казну. Но жестокости не помогали при неодолимой прелести быстраго обогащенія, къ тому же царскій тесть Милославскій и Матюшкинъ, за которымъ была родная тетка царя по матери, а также и воеводы по городамъ брали

большія взятки и укрывали главныхъ фальшивыхъ монетчиковъ.

Весной 1662 г., послѣ Св. Воскресенья, начали ходить по Москвѣ слухи, что черпь собираетея побить Милославскаго и Шорина за поддѣлку денегъ. О Васильѣ Шоринѣ даже англичане отзывались, что такихъ неправедныхъ судей они и на свѣтѣ не видывали. 25 іюля рано утромъ, на Срѣтенкѣ, собрались мірскіе люди толковать о деньгахъ, а царь въ это время былъ въ селѣ Коломенскомъ. Совѣщанья скоро прекратились. „На Лубянкѣ у столба письмо приклѣепо!“ Вся толпа хлынула на Лубянку смотрѣть, что за письмо? На столбѣ воскомъ приклѣена была бумажка и на ней написано: „измѣнникъ Илья Милославскій, да Ѳедоръ Ртищевъ, да Иванъ Милославскій, да Василій Шоринъ.“ Между тѣмъ изъ земскаго приказа присланы были дворянинъ Ларіоновъ и дьякъ Башмаковъ и сорвали это письмо. Толпа зашумѣла: „письмо надобно всему міру!“ Громче всѣхъ кричалъ стрѣлецъ Кузьма Нагаевъ: „православные христіане! постойте всѣмъ міромъ: отвезутъ письмо къ Ильѣ Милославскому, такъ это дѣло и изойдетъ.“ Міръ двинулся вслѣдъ за Ларіоновымъ и Башмаковымъ, нагнали, схватили Ларіонова за лошадь и за ноги и взяли письмо. Тогда толпа двинулась назадъ на Лубянку къ церкви св. Ѳеодосія. Тутъ Нагаевъ сталъ на лавку, читалъ письмо всѣмъ вслухъ и прибавилъ, что надобно за это всѣмъ стоять. Съ Лубянки пошли къ земскому двору; тутъ поставили скамью, и началъ читать опять Нагаевъ, а по другую сторону читалъ какой-то подъячій. Потомъ народъ пошелъ въ Коломенское къ государю.

Царь былъ у обѣдни, праздновалъ рожденье своей

дочери; взглянувъ въ окно, онъ увидалъ, что толпы народа (гилевщики) идутъ въ село и на дворъ, безъ оружія, но съ крикомъ и шумомъ. Государь догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ Милославскимъ и Ртищеву спрятаться у царицы и царевенъ, а самъ остался въ церкви дослушать обѣдню: царица, царевичи и царевны сидѣли запершись въ хоромахъ ни живы, ни мертвы отъ страха. Гилевщики не дали царю дослушать обѣдни... Онъ долженъ былъ выйти на крыльцо. Ему поднесли письмо „всею землею“, говоря: „изволь, великій государь, вычесть письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ вывесть передъ себя.“ — „Ступайте домой, отвѣчалъ царь, а я, какъ только обѣдня отойдетъ, поѣду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ!“ — Но гиловщики держали его за платье, за пуговицы и говорили: „чему вѣрить?“ — Царь обѣщался Богомъ, далъ на своемъ словѣ руку и когда одинъ изъ гилевщиковъ ударилъ по рукамъ, то всѣ спокойно отправились въ Москву. А тамъ уже другая толпа занималась грабежемъ Шоринова дома. Старикъ Шоринъ успѣлъ скрыться въ Кремлѣ, въ домѣ кн. Черкасскаго. Народъ поймалъ 15-лѣтняго сына Шорина и повелъ его къ государю въ Коломенское. Царь уже садился на лошадь, чтобы ѣхать въ Москву, когда подвели къ нему молодаго Шорина и тотъ началъ разсказывать заученую сказку, что отецъ отправился въ Польшу и съ боярскими грамотами. Когда мальчикъ кончилъ, въ толпѣ раздались крики: „выдай измѣнниковъ!“ — „Я, государь, — отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ — мое дѣло сыскать и наказанье учинить, а вы ступайте по домамъ: дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои поруками.“ Толпа кричала: „не дай погибнуть на-

прасно!“ — Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами по своему обычаю!“ — кричали другіе и махали палками. Тогда царь обратился къ стрѣльцамъ и придворнымъ и велѣлъ напасть на народъ. Гилевщики приходили вовсе не для драки, и всѣ тотчасъ же бросились бѣжать. Ихъ стали ловить; человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, больше 7000 было перебито и переловлено, тогда какъ настоящихъ гилевщиковъ было не болѣе 200 человѣкъ; остальные пришли изъ любопытства, что̀ будетъ дѣлаться. Перехваченныхъ отвезли въ монастырь къ Николѣ на Угрѣшу и тамъ допрашивали. Главнаго заводчика, кто писалъ письмо и приклеилъ, не нашли, и казнили тѣхъ, кто участвовалъ въ гилѣ: вѣшали, рѣзали ноги, руки, языки и ссылали въ дальніе города. Москва утихла, но жалобы на мѣдныя деньги продолжались и черезъ годъ царь приказалъ ихъ въ расходъ не выдавать. Милославскіе и Ртищевъ остались цѣлы, но царица отъ испуга лежала больна больше года.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича сдѣлался громадный бунтъ въ восточныхъ поволжскихъ областяхъ. Эти земли изобиловали разбойническими казаками, бѣглыми холопами и разными выходцами московскаго государства; понятно, что всѣ они ненавидѣли государство. Одинъ атаманъ разбойнической шайки, смѣлый, крѣпкій и рѣшительный казакъ Стенька Разинъ соединилъ около себя довольно большое число казаковъ. Сначала Стенька прославился разбоями на Каспійскомъ морѣ, при чемъ грабежъ дѣлился по ровну между казаками. Потомъ своею привѣтливостью Стенька чрезвычайно расположилъ къ себѣ толпу, объявилъ, что хочетъ истребить московскихъ бояръ и сталъ уже

нападать на царскихъ воеводъ. Достаточно было ничтожнаго успѣха, чтобы поднялась вся страна. Не только чернь, но и стрѣльцы постоянно переходили на его сторону. Плѣнныхъ ярыжныхъ людямъ Стенька сказалъ: „я пришелъ бить только бояръ и богатыхъ господъ; а вы ступайте, куда хотите; ваша воля“. Всѣ поступили къ нему въ войско. Города сдавались одинъ за другимъ: Царицынъ, Астрахань, Саратовъ, Самара. Мысль о самозванцахъ не умирала все царствованіе Алексѣя Михайловича, и Стенька, идя впередъ, распустилъ слухъ, что при немъ находится царевичъ Алексѣй (недавно умершій) и патріархъ Никонъ (лишенный сана). Иногда же Стенька говорилъ своимъ: „не хочу быть царемъ, хочу быть съ вами, какъ братъ“. Приверженцы его разсѣялись по областямъ московскаго государства, подстрекали простой народъ къ возстанію на бояръ и приказныхъ людей и обѣщали всѣмъ казацкую вольность. Самъ Стенька и его казаки были очень подозрительны и къ духовенству, къ „богомольцамъ царскимъ“. (Атаманъ Васька Усъ подвергнулъ пыткѣ астраханскаго митрополита и велѣлъ сбросить его съ колокольни). Мятежъ быстро охватилъ все пространство между Окою и Волгою; крестьяне убивали помѣщиковъ, въ городахъ чернь свирѣпствовала противъ богатыхъ; возмутились и приволжскіе инородцы (черемисы, чуваши, мордва, татары). Ратные люди, высылаемые изъ Москвы, разбѣгались... Еслибъ Стенька не промедлилъ въ Астрахани и воспользовался переполохомъ, то вѣроятно онъ побывалъ бы въ Москвѣ... Подъ Симбирскомъ его встрѣтилъ уже отрядъ князя Барятинскаго, часть котораго была обучена по европейски. Стенька былъ разбитъ и бѣжалъ на Донъ. Но на Дону его

схватили „домовитые“, т. е. богатые казаки и отослали въ Москву для казни *). Мятежъ скоро былъ задавленъ. Говорятъ, всего погибло до 100,000 чел. Атаманъ и его удальцы сдѣлались предметомъ многочисленныхъ пѣсенъ, народъ до сихъ поръ съ любовью разсказываетъ о немъ разныя преданья.

Положенье народа по прежнему осталось тяжелое; при сборѣ податей крестьяне даже убивали до смерти присланныхъ сборщиковъ. Пять дней крестьянинъ работалъ на господъ, ему оставался только одинъ день въ недѣлю да праздники. Вслѣдствіе продолжительныхъ

*) 1671 г. Въ Москвѣ Стеньку провезли прямо въ приказъ и начали допросъ. Стенька молчалъ. Его повели къ пыткѣ. Первая пытка былъ кнутъ — толстая ременная полоса въ палецъ толщиной и въ пять локтей длиной. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги; палачъ садился на ремни и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ составовъ и становились вровень съ головою, а другой палачъ билъ по спинѣ кнутомъ. Тѣло вздувалось, лопалось, открывались язвы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни, но не испустилъ стона. Рѣ, стоявшіе около него, дивились.—Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно и положили на горящіе угольи. Стенька молчалъ. — Тогда по избитому, обожженому тѣлу стали водить раскаленымъ желѣзомъ. Стенька молчалъ. — Ему дали роздыхъ. Припялись за брата его Фролку: тотъ началъ испускать крики и вопли отъ боли. „Экая ты баба“!— сказалъ Стенька. — Стеньку принялись снова пытать. Ему обрили макушку, остави виски и стали лить на макушку по каплѣ холодной воды. Это было мученье, противъ котораго никто не могъ устоять... Стенька вытерпѣлъ и не произнесъ ни слова. — Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что ничто его не донимаетъ, начали Стеньку колотить со всего размаха по ногамъ. Молчалъ Стенька... 6 іюня его привезли на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ для казни. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Стенька не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Фролка перепугался, видя что ожидаетъ его. „Я знаю слово государево“! — закричалъ онъ. — Молчи, собака! сказалъ ему Стенька. За тѣмъ палачъ отрубилъ ему голову...

внѣшнихъ войнъ, моровыхъ повѣтрій, мятежей, населенье иногда уменьшалось очень быстро. Населеніе быстро колебалось по всей Россіи; для примѣра возьмемъ одинъ станъ вятскаго уѣзда; въ 1628 г. въ немъ было 106 ч.; въ 1645 г. — 1,055 ч., въ 1657 — 714 чел. Одинъ англичанинъ, пріѣхавшій въ Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, говорилъ, что на пространствѣ пятисотъ верстъ едва можно встрѣтить десять женщинъ и одного мужчину. Дворяне и дѣти боярскіе, пострадавшіе отъ пожара или непріятельскаго нашествія, просили милостыни, стыдясь заняться какою-нибудь работой. Если такому попрошаю скажутъ, что онъ здоровъ и можетъ работать, дворянинъ обыкновенно отвѣчалъ: „я дворянинъ, работать не привыкъ, пусть за меня другіе работаютъ! Ради Христа, Пресвятыя Дѣвы и св. Николая Чудотворца и всѣхъ святыхъ, подайте милостыню бѣдному дворянину“! Часто такіе нищіе дѣлались прямо ворами и разбойниками. Нищіе въ XVII в. сманивали дѣтей яблоками и орѣхами, крали ихъ, уродовали, калѣчили руки и ноги, выкалывали глаза, и если дѣти переживали муку, то возили ихъ по селеньямъ и собирали на нихъ милостыню. Всѣ города были поразительно малы, кромѣ одной Москвы, да и та внутри поражала своей бѣдностью; видны были только жалкіе домики со слюдяными окнами, маленькіе церкви, обширные пустыри, да грязь на улицахъ. Царственный градъ стягивалъ къ себѣ народъ изъ областей; знаменитая московская волокита обходилась дорого. Наступитъ весна, проглянетъ нѣсколько теплыхъ дней, по городу и по посаду уже ходятъ бирючи и кричатъ: “ заказано накрѣпко, чтобъ избъ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно

съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбъ наго печенья и гдѣ ѣсть варить, подѣлайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ, отъ вѣтру печи огородите и лубьями ущитите гораздо.“ По воеводскому приказу запечатаютъ избу и баню, надобно жить въ клѣти; заверпутъ холода, люди трясутся отъ холода, иному и горячимъ согрѣться нельзя: нѣтъ ни одного каменьщика и кирпичника: всѣ высланы въ Москву на работы городовыя и царскія. Ни щей сварить, ни хлѣба испечь не гдѣ, и отъ той стужи и отъ хлѣбной нужи расходятся люди отъ своихъ домовъ...

18.

УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ.

Во все это время невѣжество и легкомысліе всѣхъ классовъ народа было поразительно. Такъ царь Василій Шуйскій отличался большимъ суевѣріемъ, развѣялъ прахъ убитаго Лжедимитрія и въ грамотахъ прямо объявлялъ народу, что онъ прельстилъ народъ чародѣйствомъ. Въ 1632 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ псковскимъ воеводамъ, что ему донесли изъ Вязьмы, будто баба-вѣдунья наговариваетъ въ литовскихъ городахъ на хмѣль, отправляемый въ Россію, чтобы навести на насъ моровую язву. Поэтому, подъ смертной казнью, запрещалось покупать хмѣль въ Литвѣ. Вѣрноподданный долженъ былъ, между прочимъ, присягать: вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиху не насылати, на слѣду не вынимати. Благодаря невѣжеству, заговоры и заклинанья дѣйствительно были въ большомъ ходу; наговаривали: надъ кореньями,

зельями, водою, огнемъ, костьми, ромговыми стрѣлами, каменьями, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ мертвою рукою, надъ рубашкой мертвеца, надъ слѣдомъ выбраннымъ изъ-подъ человѣческой ноги, надъ вѣтромъ, надъ зеркаломъ, надъ узлами, и пр. Благочестивые люди боялись дьявола, міряне - домовыхъ, лѣшаевъ и всякой нечистой силы. Гаданья были въ самомъ сильномъ ходу. При постройкѣ новаго дома выбирали мѣсто посредствомъ гаданья; клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замѣчали, что̀ подъ корой; если находили паука или муравья, то мѣсто считали лихимъ; если же червяковъ или черную мурашку, то можно было ставить домъ безопасно. О томъ же гадали еще иначе, бросали на землю три хлѣба и если они лягутъ верхнею коркою, то мѣсто добро, и пр. — Господа, заболѣвши, подозрѣвали слугъ, что они нанесли имъ вредъ вѣдовствомъ; а слуги, разсердившись на господъ, дѣйствительно бѣгали къ вѣдунамъ и вѣдуньямъ, надѣясь съ ихъ помощью отомстить господамъ. Удобнымъ средствомъ сбыть умныхъ людей было обвинить ихъ въ чернокнижьи. Такъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича, при сынѣ его Ѳеодорѣ родственники царскіе Милославскіе, чтобы пользоваться своею силою при дворѣ, обвинили боярина Матвѣева въ чернокнижіи (за то, что онъ любилъ западныя науки). Матвѣева лишили имѣнья, боярскаго званья и сослали въ Пустозерскій острогъ.

Не обезпеченный въ своей собственности, народъ не любилъ трудиться и поражалъ иностранцевъ своей праздностью. Со временъ Бориса, когда кабаки сдѣлались царскими, охота пить въ русскомъ народѣ дошла до поразительности. Мы видѣли, какъ народъ перешелся

во время московскаго бунта 1648 г. Пьяницы часто возвращались изъ кабака совершенно нагіе; т. е. пропивали все. Когда народъ, недовольный кабацкими сборами въ пользу казны, иногда переставалъ пить царское вино, кабацкіе головы и цѣловальники, по причинѣ малыхъ кабацкихъ сборовъ, доносили царю: „а въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало"; тогда царь строго упрекалъ воеводъ за это: „вамъ бы искать прибыли больше прежняго, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало". И чтобы избавиться наказанья за недоборы, кабацкіе головы и цѣловальники прибѣгали ко всевозможнымъ мѣрамъ, чтобъ распространить пьянство. Многіе дворяне и дѣти боярскіе упивались до того, что спускали свои помѣстья и пропивались до нага. Изъ такихъ-то молодцевъ образовался даже особый классъ пьяницъ: „кабацкіе ярыги". Они не имѣли ничего, иногда нищенствовали, иногда воровали и разбойничали вмѣстѣ съ цѣловальниками. Правительство пробовало отдавать на откупъ зернь (косточки съ бѣлой и черной стороной) и карты (1667 г. въ Сибири), но такъ какъ эти игры въ то время считались самыми предосудительными, то въ слѣдующемъ году правительство устыдилось своего поступка и снова стало преслѣдовать ихъ. Отъ преслѣдованій, конечно, игры только распространялись и принимали болѣе азартный характеръ; въ царскихъ же кабакахъ отводились для нихъ тайныя кабацкія бани... „Людей повидать-въ кабакахъ побывать". „Гдѣ кабачекъ, тамъ и муб жичекъ". „Смерть неминучее дѣло, а къ кабаку неоходимый путь"; „то не пьянъ еще, коли шапка на г-и ловѣ". „Такъ пьянъ, что черезъ губу не плюнетъ". „У нашихъ бражниковъ много праздниковъ". „Гдѣ и,

наньется, тутъ и подерется". „За ковшъ, такъ и за ножъ; за чарку, такъ и за драку".

Соотвѣтственно грубости того времени, русская брань была во всеобщемъ употребленіи; женщины, дѣвицы, даже дѣти бранили ей родителей, а тѣ не только не останавливали ихъ, а сами въ свою очередь бранили ихъ также. Церковь поучала, чтобъ люди не лаяли другъ друга позорной бранью, но напрасно. Цари иногда старались вывесть русскую брань русскимъ средствомъ: кнутомъ и батогами. Переодѣтые стрѣльцы ходили между народомъ и того, кто бранился, тотчасъ же наказывали. Но и это напрасно; стрѣльцы сами не могли удержаться отъ крѣпкаго словца. „Не выругавшись, дѣла не сдѣлаешь" — говоритъ пословица. „Какъ ни колотись, а безъ брани не житье". „Бабы бранятся, такъ платки съ головъ валятся". „Брань на вороту не виснетъ". „Красна брань дракою". Драки дѣйствительно бывали часто, всего чаще дрались кулаками: „не говоря дурнаго слова, да въ рожу". Иные въ дракѣ убивали другъ друга палками до смерти. Бабы таскали другъ друга за волосы. („Итти въ драку, не жалѣть волосъ"). Кнутъ былъ обыкновеннымъ наказаніемъ за преступленія. Кнутомъ наказывали даже судей. „Кнутъ правду сыщетъ". Не только наказанные, но сами палачи не были въ презрѣніи. Это званіе отдавалось иногда торговымъ людямъ и было такъ выгодно, что его доставали на перебой. Любимой забавой народа были „кулачные бои великіе до смертнаго убійства".

При отсутствіи умственныхъ интересовъ, вся жизнь сосредоточивалась на внѣшностяхъ и церемоніяхъ. У царей, у бояръ, у простаго народа всѣ праздники, всѣ

событія (крестины, свадьбы, похороны) сопровождались безчисленными церемоніями. Царь въ день своихъ именинъ, по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ именинные пироги; тоже дѣлала царица въ свои именины. Совершеннолѣтніе царевичи сами за себѣ раздавали пироги, а въ день именинъ царевны или малолѣтняго царевича раздавалъ за нихъ царь; но все-таки раздача пироговъ считалась необходимостью. (Каждый день на государевъ столъ и подачи расходилось болѣе 3000 блюдъ. Однихъ рыбныхъ запасовъ, не смотря на тогдашнюю дешевизну, въ годъ выходило на 100,000 р. с. А всего собиралось со всей Россіи, не смотря на страшніе налоги, только около 1,300,000 р.) Если бояринъ или окольничій былъ именинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именинника о здоровьи, потомъ онъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пирогъ. Всюду наблюдалось старшинство, родословіе, отечество. По словамъ современника, „царь многихъ жалуетъ не по разуму, а по великой породѣ и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые, и на думѣ, брады своя уставя, ничего не отвѣчаютъ“. Даже люди изъ меньшихъ статей, неродословные, считались отечествомъ. Такимъ иногда сильно доставалось за челобитье на родословныхъ. Когда въ 1617 году Левонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, то за это думный дьякъ билъ его по щекамъ. Въ 1620 г. Чихачевъ билъ челомъ на князя Шаховскаго; бояре приговорили быть челобитчика кнутомъ, но думный дьякъ сказалъ боярамъ: „долго этого ждать,“ да взявши палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ, а боярин Иванъ Никитичъ Романовъ другою палкою билъ его тоже по спинѣ и ногамъ, и оба

приговаривали: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру". Бояре до такой степени упорно держались своего мѣста, что готовы были скорѣе умереть, нежели сѣсть ниже другаго. Такъ Лыковской объявилъ царю: „готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать". Тоже дѣлали и другіе. Мѣстничество вездѣ сильно вредило, особенно въ военныхъ походахъ, когда требовалась дружная и быстрая дѣятельность воеводъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены „безъ мѣстъ." Но эти объявленія мало приносили пользы. Тогда необходимость улучшить военное дѣло побудила правительство при Осодорѣ Алексѣевичѣ окончательно уничтожить мѣстничество. На соборѣ бояръ и духовенства государь велѣлъ принести тяжебныя дѣла по мѣстничеству и сжечь ихъ при соборѣ. На будущее время виновныхъ рѣшено было наказывать лишеніемъ званія и имущества.

Вообще законодательство дѣлало медленные успѣхи. Такъ съ Василія Шуйскаго бояре требовали, чтобы онъ не казнилъ вмѣстѣ съ виновнымъ его жены и родственниковъ. Между тѣмъ и впослѣдствіи, если бѣгалъ крестьянинъ, сажали въ тюрьму и били его семейныхъ, родственниковъ жившихъ не въ раздѣлѣ. Жены отвѣчали за мужей, дѣти за родителей. Князья Пожарскіе били челомъ царю Михаилу: „племянникъ нашъ Ѳедька Пожарскій на твоей государевой службѣ въ Можайскѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума, а насъ не слушаетъ. Мы, холопи твои, всякими мѣрами его унимали: били, на цѣпь и въ желѣза сажали; помѣстьице, твое царское жалованье, давно запустошилъ, пропилъ все, и теперь въ Можайскѣ изъ кабаковъ нейдетъ,

спился съ ума, а унять не умѣемъ. Вели, государь, его съ Можайска взять и послать подъ началъ въ монастырь, чтобъ намъ отъ его воровства впередъ отъ тебя въ опалѣ не быть“.

Общая грубость и безурядица того времени отражалась и на духовенствѣ. Такъ во время Михаила Ѳедоровича у Троицы Сергія былъ монахъ Логинъ, который отличался пріятнымъ и чистымъ голосомъ. Логинъ бранилъ и даже билъ простыхъ монаховъ, и никто не смѣлъ сказать ему ни слова. Логинъ сердился и на архимандрита, особенно за то, что тотъ заставлялъ монаховъ читать поученія св. отцевъ и даже самъ читалъ ихъ и пѣлъ на крылосѣ. „Не ваше дѣло пѣть и читать — говорилъ Логинъ — зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобы съ мотовиломъ своимъ на крылосѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стоять“! Разъ во время заутрени архимандритъ хотѣлъ читать, но Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ у него изъ рукъ книгу: налой полетѣлъ на землю и произошелъ великій соблазнъ. Архимандритъ былъ необыкновенно кроткій человѣкъ, перекрестился и молча пошелъ на клиросъ. Логинъ, кончивъ чтенье, началъ плевать на него и браниться. Тотъ отвѣчалъ ему на это: „перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнью и не смущай братьи“. Въ отвѣтъ Логинъ выхватилъ у архимандрита посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ — пишетъ патріархъ Іоасафъ — въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣрѣ, служба Божія совершается очень скоро, говорятъ голосовъ въ 5 и въ 6, и больше, со всякимъ небреженіемъ, во время св. пѣшія бесѣды творятъ не-

подобныя съ смѣхотвореніемъ, а иные священники и сами бесѣдуютъ и безчинствуютъ". Иные во время св. пѣнія въ церквахъ ползаютъ, писк творятъ и большой соблазнъ возбуждаютъ въ простыхъ людяхъ". Нерѣдко въ церкви ругались и дрались до крови. Жаловались и на мздоимство: „кому случится постричься, то безъ пяти рублей не постригутъ". По городамъ и селамъ во множествѣ блуждали священники и діаконы безмѣстные, и часто „безчинства чинили великіе". „А иные межъ себя играютъ и борются и кулачки бьются." Митрополиты нерѣдко наказывали:" чтобъ игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы и старцы и чернецы въ кабакъ пить не ходили, и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы." Худые монахи, недостойные попы и поповскіе дѣти нерѣдко здѣсь дѣйствовали за одно съ разбойниками.

Благочестивые люди твердо соблюдали всѣ посты и обряды. Иконы были первой необходимостью, а гдѣ не было иконъ, тотъ домъ считался уже нехристіанскимъ. Изъ уваженія къ иконамъ считалось грѣхомъ прикоснуться рукою къ лику святаго, и это между прочимъ повело къ тому, что иконы обкладывались одеждою. Если образъ сгорѣлъ, говорили: онъ выбылъ, а если сгорала церковь, то говорили, что она вознеслась. Каждый имѣлъ на себѣ непремѣнно крестъ; духовные запрещали снимать его съ шеи, когда человѣкъ идетъ купаться или мыться въ мыльнѣ. Духовныя лица, благочестивые старики и старухи сильно боялись бѣсовъ и требовали, чтобъ человѣкъ всегда былъ на сторожѣ противъ враговъ человѣческаго рода, вооруженный молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Иногда бѣсы поселя-

лись во дворахъ и домахъ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Идя за водой, женщина должна была, опуская въ воду ведра, сотворить молитву, а иначе бѣсы какъ разъ испортятъ воду. Время русскіе считали не иначе, какъ праздниками. Впрочемъ простой народъ праздновалъ ихъ въ кабакахъ: „Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ“. Вообще толпа была довольно равнодушна къ церкви; многіе на исповѣди утаивали свои грѣхи и потомъ хвастались: „что мы за дураки такіе, что станемъ попу сознаваться“. Другіе не исповѣдовались лѣтъ по тридцати. Попы и дьяконы и всѣ прихожане въ иныхъ мѣстахъ не ходили въ церковь не только въ воскресные дни, но и въ большіе праздники и въ великій постъ не говѣли. Въ XVII в. въ Сибири русскіе, сжившись съ некрещеными народами, забыли даже носить на себѣ кресты, не хранили постныхъ дней и жили съ некрещеными женщинами. Нѣкоторые въ восточныхъ областяхъ, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями хозяевъ и принимали татарскую вѣру. Товарищи Степьки ѣли въ постъ мясо, вѣнчались кругомъ куста, безчинствовали во время богослуженія, кощунствовали надъ святынею и убили архипастыря... Священникамъ приказано было вѣнчать по печатямъ Степьки, а не по архирейскому благословенью.

Мы говорили, что христіанская жизнь въ древней Руси была церковнообразная. Главными вопросами были: что ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны творить и т. п.? Исправить что нибудь въ духовной книгѣ считалось величайшимъ грѣхомъ, это значило — „загладить великій догматъ премудрый“. Духовенство было противъ иноземцевъ и всего новаго.

При Борисѣ Годуновѣ оно воспротивилось школамъ для обученія разнымъ языкамъ; „наша обширная страна — говорило оно — едина по религіи, нравамъ и языку; будетъ много языковъ, встанетъ смута на землѣ“. Мы видѣли, что Стоглавъ запретилъ брить бороду.

Патріархъ Іосифъ крестился двумя крестами. Никонъ, будучи новгородскимъ митрополитомъ и въ началѣ своего патріаршества, крестился также. Но потомъ Никонъ убѣдился, что надо креститься тремя перстами. Пріѣхавшій въ Москву антіохійскій патріархъ Макарій вмѣстѣ съ другими восточными архіереями торжественно тоже объявилъ въ Успѣнскомъ соборѣ въ недѣлю православія, что надо креститься тремя перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестится двумя. Московскій соборъ 1656 г. подтвердилъ тоже. Этимъ Никонъ возбудилъ противъ себя тѣхъ, кто считалъ „тяжелѣе всего на свѣтѣ прародительскую старину нарушить“. Кромѣ того, Никонъ нашелъ, что первопечатныя исправленныя церковныя книги тоже испорчены; исправивъ, онъ издалъ ихъ вновь и разослалъ новыя по церквамъ, а старыя велѣлъ отбирать; ввелъ живую проповѣдь и новый церковный напѣвъ. Строгости Никона противъ взяточничества мало помогли. Взяточники брали по прежнему да еще доносили на давшихъ; такъ одинъ изъ нихъ, взявъ съ протопопа десять рублей, донесъ патріарху, что тотъ подбросилъ ихъ его женѣ. „Патріархъ Никонъ его же протопопа приказалъ посадить на цѣпь и, муча его многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по прежнему живетъ да воруетъ“. Сверхъ того, духовенство въ XVII в. привыкло жить по своей волѣ, бродить съ мѣста на мѣсто, и низшее духовенство иногда цѣлой области или нѣсколькихъ уѣздовъ не

только не платило церковныхъ пошлинъ, но старалось освободиться отъ епископскаго или митрополичьяго суда и презирало архирейское благословленіе и грамоты. Никонъ, конечно, не могъ этого стерпѣть („не терпѣливъ я, не могу стерпѣть“ — говорилъ онъ про себя) и приказывалъ такихъ поповъ „брать за приставовъ“. Такимъ образомъ низшее духовенство еще болѣе было возстановлено на него.

Ко всему этому присоединилась борьба духовной власти со свѣтской. Надо сказать, что власть нѣкоторыхъ московскихъ патріарховъ XVII в. была очень велика. Такъ отецъ Михаила Ѳеодоровича, митрополитъ Филаретъ, возвращенный изъ польскаго плѣна, былъ сдѣланъ патріархомъ и распоряжался не только всѣми церковными, но и государственными дѣлами. Въ государственныхъ грамотахъ онъ писался рядомъ съ сыномъ („Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи“). Съ патріархомъ Іосифомъ Алексѣй Михайлычъ обходился до того почтительно, что кланялся ему до земли. Никону онъ оказывалъ полное довѣріе и во время отлучекъ поручалъ ему управленіе почти всѣмъ государствомъ. Въ грамотахъ Никонъ тоже сталъ писаться „великимъ государемъ“. Мало того, что Никонъ вѣрилъ всякимъ доносамъ, становилъ духовенство въ совершенную зависимость отъ себя, онъ уничтожилъ прежнюю общительность между патріархомъ и духовенствомъ, окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, возлюбилъ „стоять высоко, ѣздить широко“. Великій государь патріархъ былъ человѣкъ гордый, не довольствовался и равенствомъ своей власти съ великимъ государемъ царемъ, но стремился превысить его,

вступался во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды; „дѣла всякія безъ позволенія государя изъ приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ“. Раздраженные высокомѣріемъ и властолюбіемъ его, многіе бояре возненавидѣли Никона и старались поссорить съ нимъ царя. По возвращеніи изъ польскаго похода, Алексѣй Михайлычъ сталъ удаляться отъ патріарха. Оскорбленный мелочными обидами бояръ, раздражительный Никонъ вдругъ послѣ обѣдни въ соборѣ объявилъ народу, что отказывается отъ патріаршества и пѣшкомъ пошелъ на Воскресенское подворье, а оттуда уѣхалъ въ свой любимый монастырь (Новый Іерусалимъ). Церковь осталась безъ патріарха, соблазнъ и смута была большая. Живя въ своемъ монастырѣ, онъ однако и тамъ по прежнему былъ строптивъ, невыдержанъ и неугомоненъ. То онъ объявлялъ, что „великому государю благословенье мое всегда іотово; невозможно рабу государя своего не благословлять“. То говорилъ, что „не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими правами подарилъ насъ царь? Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права, и всѣ дѣла его беззаконныя. Церковью обладаетъ, св. вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіреи, священники и всѣ причетники покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ“... Про польскую войну говорилъ: „изъ-за пустяковъ кровь христіанская проливается“. Никонъ даже хотѣлъ жаловаться на царя восточнымъ патріархамъ: „Царь забралъ себѣ патріаршіл имѣнья: также берутъ, по его приказанью,

имѣнья и другихъ архіереевъ и монастырскія, берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги берутъ немилостиво; весь родъ христіанскій царь отягчилъ данями, сугубо, трегубо и больше, но все безполезно.“ Грамота была перехвачена. Наконецъ собрался въ Москвѣ духовный соборъ, на которомъ предсѣдательствовали два пріѣхавшихъ восточныхъ патріарха (александрійскій и антіохійскій). Царь все время стоялъ на ногахъ и обвинялъ Никона; тотъ отказывался отъ своихъ словъ и оправдывался. Соборъ лишилъ его сана и сослалъ на заточенье въ Бѣлозерскій монастырь (1666 г.), но и въ заточеньи до самой смерти Никонъ своевольничалъ, назывался патріархомъ, билъ людей палками и плетьми.

Но, низложивъ Никона, соборъ одобрилъ исправленныя имъ книги. Тѣмъ не менѣе священники и монахи во многихъ мѣстахъ не хотѣли принимать этихъ книгъ, а въ Соловецкомъ монастырѣ монахи сдѣлали открытое возстаніе и, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ, не сдавались стрѣльцамъ цѣлые восемь лѣтъ. Наконецъ монастырь былъ взятъ приступомъ, а мятежники перевѣшаны. Но расколъ увеличивался все больше и больше, потому что было запрещено сторинное свободное поставленіе въ попы и дьяконы земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ; строгіе указы о ставленникахъ и „записи книгъ новоставленнымъ попамъ и дьяконамъ“ окончательно отдѣлили духовенство отъ земства и сдѣлали его особымъ сословіемъ. До этого времени крестьяне выбирали въ попы кого хотѣли, и брали съ нихъ записи: „мы, крестьяне, выбрали и излюбили отца своего духовнаго такаго-то къ себѣ въ приходъ; и какъ его Богъ благословитъ и св. владыка въ попы поставитъ, и будучи ему у насъ въ приходѣ, служить и къ церкви Божіей быть подвиж-

пу, къ больнымъ и рожаницамъ съ причастіемъ и молитвами быть подвижну и со всякими требами. А опъ человѣкъ добрый, не бражникъ, не пропойца, ни за какимъ хмѣльнымъ питьемъ не ходитъ, человѣкъ опъ добрый; въ томъ мы, старосты и мірскіе люди, ему и выборъ далп!“ Въ московскихъ областяхъ расколъ принялъ изувѣрскій, ерархическій, поповщинскій характеръ; „безъ бороды и въ рай не пустятъ“; „чай проклятъ на трехъ соборахъ, а кофе на семи“. Раскольники дѣйствовали единодушно: „какъ положатъ на Рогожѣ (Рогожскомъ кладбищѣ), такъ быть въ Городцѣ (Нижегородской губ.), а какъ на Городцѣ такъ и во всемъ крещеномъ міру.“ Въ Поморской области, въ Новгородскихъ земляхъ, издавна склонныхъ къ вольномыслію, явилась безпоповщина, ученье „не молиться за московскаго царя и быть всѣмъ ровнымъ.“ Тамошніе раскольники говорили про государя такія слова, что „не только написать, но и помыслить страшно“. Преслѣдованіе раскола только усиливало его; гонимые считались мучениками. „Не та вѣра правѣе, которая мучаетъ, а та, которую мучаютъ“ — говоритъ раскольничья пословица, и расколъ, это „шептаніе сатаны“, какъ его называли тогда, нашелъ себѣ послѣдователей въ всѣхъ земляхъ обширной Россіи.

Вслѣдствіе невѣжества и нетерпимости, русскіе люди XVII в. не терпѣли противорѣчій. „Все, что бы они ни сказали — говоритъ иностранецъ — считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; они не терпятъ противорѣчій, говорятъ безъ всякаго порядка, какъ попадутъ на мысль и не удостоиваютъ выслушать другихъ, перебиваютъ слова.“ Точно тоже говоритъ и русскій писатель (Котошихинъ): „россійскаго государства люди

въ государствѣ своемъ никакого добраго наученія не имѣютъ и не пріемлютъ... и не наученьемъ своимъ говорятъ многія рѣчи къ противности.“ Простой народъ вѣрилъ, что все нерусское пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили запираться въ свои избы. Ненависть эта была чисто религіозная, такъ что если иностранецъ принималъ православіе, то всегда пользовался особеннымъ расположеніемъ; въ Архангельскѣ торговые иностранцы нерѣдко женились на русскихъ.

Необходимость знать европейское военное дѣло прежде всего вело къ сближенію съ иностранцами. Кромѣ того, торговые англійскіе люди учили русскихъ дѣлать канаты, полотна, отыскивали желѣзную руду. Борисъ Годуновъ питалъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, учредилъ при дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей и давалъ имъ большое жалованье; вызывалъ въ Россію художниковъ и ремесленниковъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ для второй польской войны было нанято въ Германіи нѣсколько полковъ въ русскую службу. Ученому голштинцу Олеарію была дана такая опасная грамота: „вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астраломіи, и географусъ и небеснаго богу и землемѣрію и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, и намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ“. Но какъ иностранное военное дѣло, такъ и науки прививались туго. Одинъ русскій писатель сравниваетъ нашихъ служилыхъ людей со стадомъ: „у нѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только бороняись лучнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боихъ мѣняли сво-

ихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади не годныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль: убьютъ двоихъ и троихъ татаръ и дивятся; ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили, ничего! Нѣтъ попеченья о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота - какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай, Боже, рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее жалованье. Во время бою того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто тоже съ бою, ѣдутъ въ станъ." Мы говорили, какъ сильны были побѣги ратныхъ людей, хотя за такое преступленье „Уложенье" грозитъ кнутомъ и тюрьмой. Также туго прививались и западныя науки. Съ цѣлью оградить православіе отъ западныхъ ересей и подкрѣпить его связь съ восточной церковью, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ была основана въ Москвѣ „Славяно-греческо-латинская академія." Первыми учителями были греки, братья Лихуды; единственными учителями во всей Россіи были монахи и церковнослужители. Учителя „славяно-греческой академіи" должны были строго слѣдить за еретиками, и если какой нибудь иностранецъ или русскій обвинялся въ хулѣ на православную вѣру, то „если обвиненіе окажется справедливымъ, преступникъ подвергается сожженію (указъ Ѳеодора)." Когда до правительства дошелъ донось, что въ казацкихъ юртахъ на Дону завелись жить старцы и попы

и всякіе прихожіе люди въ пустынѣ, печатныя книги, церковную службу и иконное письмо хулять, образамъ Божіимъ не поклоняются; попъ за великаго государя не молитъ, и молить не даетъ, то изданъ былъ указъ: „разорять воровъ и нигдѣ имъ пристанища не давать.“ Въ 1681 г., узнавъ, что татарскіе мурзы принуждаютъ своихъ крестьянъ къ магометанству, правительство приказало имъ самимъ креститься, а иначе отбирать у нихъ русскихъ крестьянъ и давать мордву же, да и мордвѣ велѣно сказать, чтобъ они крестились всѣ, за что во всякихъ податяхъ получатъ льготы на шесть лѣтъ.

Выписанные изъ-за границы доктора подвергались разнымъ мелочнымъ оскорбленіямъ. Духовенство считало грѣхомъ лечиться у человѣка не православной вѣры; а тѣхъ, кто прибѣгалъ къ докторамъ-евреямъ, отлучало отъ церкви. Если медикъ лечилъ царицу или царевну, то долженъ былъ угадывать ея болѣзнь, не видя ее лично, а только по разсказамъ прислужницы. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Москвѣ была одна аптека, изъ нее отпускались лекарства по челобитнымъ, по немного, да и по челобитной выдавали не то, что нужно, а подешевле, не обращая вниманія на пользу. При Алексѣѣ Михайловичѣ было уже двѣ аптеки, но только изъ одной отпускали лекарства для жителей и то по высокимъ цѣнамъ. Пожары по прежнему бывали часты, по ночамъ вдругъ вспыхивало въ нѣсколькихъ мѣстахъ; по прежнему ихъ не тушили водой, а ломали сосѣдніе дома, чтобы пожаръ не распространился. Но все-таки сношенія съ иностранцами далеко не оставались безслѣдны. Русскіе сильно пристрастились ѣсть „треклятое зелье“ табакъ; хотя за это рѣзали носы мужчинамъ и женщинамъ.

*

Посольскія сношенія тоже содѣйствовали распространенію между русскими иноземныхъ обычаевъ и понятій. Посламъ постоянно давались такіе наказы: „за столомъ у цезаря сидѣть вѣжливо и остерегательно; дворянамъ и подъячимъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ пристально и оберегательно, не упивались и словъ дурныхъ не говорили; а среднихъ и холкихъ людей въ палату съ собой не брали, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было.“ Но не всѣ послы исполняли наказы. Одинъ посолъ Алексѣя Михайловича поломалъ за границей въ отведенной для него квартирѣ мебель и самую квартиру запакостилъ. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: „если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ: потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада.“ Когда (при Борисѣ Годуновѣ) боярин Татищевъ сказалъ польскому послу Сапѣгѣ: „ты, Левъ, очень молодъ, говоришь все неправду, лжешь!“, Сапѣга отвѣчалъ ему: „ты самъ лжешь, холопъ, а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми бы тебѣ послами говорить, а съ кучерами на конюшнѣ, да и тѣ говорятъ приличнѣе...“ Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами московскіе послы чуть-ли не всего болѣе хлопотали о царскихъ титулахъ. Когда при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ пограничные польскіе ратные люди ошибались въ царскомъ титулѣ, то царь просилъ короля „учинить имъ наказаніе безъ пощады.“ На это польскіе послы отвѣчали: „покарать за это нельзя, потому что они это сдѣлали по незнанью, да и притомъ король не можетъ карать безъ Рѣчи Посполитой (республики); а что ведется по московскому обы-

чаю кнутить, то это дѣло незбыточное; въ нашемъ государствѣ этаго не повелось никогда.“ Въ другой разъ московскіе послы требовали, чтобы „тѣхъ воровъ, кто книги о московскомъ государствѣ печаталъ, казнили смертью, а книги сожгли.“ Паны отвѣчали: „король и мы книгъ печатать не заставляемъ и не запрещаемъ; который печатникъ напечатаетъ въ книгѣ хорошо, справедливо, и мы то хвалимъ; а если глупцы напечатаютъ что дурно, негодно и лживо, надъ тѣмъ мы смѣемся. Если же книгъ не печатать, то потомкамъ нашимъ и знать будетъ не по чему. О Польшѣ и Литвѣ тоже въ сосѣднихъ государствахъ много безчестья печатаютъ, однако король и мы за безчестье того себѣ не ставимъ.“ Послѣ долгихъ споровъ, папы должны были нѣсколько уступить.

Московское правительство сильно боялось польскаго вліянія. Когда поляки предлагали русскимъ (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) воевать вмѣстѣ противъ Крыма, то русскій посолъ князь Иванъ Голицынъ отвѣчалъ: „никакими мѣрами нашимъ русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя, потому одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ лучшихъ людей, развѣ изъ боярскихъ людей останется кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ.“ Дѣйствительно польское вліяніе сильно дѣйствовало на тѣхъ, кто подпадалъ ему. Въ смутное время, едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ и официальныхъ бумагахъ писать полурусскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западнорусской рѣчи. Подъ польскимъ вліяніемъ воспитался

бояринъ Иванъ Хворостининъ, котораго такъ обвинили при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: „многія о православной вѣрѣ и о людяхъ московскаго государства непригожія и хульныя слова въ собственноручныхъ письмахъ твоихъ объявлялись, людямъ своимъ не велѣлъ ходить въ церковь, говорилъ, что молиться не для чего и воскресенія мертвыхъ не будетъ, и пр... Да у тебя же въ книжкахъ твоего сочиненія найдены укоризны великимъ людямъ московскаго государства, будто московскій народъ кланяется св. иконамъ по подписи, хотя и не прямой образъ, будто московскіе люди „сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью,“ государь названъ деспотомъ русскимъ, но деспота слыветъ греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ, а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, московскій природный человѣкъ, и тебѣ такъ про государево именованье писать было непристойно.“ Хворостининъ былъ сосланъ и впослѣдствіи раскаялся. Во время Алексѣя Михайловича бояринъ Нащокинъ, воюя въ Литвѣ, часто говорилъ сыну противъ порядковъ московскихъ и толковалъ, что въ другихъ земляхъ иначе и лучше дѣлается. Желая дать ему образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными поляками, и это еще болѣе усилило любовь его къ новизнѣ. Съѣздивъ въ Москву, гдѣ его окончательно стошнило, молодой Нащокинъ бѣжалъ въ Данцигъ; оттуда поѣхалъ къ императору, и потомъ во Францію. Отецъ былъ въ отчаяніи и страхѣ. Государь утѣшалъ его (это былъ одинъ изъ любимцевъ) и совѣтовалъ: „промышлять о сынѣ всячески, чтобъ привести назадъ и за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если надобно, то сына извести бы тамъ, потому что

онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и вѣдомостями." Отецъ однако отклонилъ эти промыслы, говоря, что сынъ „за неправду и безъ того пропадетъ и згинетъ и убитъ будетъ судомъ Божіимъ." Духовенство опасалось даже кіевскаго вліянія. При Алексѣѣ Михайловичѣ духовные шенталисъ: „учится у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть." „Кто по латинѣ научится — говорили они — тотъ съ праваго пути совратился."

Но и въ XVII в., не смотря на все окружающее невѣжество, лучшіе русскіе люди указывали вѣрныя средства для общаго благосостоянія. Такъ на земскомъ соборѣ 1648 г. областные выборные требовали, чтобъ „всякіе торговые и промышленные люди — и владычни, и боярскіе, и княженецкіе, и кабацкіе откупщики — всѣ были въ тяглѣ (податей и повинностей) и вмѣстѣ ровно съ крестьянскими общинами— чтобъ во всемъ народѣ мятежа и розни не было." Въ Словѣ о правдѣ (времени царя Алексѣя Михайловича) говорится: „если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ заботиться не о благѣ однихъ вельможъ, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. Вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде всего нужны земледѣльцы: отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ. Земледѣльцы безпрестанно переносятъ разныя работныя бремена: то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то что-нибудь другое. А вельможи, если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ землевла-

дѣльцевъ; тоже и тѣ, которые посылаются для прокорма копей; на ямскіе расходы много серебра выходитъ. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры-писаря ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленья не знаемъ. Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами, ибо владѣютъ большими прибытками. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится и писаря уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ". Но такіе голоса, по обстоятельствамъ того времени, имѣли самое ничтожное вліяніе. Такъ Котошихинъ могъ написать свои записки о Россіи только убѣжавъ въ Швецію. Другой писатель сербъ Крижаничъ былъ въ ссылкѣ въ Тобольскѣ и пр.

Отношенія къ иноземцамъ оставались вообще враждебныя. Приходилось ссориться даже съ чисто торговыми народами. Правда, когда послѣ московскаго опустошенія русскіе посланники пріѣхали въ Голландію въ самомъ жалкомъ положеніи, то голландское правительство приказало выдать имъ единовременно 1000 гульденовъ. Особенно дружественны были отношенія между Россіей и англійскимъ дворомъ. Алексѣй Михайловичъ особенно сталъ любезенъ съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ англичане „учинили большое злое дѣло; короля своего Карлуса убили до смерти." Но и торговые на-

роды были дружны съ Россіей только въ видахъ собственной наживы. Такъ англичане не отпускали назадъ и скрывали у себя русскихъ, отправленныхъ за границу для науки. Мы видѣли, какъ дорожили шведы тѣмъ, что Россія была отрѣзана отъ Балтійскаго моря и такимъ образомъ отъ западной Европы. Какъ московское правительство боялось иностранцевъ, это видно уже изъ того, что отдаленный Соловецкій монастырь еще въ XVI в. былъ обнесенъ каменными стѣнами для защиты отъ нападенія нѣмецкихъ и всякихъ воинскихъ людей.

Даже торговля вела къ непріятностямъ. Русскіе торговые люди были бѣдны и не могли „стянуть“ съ богатыми иноземцами. Торговыя постановленія окончательно убивали ее. Во Псковѣ царскія постановленія причиняли много убытку монастырямъ и всякимъ людямъ; „деньги карелки худыя, цѣна невольная, купля нелюбовная, вражда несказанная и всей землѣ связа, никто не смѣй ни купить, ни продать.“ „Всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и вездѣ связаны; ничего не могутъ дѣлать свободно, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться.“ Продажа хлѣба за границу была монополіей казны, и за контрабанду сажали въ тюрьмы. Таможеннымъ людямъ было приказано вѣшать товары такъ, чтобъ государевой казнѣ было прибыльнѣе, такъ, чтобъ можно было взять поболѣе вѣсовыхъ. Караульнымъ было приказано смотрѣть, чтобъ никто не вносилъ (въ гостинный дворъ въ Архангельскѣ), и не выносилъ товаровъ безпошлинно. До 1658 г. караульныхъ на гостиномъ дворѣ назна-

чали воеводы, но оказалось, что воеводы посылали ихъ туда для кормленія, что они брали съ русскихъ и иноземныхъ купцовъ поминки и пропускали контрабанду, а если цѣловальнику и удавалось захватить кого-нибудь съ тайными товарами, то караульные не допускали его вести въ таможню, а требовали чтобъ прежде сдѣланъ былъ докладъ воеводѣ, который умышленно протягивалъ дѣло, пока торговцы, давшіе взятки, успѣвали прятать свои товары и такимъ образомъ избавляться отъ преслѣдованія. Поэтому въ 1658 г. велѣно было пойманныхъ съ контрабандою отводить прямо къ таможенному головѣ, не къ воеводамъ. Когда русскіе привозили сами свой товаръ въ Англію то англичане сговорились, не покупать товаровъ ни на одной гривны. Они говорили: „мы сдѣлаемъ такъ, что заставимъ московскихъ купцовъ торговать лаптями, забудутъ перекупать у насъ товары.“

Не только торговыя дѣла, но и самыя дружественныя сношенія вели только къ ссорѣ; такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ зазвали въ Москву датскаго принца, чтобы женить на царской дочери, и, вопреки условію, стали насильно заставлять принять православіе.

Съ поляками русскіе, какъ мы видѣли, мирились только на время, при истощеніи силъ обѣихъ государствъ. Привыкшіе къ политической дѣятельности, поляки и въ плѣну не сидѣли напрасно. Брюховецкій билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу, чтобъ „плѣнныхъ ляхамъ у насъ не быть, ссылать ихъ куда-нибудь въ дальнія мѣста для того, что всякія вѣсти носятъ отъ нихъ въ Польшу; также бы великій государь и на Москвѣ и въ городахъ полякамъ быть не указалъ, потому что отъ нихъ идутъ всякія вѣсти въ Польшу.“

Съ Крымомъ, со временъ Василія III, московское государство находилось въ постоянныхъ войнахъ. При набѣгахъ татары брали много плѣнныхъ, большею частью мальчиковъ и дѣвочекъ, и потомъ продавали. Для этого, дѣлая набѣгъ, они брали съ собой большія корзины, похожія на хлѣбныя, чтобы осторожно вести ихъ съ собой. Если дитя заболѣетъ на дорогѣ, то ударяли его о земь или о дерево и бросали... Русскіе въ пограничныхъ областяхъ до того привыкли къ набѣгамъ крымцевъ, что не держали никакого скота, кромѣ свиней, которыхъ татары не ѣдятъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ вся страна на югъ отъ Москвы была сожжена и представляла голую степь. Земледѣльцевъ постоянно тревожили набѣги, и они должны были бросать въ полѣ несобранный хлѣбъ и спѣшить въ осаду. Крестьянамъ не дозволялось строить житницы, а велѣно было держать зерновый хлѣбъ въ ямахъ. Обыкновенно сожигали и самыя избы, какъ только приближался непріятель. Нерѣдко плоды долголѣтнихъ трудовъ уничтожались въ одинъ день. Такимъ образомъ самыя плодоносныя области государства оставались необработанными и почти незаселенными. Русскіе казаки въ свою очередь тѣмъ же платили крымцамъ.

Потому отношенія къ Крыму тоже были самыя враждебныя; русскіе послы постоянно подвергались у нихъ опасности даже собственную жизнь. Такъ русскіе посланники, возвращавшіеся изъ Константинополя (1624 г.), пришли въ Кафу; но здѣсь ихъ ждала бѣда: сюда дали знать изъ Азова, что донскіе казаки вышли въ море; посланниковъ задержали, кафинскій народъ хотѣлъ ихъ убить, но вѣсти не подтвердились и посланниковъ отпустили изъ Кафы. Когда они пришли въ Керчь, то

подъ этотъ городъ явилось 1000 донскихъ казаковъ въ 30 стругахъ, стали противъ города и взяли комягу; въ городѣ сдѣлалось волненіе; посланниковъ схватили изъ корабля, повели въ городъ, засадили въ башню и грозили убить. Послы отправили сказать казакамъ, чтобъ сейчасъ шли назадъ на Донъ, иначе ихъ, послапниковъ, убьютъ. Казаки отвѣчали, что имъ безъ добычи назадъ на Донъ не хаживать, и пошли мимо Керчи на Черное море за Кафу. Посланниковъ выпустили изъ башни, но велѣли имъ ѣхать домой степью по черкасской (малорусской) сторонѣ. Подъ однимъ городкомъ пришли на нихъ запорожцы съ крикомъ, что донскіе казаки, идучи мимо ихъ, погромили комягу, взяли въ плѣнъ сына воеводы и отдали его на выкупъ за 2000 золотыхъ, такъ посланники тотчасъ бы отдали эти деньги, иначе ихъ убьютъ. Провожавшіе пословъ, турецкій послапникъ и азовскій паша вступились было за нихъ; но казаки отослали провожатыхъ назадъ въ Кафу, а пословъ посадили къ себѣ въ башню. Посланники дали тогда казакамъ подарки и насилу уговорили отпустить ихъ въ Азовъ. Въ степи посланникамъ пришлось отбиваться отъ нагаевъ; нагаи кричали, что веспою приходили на ихъ улусы донскіе казаки (казаки нападали точно также и на поддапныхъ царскихъ калмыковъ), побрали женъ ихъ, дѣтей, лошадей и животину: если казаки отдадутъ полонъ назадъ, то и нагаи отпустятъ посольскихъ плѣнниковъ. Насилу азовскій паша и турецкій посланникъ уговорили ихъ... Московскіе послы въ Турцію постоянно ѣздили съ подобными приключеніями. Какая была кровь между казаками и нагаями, тоже было и въ Сибири между служилыми людьми и инородцами. При царяхъ Миха-

илѣ и Алексѣѣ русскіе люди захватили въ Сибири огромныя земли, дошли было даже до Амура. Но такъ какъ все это дѣлалось съ большимъ насиліемъ, то инородцы постоянно подымали возстанія и заводили кровь...

Окруженные печальной обстановкой, русскіе съ дѣтства пріучались переносить голодъ и стужу. Ребятишки стояли въ однихъ рубашкахъ безъ шапокъ и бѣгали босикомъ по снѣгу въ самые трескучіе морозы. Во время постовъ народъ питался самой грубой и скудной пищей (кореньями и дурной рыбой). На войнѣ русскіе удивляли иностранцевъ своимъ терпѣньемъ. Дома русскій человѣкъ жилъ въ тѣснотѣ и дыму, вмѣстѣ съ курами и телятами; отъ неопрятности нерѣдко происходили накожныя болѣзни, нѣкоторые даже слѣпли. Понятно, что такая обстановка была всего менѣе благопріятна для умственнаго развитія; тѣмъ болѣе, что „всякій русскій — какъ говоритъ одинъ иностранецъ — не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но за то и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться.“

19.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

У многихъ дикихъ и полудикихъ народовъ на женщину смотрятъ, какъ на нечистое существо; она подвержена всякимъ униженіямъ, исключена даже изъ церкви; радости и наслажденія ея ограничены, и вмѣстѣ съ тѣмъ на нее навалены тяжелыя работы. Точно также смотрѣли на женщину и всѣ дикіе народы, опустошавшіе Русь съ самаго ея основанія. Еще древніе обры

притѣсняли женъ дулебскихъ. Когда обринъ хотѣлъ ѣхать, то не дозволялъ впрягать коня или вола, а приказывалъ впречь 3 или 4 или 5 женъ въ телѣгу и ѣхалъ. У древнихъ русскихъ и у татаръ презрѣніе къ женщинѣ выражалось въ многоженствѣ; на женщинѣ лежали самыя тяжелыя работы. Насильныя женидьбы были дѣломъ обыкновеннымъ; такъ Владиміръ св. насильно женился на Рагнедѣ и на греческой царевнѣ Аннѣ. Князь Борисъ женился исключительно по волѣ отца. Свекры притѣсняли снохъ, мачихи посынковъ. „Чешетъ, что мачиха пасынка.“ „Въ лѣсу медвѣдь, а въ дому мачиха.“

Въ древнемъ Новгородѣ, при значительно свободномъ устройствѣ, и женщина пользовалась бо́льшей свободой. Жена могла владѣть своими вотчинами, своимъ имуществомъ, могла сама пріобрѣтать его, передавать и вести дѣла отъ себя. Въ случаѣ нужды, женщинѣ, какъ и мужчинѣ, присуждали поле (судебный поединокъ); а въ Псковѣ женщинѣ позволяли когда былъ поединокъ съ мужчиной нанимать вмѣсто себя наймитовъ. Женщинъ приводили къ крѣстному цѣлованію. Передъ свадьбой женихъ и невѣста видѣли другъ друга, тогда какъ въ Москвѣ этого не было. Въ Новгородѣ женщины появлялись даже на вѣчѣ. Такъ въ 1418 году, когда новгородцы поднялись на боярина Степанку, одна женщина, оставивъ женскій стыдъ и „пріемши мужскую крѣпость“, бросплась на него, стала бить и кричать на вѣчѣ: „онъ мой злодѣй, онъ и меня обижаетъ!“ Извѣстно какое вліяніе имѣла въ Новгородѣ Марѳа посадница. Взявъ Новгородъ, Иванъ Васильевичъ велѣлъ приводить къ присягѣ не только мужчинъ, но и женщинъ.

У казаковъ жены тоже пользовались значительной

свободой; онѣ не рѣдко помогали мужьямъ и не только ходили съ ними въ походы, но и дѣйствительно помогали воевать.

Въ Москвѣ сложился нѣсколько иной взглядъ на женщину. На этотъ взглядъ имѣла значительное вліяніе письменность, занесшая къ намъ изъ Византіи. Книжники смотрѣли на женщину, какъ на ехидну. „Что сильнѣе? — спросили они — Сильнѣе огнь, который все пожираетъ и поѣдаетъ, а огня сильнѣе вода, понеже угашаетъ огонь, а воды сильнѣе вѣтръ, потому что движетъ ее; а вѣтра сильнѣе гора, потому что недвижима отъ него бываетъ, а горы сильнѣе человѣкъ, потому что распопаетъ ее и владѣетъ ею; а человѣка сильнѣе хмѣль, потому что отымаетъ у него руки и ноги и всю крѣпость его; а хмѣлю сильнѣе сонъ; а сна сильнѣе злая жена, потому что и трезва мужа своего безъ ума и безъ памяти сотворитъ.“ Такія же воззрѣнія распространяли “слова о злыхъ женахъ“, приписанныя Іоанну Златоусту; потому что любимыя вещи обыкновенно приписывали громкимъ авторитетамъ *). Подобныхъ словъ было довольно много и всѣ они въ

*) Вотъ это слово: «Нѣтъ ничего подобнаго на землѣ женѣ злоязычной: никакой звѣрь не сравняется съ женой пронырливой. Что льва злѣе между четвероногими? Что змія лютѣе между пресмыкающимися? Ничто же есть въ сравненіи съ женой злоязычной: свидѣтельствуетъ мнѣ премудрый Соломонъ говоря: лучше жить со львомъ и зміемъ въ пустынѣ, нежели съ женою злоязычною и прокудливою. Даніила во рвѣ львы устыдились: а праведнаго Наѳоя Изавель убила. Китъ Іону во чревѣ сохрани, Іродіада же на обѣдѣ усѣче его. Вороны Илью въ пустынѣ кормили, Іезавель же его на смерть готовила предать. И убоявшись Илья бѣжалъ въ пустыню! Увы мнѣ! Убоялся жены тотъ пророкъ, который огонь съ небеси снесъ и мертвыхъ воскресилъ! О, злоострое діавола оружіе! И самого Златоуста Евдоксена изгна и въ Армснію заточи. Жены ради Адамъ

одномъ тонѣ: „какъ капель изгоняетъ человѣка изъ дому въ день ненастный, такъ и злая жена изгоняетъ мужа. И какъ золотыя серьги въ ноздряхъ у свиньи, такъ и злой женѣ красота“, и т. п. Въ „Бесѣдѣ отца съ сыномъ“ женщина называется прохирливой, льстивой, крадливой, злоязычной, колдуньей, еретицей, медвѣдицей, львицей, зміей скорпіей аспидомъ и василискомъ. Въ „Судахъ Соломона“, царь говоритъ, что между тысячами мужей нашелъ умныхъ много, а между женщинами ни одной. Даже средневѣковыя произведенія, перешедшія съ запада, высказывали такой же взглядъ на женщину. Такъ въ „Смѣхотворныхъ повѣстяхъ“ встрѣчается много анекдотовъ: „о тяжести женскаго права“, „объ упрямствѣ жены“ и т. п.

Въ московскомъ государствѣ женщина находилась подъ такимъ гнетомъ, что ее даже держали въ заперти. Женщинѣ не дозволялось рѣзать животное; полагали, что мясо отъ этого испортится. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Въ извѣстные дни женщину считали недостойной, чтобы ѣсть вмѣстѣ съ нею. Въ церкви женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ.

Русскіе женились очень рано. Впрочемъ, по Стоглаву было положено вѣнчать мужчинъ не ранѣе 15, а дѣвицъ не ранѣе 12 лѣтъ. Молодые люди обоихъ

изъ рая изгнанъ былъ; жены ради кроткій Давидъ прельщенъ и Урію убити сотвори; женами діаволъ премудраго Соломона въ преступленіе ввелъ. Безстыдная жена никого не стыдится, ни священника чтитъ, ни левита срамляется, ни пророка боится. О, зло всего злѣе—злая жена. Если убога, то всѣхъ осуждаетъ; если богатство имѣетъ, то всѣхъ укоряетъ. Лучше желѣзо варить, нежели учить злую жену. Потому что злая жена никогда не смирится; казнима боится, кротима вознесется и не знаетъ обычая хранить любви.»

половъ не могли видѣться и уговариваться между собою. Женихъ не смѣлъ даже сказать, что желаетъ жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбою и начинать сватовство, когда вздумаетъ. Иногда родители, желая сбыть невѣсту, сами дѣлали первый шагъ и засылали свата. Иногда браки начинались по волѣ высшихъ лицъ; такъ цари и великіе князья женили своихъ бояръ и сами выбирали имъ невѣстъ; а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить населеніе въ Сибири, хотѣло непремѣнно, чтобъ тамошніе пашенные крестьяне отдавали своихъ дочерей за ссыльныхъ; и такъ какъ поселяне не хотѣли брать себѣ въ зятья мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню.

Когда сватанье шло на ладъ, то обыкновенно дозволялось видѣть невѣсту или родственницѣ жениха или смотрительницѣ. Если у родителей дочь-невѣста уродъ, то вмѣсто нея приводили меньшую и выдавали смотрительницѣ за невѣсту; а если не было другой дочери, подставляли служанку. Женихъ не имѣлъ права самъ видѣть невѣсты до самаго брака и узналъ обманъ только послѣ вѣнчанья. — Такъ у одного посадскаго была дочка кривая на одинъ глазъ. Родитель этой красавицы обѣщалъ пріятелю награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Сватъ отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ увидѣть невѣсту изъ окна, когда она пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ, а женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна; дѣвица идя держалась такъ, что жениху видѣнъ былъ одинъ ея здоровый глазъ. Женихъ согласился женить-

ся.—Разсказывая о сватовствахъ, Котошихинъ (писатель XVII в.) восклицаетъ: о благоразумный читатель! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, какъ въ московскомъ государствѣ.

При соглашеніи родителей составлялись рядныя записи, въ которыхъ мать перечисляла все, что дается зятю: деньги, землю, платье... А женихи давали записи, что они непремѣнно женятся въ назначенный срокъ; въ противномъ случаѣ должны заплатить родственникамъ невѣсты означенную въ рядной сумму денегъ. Даже крестьяне иногда писали записи, въ которыхъ значилось иногда, что отецъ не долженъ (будущихъ) богоданныхъ сыновей отдавать куда-нибудь въ боярскій домъ въ холопство и т. д. Сватьбы совершались съ безчисленными обрядами.

Въ то время, когда у казаковъ жены пользовались большой свободой, были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походъ; — „ни татары ни москвитяне, по свидѣтельству Михалона Литвитянина, не даютъ своимъ женамъ никакой свободы“. И чѣмъ знатнѣе былъ родъ, тѣмъ строже было въ Москвѣ заключеніе женщины. При отдачѣ за мужъ дѣвицу не спрашивали о желаніи; она сама не знала, за кого идетъ. Выйдя замужъ, она становилась рабой своего мужа. Ревнивый мужъ окружалъ ее шпіонами-служанками и холопами, которые доносили о каждомъ ея шагѣ и часто перетолковывали въ дурную сторону. Мать имѣла надъ дѣтьми меньше надзора, нежели няньки.

Обращеніе мужей съ женами было таково: у мужа висѣла плеть, исключительно назначенная для жены, называемая дуракъ; за ничтожную вину мужъ

таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ до нага, привязывалъ веревками и сѣкъ дуракомъ до крови—это называлось учить жену!! Домострой, написанный передовымъ человѣкомъ своего времени попомъ Сильвестромъ (при Грозномъ), учитъ: „по уху, по видѣнію (лицу) не бити, ни посохомъ не колоть, ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ (орудіемъ) не бить; — а, соймя рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа„... Привыкшія къ рабству женщины въ теоріи вѣрили, что онѣ отъ рожденія предназначены, чтобъ мужья били ихъ и даже самые побои считали признакомъ любви.

На практикѣ же онѣ мстили за себя совершеннымъ отсутствіемъ супружеской вѣрности... Болѣе же энергичныя женщины мстили убійствомъ и отравою. Въ уложеніи Алексѣя Михайловича сказано: „Если жена учинитъ мужу смертное убійство или окормитъ отравою, живу ее окопати въ землю и казнити ее такою казнію безо всякія пощады и отнюдь не дати милости и держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, покамѣсть она умретъ.“ (гл. 23, ст. 14). При подобныхъ случаяхъ оставляли наружу только одну голову; сторожа стояли при казненныхъ и не допускали, чтобъ кто нибудь изъ прохожихъ покормилъ преступницу.

Жены людей знатныхъ и богатыхъ не мѣшались въ домашнее хозяйство; всѣмъ завѣдывалъ дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. А хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои, садились съ ихъ прислужницами за шитье и вышиванье золотомъ и шелкомъ. У болѣе бѣдныхъ, жена — и то если ей довѣрялъ мужъ—должна была наблюдать за всѣмъ и сама

умѣть лучше слугъ: и кушанье сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерть послать и пр. Она должна была вездѣ переходить и „перенюхать“ и на погребѣ, и на ледникѣ: крѣпко ли прибито гвоздіе, не капаетъ ли гдѣ, и замокъ не испорченъ ли...

Жены выходили къ гостямъ рѣдко и то только въ палату, гдѣ гостямъ обѣдать. Жены кланяются гостямъ „малымъ обычаемъ“, а гости женамъ кланяются въ землю; а потомъ хозяинъ бьетъ челомъ гостямъ и кланяется имъ въ землю и за тѣмъ, по прошенію гостей, напередъ цѣлуетъ жену; потомъ гости одинъ по одному кланяются женамъ въ ноги и подошедши цѣлуютъ, и поцѣловавъ опять кланяются въ землю; а жена кланяется „малымъ обычаемъ“. Перецѣловавъ женъ, гости садятся обѣдать; а жены идутъ въ свои покои и обѣдаютъ у себя. Съ мужчинами женщины обѣдали только на сватьбахъ.

За каждой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество сыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ; иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кириловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстою, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги.

Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду.— русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ

своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ; недурныя собой отъ природы, русскія женщины совершенно искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что, казалось, будто бы кто нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало; они размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови, и притомъ самымъ уродливымъ образомъ — чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали какъ нейдетъ собственно для нихъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ.

Для важнаго человѣка въ старину вообще считалось неприличнымъ ходить пѣшкомъ. Жены и вообще особы женскаго пола боярскихъ и дворянскихъ семействъ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ и лѣтомъ (колымаги) и зимой (каптаны). Внутри они обивались краснымъ сукномъ или червчатымъ бархатомъ. Знатная госпожа сидѣла въ колымагѣ на подушкѣ; у ногъ ея сидѣли рабыни. Колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; если же запрягали нѣсколько, то не врядъ, а гуськомъ.

Въ простонародіи женщины и дѣвицы собирались лѣтомъ по праздникамъ на лугахъ близь селеній въ хороводы, пѣли пѣсни и плясали. Въ высшемъ обществѣ пляска вообще считалась неприличною; но господа и госпожи иногда заставляли плясать передъ собою своихъ рабовъ, особенно литовскихъ или татарскихъ плѣнниковъ.

Но если крестьянокъ не держали въ затворѣ, то на нихъ была взвалена вся тяжесть домашнихъ работъ; на нее, какъ на рабочую лошадь, взваливали все, что

потруднѣе. Въ церковь они ходили рѣже мужчинъ и то на короткое время, чтобъ помолиться иконамъ. Духовный стихъ такъ описываетъ дѣятельность грѣшной крестьянки:

Изъ коровушекъ молока я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала.
Въ этихъ грѣхахъ Богу не каялася.
Смалешиньку дитя своего проклинывала;
Мужа съ женою я разваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала,
По улицамъ много хаживала,
По подъоконью много слушивала;
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
Во полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межу черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку затарчивала,
Чужую полосу закашивала.
Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала.
Я во поляхъ много хаживала,
Проворы во поляхъ пораскидывала,
Скотину въ поле понапущивала,
И добрыхъ людей оголаживала.
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьми оборачивала.
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

Жена должна была раздѣлять участь мужа: въ случаѣ его преступленія казнили не только его, но и его жену. Законодательство медленно подвигалось по женскому вопросу. Такъ въ 1637 г. запрещено было казнить смертію беременныхъ женщинъ, а только черезъ 6 недѣль послѣ родовъ. Въ 1679 году били челомъ служилые люди, что родственицы ихъ выданы замужъ съ вотчинами, и мужья ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобъ онѣ свои приданыя вотчины прода-

вали и закладывали своими именами: состоялся указъ, чтобъ мужья не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами. Расколъ отчасти потому имѣлъ значительный успѣхъ, что предоставлялъ женщинѣ болѣе свободное положеніе.

Такова была мрачная древняя русская жизнь, сложившаяся подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Но „быль молодцу не укора“, говоритъ народная пословица, тѣмъ болѣе, что насъ отдѣляютъ отъ этого прошедшаго цѣлые вѣка. Сами иностранцы не могли не отдать справедливости способностямъ русскаго народа: “необразованность сковываетъ этотъ народъ — говорили они — но какъ же будетъ онъ могущественъ, когда пріобрѣтетъ образованіе!“.....